9-
1058 К

академия наук ссср
институт востоковедения
и таджикистанская база

согдийский сборник

издательство академии наук ссср
ленинград

ч. 9
С-569

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ТАДЖИКИСТАНСКАЯ БАЗА

СОГДИЙСКИЙ СБОРНИК

СБОРНИК СТАТЕЙ
О ПАМЯТНИКАХ СОГДИЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
НАЙДЕННЫХ НА ГОРЕ МУГ В ТАДЖИКСКОЙ ССР

1947

Академия Наук СССР
Музей РИЗО
Библиотека
Дубль

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД · 1934

Госуда... республ. им. ...
95
1058
Тадж. 8

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Сентябрь 1934 г.

Непременный секретарь академик *В. Вом*

Редактор издания академик И. Ю. Крачковский и А. А. Фрейман

Обложка работы К. Л. Иванова

Технический редактор Г. А. Стратановский — Ученый корректор А. В. Суслов и Д. С. Лихачев

Сдано в набор 3 августа 1934 г. — Подписано к печати 26 сентября 1934 г.

124 стр.

Формат бум. 62 × 94 см. — 7 3/4 п. л. + 5 табл. — 40128 печ. зн. в л. — Тираж 2175

Ленгорлит № 25582. — АНИ № 436. — Заказ № 200

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12.

Памяти

академика Сергея Федоровича

ОЛЬДЕНБУРГА

директора Института востоковедения и председателя Таджикистанской базы Академии Наук СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник, выпускаемый Институтом востоковедения и Таджикистанской базой Академии Наук СССР, содержит пять статей, посвященных кругу вопросов, связанных с открытием на горе Муг в Таджикской ССР, на территории древней Согдианы, памятников согдийского языка и культуры. Из них две статьи представляют собою изложение истории открытия этих памятников, предварительный отчет экспедиции Таджикистанской базы Академии Наук и некоторые заключения, которые возможно было сделать на основе предварительного ознакомления с материалом; одна статья содержит опись рукописных документов; остальные две — издание и исследование единственного арабского и трех китайских письменных документов этого собрания. Сборник должен показать, какое значение имеют эти документы для иранского языкознания и истории Средней Азии. Эти документы — архив крупнейших согдийских феодалов первой четверти VIII в. О значении их достаточно ясно говорят встречающиеся там имена trγwn MLK' «Тархун царь» и sγwδyk MLK' sm'rknδč MR'Y δyw'styč «согдийский царь самаркандский государь Дēвāстēч».

Экспедиция Таджикистанской базы Академии Наук СССР и все работы по обработке собранных ею материалов по языку и культуре согдийцев протекали в атмосфере неослабного внимания и интереса со стороны Партии, Правительства и советской общественности Таджикистана. Без деятельной помощи с этой стороны было бы невозможно относительно быстрое осведомление специалистов о находке согдийской рукописи, немедленная организация экспедиции на место находки и принятие мер к хранению и обработке добытых ею материалов, что предотвратило возможные потери для науки. Горячий интерес советской общественности Таджикистана к обнаруженным там согдийским древностям — понятен в наших условиях. Древности Согдианы — это древности трудящихся Таджикистана.

В текущем году исполняется десятилетие существования Таджикской Советской Социалистической Республики. Образование самостоятельной

Таджикской ССР, один из актов нашей национальной политики, служит делу развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры в Таджикистане. Эта политика помогла открытию и изучению собрания согдийских документов с горы Муг.

20 июня 1934 г.

А. А. ФРЕЙМАН

НАХОДКА СОГДИЙСКИХ РУКОПИСЕЙ И ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

(Предварительное сообщение)

Daraji soji Kum
Bahojaș ș̌ahri Rum.[1]

Иранское языкознание и история Ср. Азии неожиданно обогатились исключительным по научному значению материалом, найденным в Таджикистане, на территории древней Согдианы.

Весною 1933 г. в Ленинграде стало известно, что в Таджикистане найдена рукопись на уйгурском или на согдийском языке. Фотография этой рукописи была привезена в апреле 1933 г. ученым секретарем Таджикистанской базы Академии Наук А. И. Васильевым в Ленинград и передана мне для изучения и издания. Фотография рукописи, хотя и плохая, позволила с несомненностью установить, что рукопись является документом, написанным согдийским курсивом на согдийском языке, и по содержанию представляет собою письмо, адресованное какому-то знатному лицу. Факт находки согдийской рукописи в Таджикистане вызвал, естественно, оживленный интерес в ученых кругах. Это был ведь первый случай находки согдийской рукописи в СССР на территории собственной Согдианы, в то время как все находки согдийских рукописей до сих пор были сделаны в согдийских колониях в Китае. Очевидной стала необходимость поездки в Таджикистан для ознакомления с подлинником, уточнения места находки и выяснения обстоятельств, ее сопровождавших. После находки этой рукописи отнюдь не фантастичной была надежда на находку других. К счастью, надежда нас не обманула. Командированный Академией Наук СССР, я выехал в начале июня 1933 г. в Сталинабад и получил возможность на месте ознакомиться с подлинником рукописи. Результатом этого было подтверждение первона-

[1] Орфография таджикских цитат здесь и ниже следует правилам современной таджикской орфографии.

чальных впечатлений, вынесенных при изучении фотографии, и выяснение некоторых мест в тексте, трудно поддававшихся разбору на плохом снимке. Выяснилось, что лицо, которому письмо было адресовано, тесно связано с Самаркандом. Это обстоятельство вместе с палеографическим анализом рукописи послужило отправным пунктом для определения времени, к которому надлежало отнести нашу рукопись. Употребление согдийского языка и согдийского письма в сношении с знатными лицами или учреждениями, связанными с Самаркандом, едва ли было возможно после окончательного и прочного утверждения власти халифата в Ср. Азии.

Отсюда следовал вывод, что наш документ должен быть отнесен ко времени не позже середины VIII в. нашей эры (terminus ante quem). С другой стороны, то обстоятельство, что он служит образцом дальнейшего сравнительно с некоторыми согдийско-буддийскими текстами развития согдийского алфавита в сторону курсива, не позволяет отнести его ко времени значительно более раннему. Последнее соображение заставило установить terminus a quo не позже второй половины VII в. Найденный, спустя некоторое время, в том же самом месте, где был найден и первый документ, среди согдийских документов один арабский (о чем речь ниже), написан, как доказано ныне блестящим анализом И. Ю. Крачковского, во время, которое может быть определено с точностью до 1.5 года (не ранее конца 717 г. и не позже апреля 719 г.) и исходит от того же лица, к которому адресован согдийский документ. Найденный там же один китайский документ датирован, как мне любезно сообщил В. М. Алексеев, 706 г. Эти данные уточнили сделанные мною выводы о времени, к которому должен быть отнесен наш документ. Он был написан, вероятно, в первой четверти VIII в.

В Сталинабаде в беседе с прибывшим во время моего там пребывания секретарем Захматабадского райкома партии тов. Пулоти мне удалось выяснить, что рукопись вместе с корзиной из ивовых прутьев была найдена кем-то в развалинах замка на горе Муг (muq kal'a) около селения Хайрабад, на левом берегу Зеравшана у впадения р. Кум в Зеравшан, что рукопись эта была привезена в Варзи-Минор и передана ему, и он, в свою очередь, привез ее в Сталинабад. Других подробностей мне и из беседы с тов. Пулоти выяснить не удалось. Поэтому было принято решение поехать на место находки, чтобы ознакомиться с местностью и выяснить возможные условия ее археологического обследования. В то время, однако, мне не удалось поехать с А. И. Васильевым на место находки и я вернулся в Ленинград, запасшись отличным новым снимком документа, любезно сделан-

ным тов. Чейлытко. Мы условились с А. И. Васильевым, что он при первой возможности посетит с указанной целью место находки рукописи.

В августе Академией Наук СССР была получена телеграмма от т. Пулоти с извещением о том, что он раскопал и добыл на горе Муг около 20 рукописей на бумаге и коже и памятники материальной культуры. Это обстоятельство, подтверждавшее первоначальные предположения о возможности дальнейших находок рукописей на горе Муг, ускорило мой вторичный при-

Фиг. 1.

езд в Сталинабад. Командированный Академией Наук СССР, я выехал туда 17 сентября. В Сталинабаде я узнал, что А. И. Васильев, как было условлено, выехал тем временем на место находок. Вернувшись в начале октября оттуда, он смог мне сообщить о сделанном им предварительном обследовании местности и постройки и о находке 21 рукописи и памятников материальной культуры, которые временно остались на месте. Так как развалины замка были уже частично раскопаны, и в Сталинабад стали поступать сведения о посещении их разными лицами, а дождливая пора, могущая вскоре наступить, угрожала раскопанным развалинам и тем историческим сокровищам, которые они могли еще в себе таить, то было принято решение о безотлагательном снаряжении экспедиции на гору Муг для раскопок. Экспедиция по постановлению Центральных органов Таджикистана была снаряжена Таджикистанской базой Академии Наук СССР в составе А. А. Фрейманa, А. И. Васильева и В. А. Воробьева (фиг. 1). Происходившая в октябре

Конференция Ученого совета Таджикско-Памирской экспедиции задержала нас на некоторое время в Сталинабаде. Это время было использовано мною для ознакомления с рукописями, добытыми тов. Пулоти на горе Муг и привезенными им в Сталинабад. В числе этих рукописей была одна — арабская, одна — пока еще неопределенная, остальные — согдийские. Мы выехали только 31 октября, когда ближайший путь на Зеравшан через перевал Шутур-Гардан был уже завален снегом. Вследствие этого, мы были вынуждены поехать кружным путем по железной дороге в Самарканд и оттуда через Пенджикент на арбах до места, где кончалась колесная дорога (в Дашты-Казы), и далее обычным караванным путем, горной тропой по карнизу с оврингами до места назначения. Весь путь отнял у нас 8 дней.

Помимо Самарканда, мы останавливались в пути для ночлега в Джар-Тюба, Пенджикенте (62 км к востоку от Самарканда), Яры, Дашты-Казы и Урмитане, постепенно поднимаясь в гору по мере продвижения к востоку от Самарканда (740 м над уровнем моря) до горы Муг (1500 м) у Хайрабада, расположенного приблизительно в 120 км к востоку от Самарканда. Дорога идет сначала по левому берегу Зеравшана, затем за Пенджикентом, не доезжая Яры, переходит на правый берег. К сел. Хайрабад, лежащему на левом берегу реки, ведет тропа от дороги вниз к Зеравшану, и, далее, по легкому мостику, перекинутому через реку. Погода в пути нам благоприятствовала, за исключением 5 ноября, когда в пути от Пенджикента до Яры весь день шел дождь. Этого дождя было достаточно для того, чтобы дорога местами испортилась. Так, между Урмитаном и Хайрабадом мы встретили на расстоянии около четырех шагов образовавший осыпь ползучий гравий, известный здесь под названием regi ravon, который закрыл собою горную тропу.

Без особых приключений мы прибыли вечером 8 ноября на гору Муг и на следующее утро обосновались лагерем, разбив палатки на площадке метров 15 ниже развалин замка, лежащего около 120 м над уровнем Зеравшана. 10 ноября начались раскопочные работы при наличии 8-10 рабочих, а 23 ноября, уже под снегом и дождем, мы выехали обратно и вернулись 1 декабря в Сталинабад. На месте раскопок мы узнали, что первая рукопись на горе Муг была найдена еще весною 1932 г. жителем сел. Хайрабад, пастухом Джур-Али Махмад-Али и осенью того же года передана тов. Пулоти в Варзи-Минор.

В нашу задачу входило, удалив строительный мусор, выяснить по возможности характер постройки и назначение ее и постараться найти памятники материальной культуры и рукописи и вообще все то, что помогло бы

наиболее всесторонне осветить весь комплекс вопросов, вставших перед наукой в связи с находками на горе Муг. Огромное научное значение этих работ, после рекогносцировочной поездки А. И. Васильева, было для нас уже тогда ясно. Недаром у местного населения по Зеравшану вверх до Варзи-Минора, как мне приходилось слышать при посещении мною этого районного центра во время раскопок, в ходу поговорки вроде помещенной мною в заголовке статьи: daraji soji Kum, bahojaș șahri Rum «ущелье речки Кум — цена его город Рум» или: daraji soji Kum, kalidaș șahri Rum «ущелье речки Кум — ключ его город Рум» и т. п. Очевидно, население этих мест приписывало им какое-то особо важное значение — потому ли что здесь находились раньше клады, или же в памяти местного населения сохранились воспоминания о событиях, имевших здесь место, или о роли, которую эти места играли на старых торговых путях, — трудно сказать. Название Muq-kal'a «крепость магов» показывает, что местное население относит данное строение к временам до-мусульманским. Весьма вероятно, что данное здание находится в связи с лежащим к югу от него вверх по течению Кума километрах в 4 зданием, значительно превышающим по размерам раскопанную нашей экспедицией постройку. Упомянутое здание, осмотренное участниками экспедиции, должно послужить объектом дальнейших работ экспедиции.

Гора Муг, на которой был построен наш замок, является крайней горой в небольшой горной цепи, отходящей от Зеравшанского хребта к р. Зеравшану. Эта цепь отделяет р. Кум от соседней к западу речки Мадм. Гора Муг омывается р. Зеравшаном с севера и запада, а Кумом с востока. Раскопанное здание состояло из 4 длинных комнат и примыкающей к ней с запада террасы. Рукописные документы на бумаге и коже были найдены во второй и третьей комнатах — в южной части и на деревянных палках — в четвертой.

О топографии местности и архитектурных деталях постройки, а также о предметах материальной культуры, там найденных, говорится в статье А. И. Васильева. На мою долю остается здесь сказать несколько слов об общих результатах наших работ, о значении добытых нами материалов и закончить описанием рукописей.

В результате работ экспедиции Таджикистанской базы Академии Наук СССР ею собраны и подлежат изданию 400 предметов вещественной культуры, в том числе ткани, изделия из кожи, гончарные изделия, предметы военного снаряжения (стрелы, щит), домашней обстановки, 6 монет — из них одна серебряная, остальные — медные с отверстием в середине

и 81 рукописный документ на бумаге, коже и дереве (палки). Не время еще в предварительном сообщении подводить окончательные итоги раскопок и делать далеко идущие выводы, тем более, что археологические работы на месте будут продолжаться. Но уже теперь с несомненностью приходится признать огромное значение этих фактов для истории Ср. Азии и иранского языкознания. Как было уже сказано выше, рукописные документы нашего собрания относятся к определенному времени, а именно к первой четверти VIII в., ко времени завоевания Ср. Азии арабами. Блестящий анализ арабского документа, сделанный И. Ю. Крачковским, и предварительный просмотр согдийских документов показывают нам, что перед нами подлинный архив согдийских феодалов того времени, группировавшихся вокруг засвидетельствованного в арабских источниках Дīвāстīча[1] (так он называется в наших согдийских документах). Статья В. А. и И. Ю. Крачковских с достаточной убедительностью вскрывает перед нами на основании арабских нарративных источников те события, которые трагически оборвали политическую деятельность Дīвāстīчā. В связи с этими событиями, вероятно, и было разрушено раскопанное нами здание, которое похоронило в своих развалинах и сохранило для научного исследования документы первостепенного значения. В наших согдийских документах Дīвāстīч называет себя sγwδyk MLK' sm'rknξč MR'Y δyw'styč «согдийский царь самаркандский господин Дīвāстīч»; этим же титулом его величают и его корреспонденты. В некоторых документах титул его короче: sγwδyk MLK' δyw'styč «согдийский царь Дīвāстīч»; иногда идеограмму MLK' заменяет слово γwβw, это имеет чаще всего место в тексте письма, в обращении: γwβw δyw'styč. В. В. Бартольд в статье «Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen», St. Pétersb., 1899, на стр. 11 приводит из Я'куби (т. II, 344) титул согдийского ихшида Гурека (современника Дīвастīча?): «согдийский ихшид, афшин Самарканда».[2] Титулы Дīвāстīча наших рукописей и Гурека у Я'куби удивительно совпадают. Ихшиду и афшину титула Гурека по Я'куби соответствуют MLK' и MR'Y Дīвāстīча наших рукописей. Согдийским эквивалентом идеограммы MLK' принято обыкновенно считать γwt'w «царь». В согдийском языке засвидетельствованы три слова со значением «царь», семантические оттенки которых нам недостаточно ясны; это — засвидетельствованное арабскими источниками ихшид, согд. ман. נשיל,[3] затем

[1] См. статью В. А. и И. Ю. Крачковских.

[2] اخشيذ السغد افشين سمرقند

[3] Dr. Ernst Waldschmidt und Dr. Wolfgang Lentz. Manichäische Dogmatik aus chinesischen und iranischen Texten, SPAW, 1933, стр. 545.

γwt'w и γwβw. Маска MLK' может скрывать любое слово со значением «царь» соответственно тому значению, которое это слово имело в арамейском языке, откуда оно в качестве идеограммы перешло в иранскую, в данном случае в согдийскую письменность. Слово MR'Y известно нам по изданным Рейхельтом согдийским письмам.[1] Это слово значится в 62-й строчке 2-го письма на 18-й странице упомянутого издания, в конце письма, где указывается дата письма: 'XRny ZNH δykwh krt 'YKny čyrδsw''n mr'y 10—3 srδ wm'tw, т. е. «и это письмо написано (букв. «сделано»), когда господина čyrδsw''n 13 лет было». Перевод издателя: «Dieser Brief wurde verfertigt, als 13..... Jahre waren». Определив čyrδsw''n как имя,[2] издатель затруднился перевести стоящее после čyrδsw''n слово mr'y. Последнее является арамейским словом, засвидетельствованным и в списке пехлевийских идеограмм как 𐭬𐭥 для передачи средне-персидского слова x̌aδāy «государь». Является ли оно в согдийском языке заимствованием из арамейского или только идеограммой, скрывающей согдийское слово, трудно сказать. Приведенное Я'куби в титуле Гурека выражение афшин Самарканда в точности соответствует нашему sm'rknδč MR'Y, где mr'y соответствует слову афшин. Почти полное совпадение обоих титулов и приведенная выше цитата из издания Рейхельта čyrδsw''n mr'y делает убедительным перевод MR'Y словом «господин», равно как определение слова афшин, как согдийского слова с этим же значением. Это слово и поныне живо в осетинском языке — в значении «хозяйка» — æfsin. Можно поэтому полагать, что MR'Y является идеограммой соответствующей согдийскому слову афшин. Совпадение титулов Гурека и Дīвāстīча должно во всяком случае указывать на крупный удельный вес этого феодала в среде согдийской знати. Быть может наши документы помогут выяснить его роль точнее, чем это известно до сих пор по арабским источникам. Кроме Дīвāстīча, в документах упоминаются и другие имена: trγwn, ywδ'γšytk (ср. ywδrzmk в письмах, изданных Рейхельтом), rwstk, γ'γs'č γwβw, 'spt'k, γmyr, prm'nδ'r 'wttw, rtyprn, 'rtγwšt и другие. Особенно часто встречаются письма главного действующего лица Дīвāстīча к prm'nδ'r 'wttw. Можно отметить в письмах и некоторые признаки классовой дифференциации, что проявляется в титулатуре. Так, например, Дīвāстīч свои письма к prm'nδ'r 'wttw начинает простым обращением 't prm'nδ'r 'wttw. Письма же других корреспондентов к последнему начинаются обычным титулом 't βγw γwβw «богу царю». Очевидно, prm'nδ'r

[1] Hans Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums... II Teil Die nichtbuddhistischen Texte. Heidelberg, 1931.

[2] См. его глоссарий под данным словом на стр. 48 его издания.

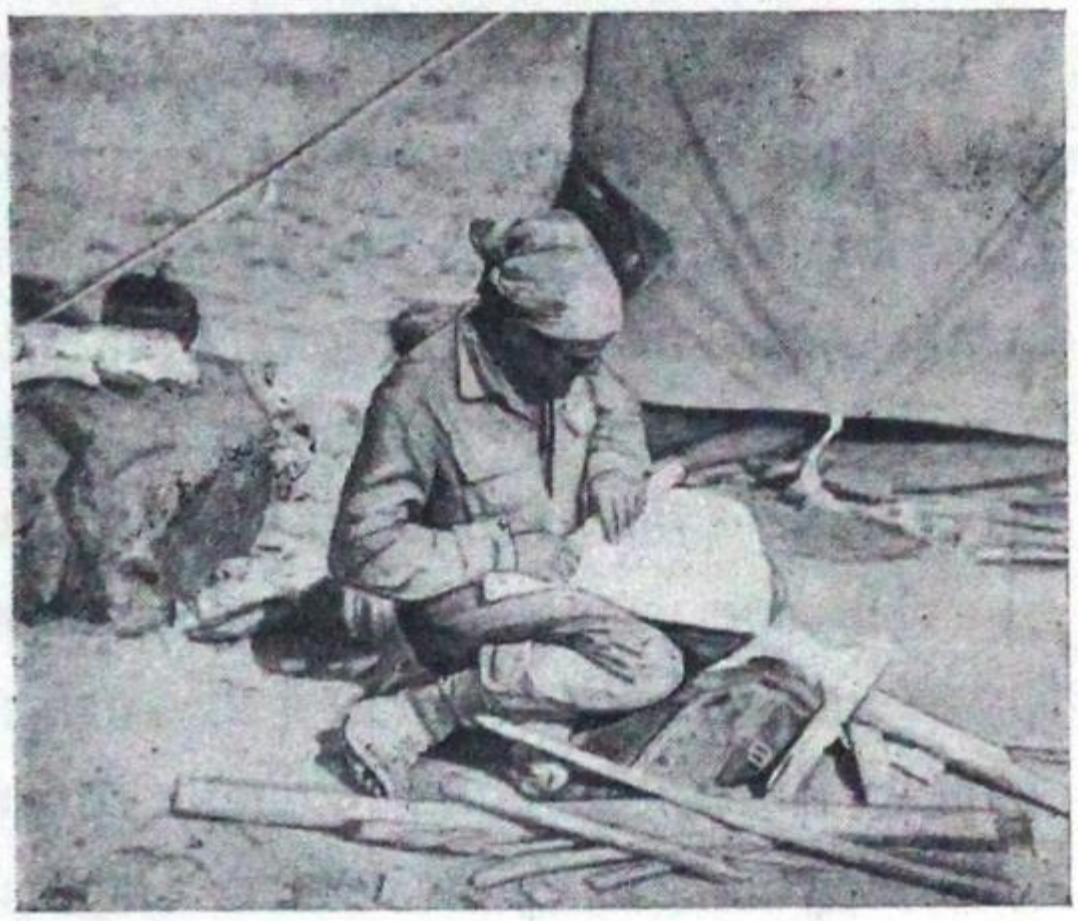
ʾwttw был лицом подчиненым Дīвāстīчу и, во всяком случае, стоящим ниже его на общественной лестнице. Ни одного письма пока не найдено, где корреспондент обращался бы к Дīвāстīчу без пышного титула βγw γwβw. Из географических терминов, встречающихся в письмах можно отметить пока pnčyknδ — Пенджикент и kwštwt — очевидно приток Зеравшана Кштут. Невыясненным пока остается наличие в нашем архиве писем корреспондентов друг к другу. Возможно, что мы имеем здесь дело с так наз. «отпусками», т. е. с копиями писем, отсылаемых адресатам. Возможно также, что здесь собраны архивы нескольких лиц, которых судьба объединила в борьбе с арабами. Эти и другие вопросы, встающие перед исследователем, быть может, возможно будет осветить после издания наших документов.

На горе Муг найдено всего 81 письменных документа,[1] ниже дается краткое описание 80 из них. Один документ, представляющий собою кусок (или куски) кожи, которым оклеены ножны, не мог быть пока описан. В числе названных документов имеется 25 документов на бумаге (тонкой бумаге китайского образца), 32 — на коже и 23 на дереве (на палках). Один документ на коже написан на языке, который еще не выяснен. Два документа на коже — арабские и оказались, как установило наблюдение В. А. Крачковской, частями одного документа. Документов на китайском языке (все на бумаге) — разного состояния и величины — 8 (части трех документов как убедительно доказано С. А. Поляковым); 5 из них имеют на обороте согдийский текст. Остальные документы — на согдийском языке, в том числе все документы на дереве (23), 29 документов на коже и 22 — на бумаге, в том числе 5 с китайским текстом на обороте. Данное собрание документов является единственным в мире собранием согдийских документов по материалу, на котором они написаны. Здесь впервые представлены согдийские документы на дереве. Бумага — материал китайского происхождения и импорта — единственный материал, на котором написаны согдийские рукописи, найденные в Китае, — здесь, на далеком расстоянии от центров китайской культуры, представлена в меньшем количестве, чем кожа, старинный материал, издавна применявшийся в иранских землях,[2] западного происхождения. Китайская бумага, монеты с отверстием в середине и некоторые памятники материальной культуры указывают на сильное влияние культуры Дальнего Востока в этих местах. Можно думать, что китайские документы нашего собрания в противоположность арабским

[1] В июне 1934 г. тов. Пулоти передал Таджикистанской базе Академии Наук еще восемь согдийских рукописей на коже (корр. примечание 19 VIII 1934 г.).

[2] Ср. например, авроманские пехлевийские пергаменты, относящиеся к 1-му р. до н. э.

являются лишь импортированным материалом, оборотная сторона которого предназначалась для письма на согдийском языке и что они не имеют отношения к данному месту. Об этом могли бы засвидетельствовать 5 китайских документов с согдийским письмом на обороте. Некоторые документы на коже написаны на материале, уже бывшем в употреблении для этой цели; при этом текст счищался и новый документ писался на обороте. Найденные документы — различной сохранности, от прекрасной сохранности до обрывков бумаги и кожи, изъеденной червями. Деревянные палки различной длины, объема и формы до 1 м 32 см длины (фиг. 2) — найдены также в различном состоянии сохранности. Некоторые из них обуглены; очевидно их кто-то жег, быть может арабы после взятия данного места или сами жители этой местности. Все палки найдены в четвертой комнате в нижнем слое. Приготовлялись они для письма самым простым способом: срезывали определенной величины ивовую ветвь и очищали ее от коры, выравнивали края, и материал для письма был готов. Большинство палок, кроме того, рассечены по диаметру пополам, таким образом, получалась и плоская поверхность. Писали как на плоской, так и на кривой поверхности. При четырех документах сохранились печати. Одна печать (при документе на коже) из белой массы с изображением головы в профиль и с письменами, которые еще не разобраны; три других — из красной глины (?) с изображением верблюда. Из последних две — при документах на коже и одна — при документе на бумаге. Печати при документах на коже привязаны к ним кожаным ремешком, проходящим через печать и через отверстие, сделанное для этого в документах. Печать при документе на бумаге приложена к нему отдельно. Очевидно, однако, что и она ранее была привязана к документу. На это указывает прорез в документе в определенном месте и проходящая через печать веревка из бумаги. Разрезы и отверстия в других документах в определенном месте, обыкновенно внизу перед предпоследней строчкой, указывают, что и при них были ранее печати, но они по тем или другим причинам не сохранились.

Фиг. 2.

Наше собрание, как уже говорилось выше, является первым собранием согдийских рукописей, найденных на территории собственной Согдианы, впервые в СССР. Оно по своему содержанию, представляющему деловую переписку и хозяйственные записи феодалов, относящиеся к определенному месту и историческому моменту, вместе с предметами материальной культуры, — представляет собою единственное в своем роде собрание и по своему удельному весу и количеству значительно превосходит частные документы, найденные экспедицией А. Стейна в Дунь-Хуане. Иранское языкознание обогатится благодаря им новым словарным материалом. Обогатятся наши познания в области согдийской грамматики. Наши документы, представляющие собою образцы эпистолярного стиля, по форме несколько напоминающего стиль писем, привезенных экспедицией А. Стейна, послужат материалом для истории культуры феодальной эпохи Ср. Азии и с этой стороны. Образцы курсивных почерков, которыми наши письма написаны, дадут также богатый материал для истории согдийского письма.

Полное издание наших согдийских документов встретит известные затруднения. И сегодня, как и 22 года тому назад, не потеряли в основном своей силы мудрые замечания пионера согдийской науки Р. Готио, напечатанные им по поводу писем, привезенных экспедицией А. Стейна, в апрельском номере JRAS на странице 341: «... elles restent difficiles à comprendre, comme tous les documents anciens qui se réfèrent à la vie journalière. Même sur les domaines où nous sommes le mieux informés, notre connaissance de la vie pratique avec tous ses détails précis demeure fort imparfaite; la litterature, en effet, ne nous renseigne pas, ou peu s'en faut, sur ce sujet. On peut s'imaginer dès lors qu'elle est notre indigence quand il s'agit d'une langue ignorée pour ainsí dire il y a peu d'années et qui était parlée par des hommes dont les moeurs, les conditions et le genre d'existence nous sont encore inconnus. Il est à craindre d'ailleurs, que la litterature religieuse bouddhique traduite du sanskrit ne nous donne guère de renseignement sur le vocabulaire technique et familier des sogdiens...»[1]

[1] «... они остаются трудными для понимания, как и все древние документы, относящиеся к повседневной жизни. Даже в областях, где мы лучше всего осведомлены, наше знание быта со всеми его подробными деталями остается весьма несовершенным; литература в этой области по существу не разъясняет нам ничего, или делает это не в достаточной мере. Можно себе представить поэтому, какова наша несостоятельность, когда дело касается языка, еще несколько лет тому назад, так сказать неизвестного, и на котором говорили люди, коих нравы, условия и характер быта еще нам неизвестны. К этому же надо опасаться, что религиозная буддийская литература, переведенная с санскрита не даст нам сведений о техническом и семейном словаре согдийцев.

9
-569

Документы, о которых писал эти слова Р. Готио, были изданы только в 1931 г., т. е. 24 года после того, как они были найдены экспедицией А. Стейна в Дунь-Хуане. Позволительно надеяться, что общий прогресс иранского языкознания даст возможность издать наше собрание в срок значительно более скорый.

Ленинград, март 1934 г.

95
1058

И. А. ВАСИЛЬЕВ

СОГДИЙСКИЙ ЗАМОК НА ГОРЕ МУГ

(Предварительный отчет)

На левом берегу Зеравшана, на расстоянии примерно 3 км от кишлака Хайрабад, вверх по реке, против небольшого кишлака Тухмат, расположенного на правом берегу, находится гора, известная среди местного населения под названием Кух-и Муг (Гора Мага). Сложенная из черно-зеленых силурийских метаморфизованных сланцев, с нанесенным когда-то подпруженным Зеравшаном тонким слоем галечника на вершине, лишенная растительности, гора Муг высится над зелеными водами Зеравшана черной и мрачной громадой (фиг. 1). Как можно видеть на схематической карте (фиг. 2), гора Муг с трех сторон окружена реками: с запада и севера Зеравшаном, а с востока речкой Кум. И только лишь с южной стороны к горе Муг примыкает терраса, дающая доступ к горе по суше. Терраса, сложенная галечником, поднимающаяся на 70—80 м над уровнем Зеравшана, с запада ограничена горным отрогом, возвышающимся над террасой до 70 м, с недоступным западным склоном, круто спускающимся к воде Зеравшана, и крутым обрывом размытого речкой Кум галечника с востока.

Интересующие нас развалины согдийского замка находятся на вершине горы Муг, которая по топографическим условиям местности является пунктом, весьма удобным для обороны, и в тоже время, возвышаясь над окрестностями является прекрасным пунктом для наблюдения. Реки Зеравшан и Кум и крутые склоны горы, местами переходящие в отвесные стены, делают вершину горы с трех сторон совершенно недоступной, а единственное доступное с суши место — терраса, в своей южной части, где она сужается до 20 м, была преграждена каменной стеной бутовой кладки, остатки которой сохранились до сегодняшнего дня. Хотя по сохранившимся остаткам стены нельзя судить о ее первоначальной высоте, так как сохранившийся остаток стены высотой 1.8 м имеет следы разрушения сверху

и толщину 1.4 м, все же остатки говорят, что это была оборонительная стена, защищавшая единственный доступный путь к замку.

Сам замок находился в юго-западном углу вершины горы Муг, развалины которого, занесенные лёссом, в виде небольшой возвышенности не выделяются на общем фоне нанесенного на вершину галечника и лёсса и до находки рукописи пастухом, не привлекали внимания проезжавших мимо исследователей, правда очень немногочисленных. Только попав на террасу,

Фиг. 1.

можно было увидеть остатки стен и сводов в большей своей части засыпанных лёссом. Замок на вершине горы был окружен каменной стеной, от которой сохранились едва заметные следы, местами совершенно исчезающие.[1]

Стена, сложенная из сланцев, имеет толщину 1.7 м. Следов, где был проход в стене, установить не удалось, но надо полагать он находился в северо-восточному углу, так как вершина горы наиболее легко доступна с террасы, с восточного склона. Существующая теперь тропинка по гребню примыкающего к горе Муг хребта, конечно, протоптана пастухами в последнее время и вершина горы доступна отсюда лишь благодаря тому, что наружная сторона стен замка осыпалась, чем создалась возможность взобраться по стене в замок. Этой возможности не существовало тогда, когда каменная кладка была в целости, чем был прегражден доступ на вершину горы, а тем самым и в замок, с примыкающего к ней гребня хребта.

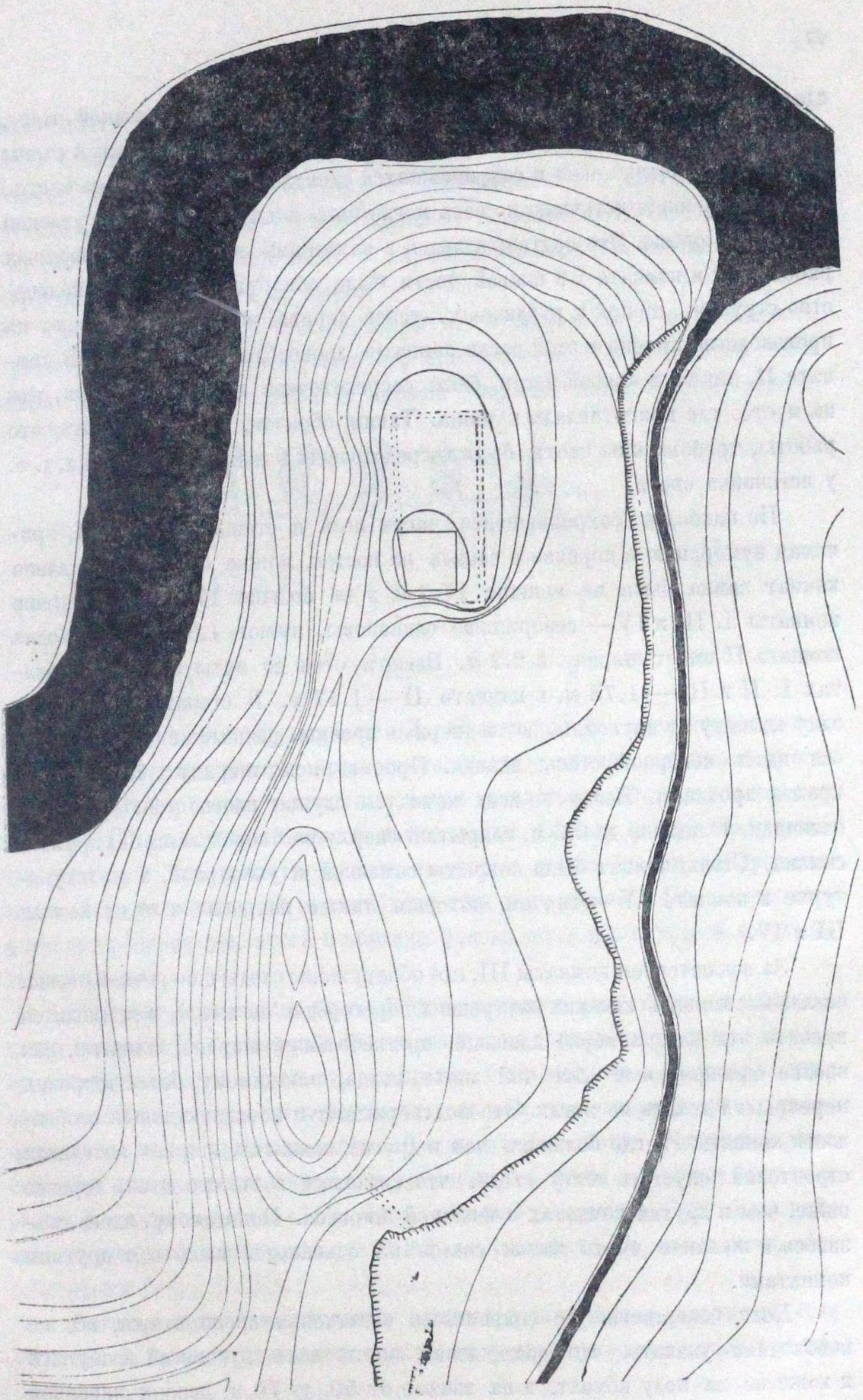
[1] На схематической карте стена показана пунктирными линиями.

Само здание замка стоит на пьедестале, сложенном из смеси галечника с лёссом и облицованном каменной бутовой кладкой, выравнивающей вершину гор (фиг. 3). Так как высшая точка вершины горы находится в комнате 1, то под тремя остальными комнатами к востоку имеется мощный слой смеси галечника с лёссом, а цоколь восточной стены пьедестала находится на 1.37 м ниже пола замка. Это обстоятельство исключало возможность существования входа в замок с восточной стороны, так же как крутые склоны горы исключали эту возможность с запада и юга. И только с северной стороны, где уклон вершины горы незначительный, была возможность устройства входа в замок, и там действительно был обнаружен дверной проем, с деревянной коробкой, от которой сохранился лишь порог с отверстием для пятки двери, открывающейся внутрь.

То обстоятельство, что цоколь каменной облицовки пьедестала замка на западе и юге проходит по бровке склона горы, обусловило план пьедестала, а вместе с тем и замка, наружные стены которого являются продолжением каменной облицовки пьедестала, и пьедестал, как и замок, в плане имеет фигуру неправильной трапеции (фиг. 4), с прямыми северо-восточными и юго-восточными углами. Стены замка как наружные, так и внутренние до высоты 0.83 м от пола, выложены бутовой кладкой из тех же сланцев, забучены внутри мелкими осколками и галечником, скрепленными лёссом. Выше стены выложены из сырцового кирпича размером 52 × × 26 × 9 см, причем ряд кирпичей кладки тычком, чередуется с рядом кладки ложком.

Всего в здании было четыре комнаты, имевших сводчатые перекрытия из кирпича того же размера, и терраса с западной стороны гораздо короче других комнат и открытая сверху. С севера терраса имела, повидимому, такую же высоту стены, как и весь замок, а с запада только до высоты каменной кладки, так как ни малейшего следа кирпичной кладки или осыпавшихся кирпичей от этой стены не сохранилось, и к тому же эта стена идет от севера к югу с понижением от 87 до 65 см в юго-западном углу террасы и повышением по южной стене до 83 см в юго-восточном углу, что конечно противоречит существованию кирпичной кладки.

Возникает также вопрос о существовании южной стены замка, так как сохранилась лишь часть облицовки пьедестала здания, сильно разрушенная благодаря образовавшейся осыпи. Но принимая во внимание угол в 12°, под которым выложена облицовка внешних стен, восточной и северной, не говоря уже о восточной, где угол наклона доходит до 23°, и сохранность внутренних стен комнат I и IV, а также пола этих комнат, приходится

Фиг. 2

сделать вывод, что на остающемся пространстве нет места для южной стены, а, следовательно, надо отрицать возможность существования южной стены вообще. Отсутствие окон в сохранившихся стенах также наводит на мысль, что единственным источником света могла быть южная сторона при условии отсутствия стены. Это подтверждается и находками во время раскопочных работ. Так в комнате I в южной части было обнаружено большое количество стружек, щепок и различных кусков дерева, которые указывают на производство именно в этой части комнаты древообделочных работ. В комнате II, также в южной части, была сосредоточена домашняя посуда, как на месте, где приготовлялась пища. Таким образом, можно говорить, что работы, требовавшие света, были сосредоточены в южной части замка, т. е. у источника света.

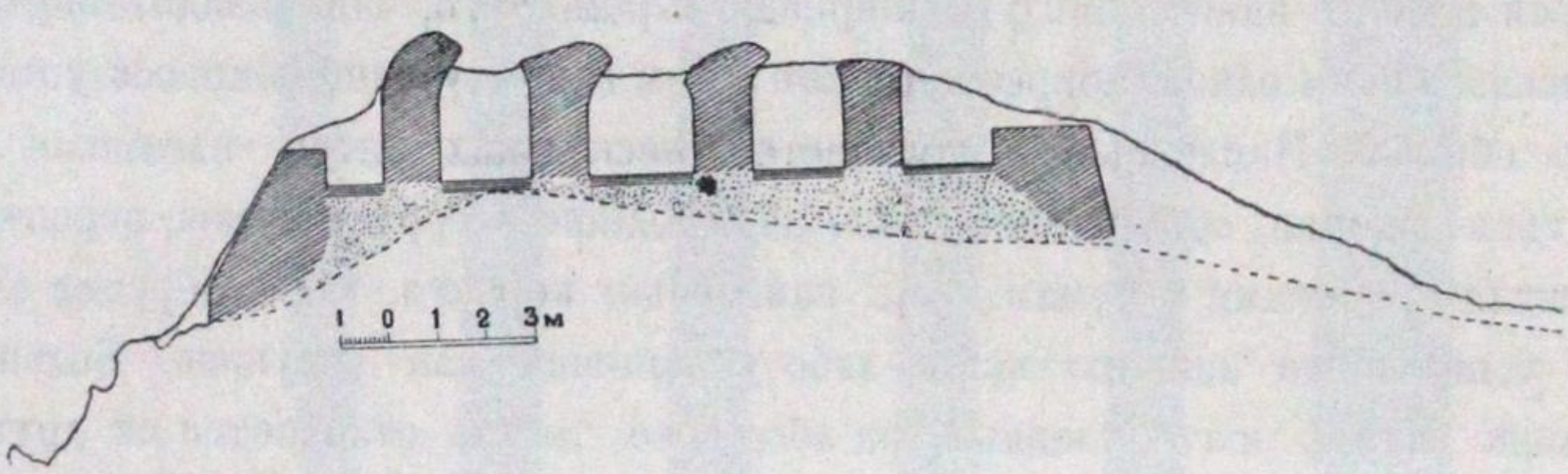
По наиболее сохранившейся части пола и стены в комнате I, принимая нумерацию в порядке с запада на восток, можно считать, что длина комнат замка была не меньше 17.2 м и не больше 17.5 м. По ширине комнаты I, II, и IV — совершенно одинаковы, имеют 1.8 м, и лишь одна комната II имеет ширину в 2.2 м. Высота стен до пяты сводов в комнатах I, II и III — 1.73 м, в комнате II — 1.47 м. В стенах, отделявших одну комнату от другой, имеются дверные проемы, расположенные по одной оси вдоль северной стены здания. Проемы имеют ширину 1.12 м и перекрыты арочками. Полом во всех комнатах служит плотно убитый мелкий галечник, толщиной до 0.3 м, покрытый сверху раствором лёсса без примеси самана. Стены комнат были покрыты саманной штукатуркой, а по штукатурке в комнате IV — ганчем, которым также покрыты и полы комнат III и IV.

За исключением комнаты III, где обнаружены следы поперечной стены, остальные комнаты никаких внутренних перегородок не имели, и приходится принять эти несоразмерно длинные, при небольшой ширине, комнаты, как вполне закономерные для той эпохи, когда, повидимому, более широких перекрытий делать не могли. Это подтверждают и конструктивные особенности комнаты II, где большая, чем в других комнатах, ширина заставила строителей спустить пяту свода, что сказалось в высоте стен, гораздо ниже, чем в других комнатах с меньшей шириной. Повидимому, здесь сказалось и желание иметь замок сводов на одинаковой высоте с другими комнатами.

Хотя совершенно не сохранилось остатков второго этажа, все же необходимо указать, что нахождение почти всех рукописей на бумаге и коже не на полу комнат, а на высоте от 50 до 70 м, поверх кирпичей

обвалившегося свода, покрытыми сверху другим слоем обвалившихся кирпичей позволяет высказать предположение о существовании второго этажа в замке. Находившиеся во втором этаже документы и другие предметы очутились между двумя слоями кирпичей обвалившихся сводов первого и второго этажей. Но это явление наблюдалось лишь в комнатах II и III, в других комнатах этого не было.

Следует отметить, что рукописи на бумаге и коже были найдены в комнатах II и III южной части, на пространстве 7 м от южного конца комнат. Опрокинутая корзина и первый документ под ней были найдены

Фиг. 3.

также в осыпи против комнаты II. Следовательно, местонахождение рукописей ограничивается пространством двух комнат длиною в 7 м и осыпью, куда корзина и рукопись могли попасть из второго этажа над комнатой II при осыпании южной части замка. Отсюда можно заключить, что рукописи хранились в корзине во втором этаже и при разрушении замка были рассыпаны на пространстве этих двух комнат. Предположение о месте хранения рукописей в корзине увязывается и с находкой документов на палках.

Документы на палках были найдены также в одном месте в северной части комнаты IV, лежащими против отверстия опрокинутого хума,[1] как бы высыпанные из него. Часть палок, правда, была найдена и дальше, но уже около остатков костра, на котором их сжигали, что не противоречит предположению о их хранении в хуме. Таким образом, можно говорить о двух способах и двух пунктах хранения документов в замке в корзине во втором этаже и в хуме в комнате IV. Лишь обрывки документа Б-27 были найдены в северной части комнаты II и Б-28 в комнате IV, совершенно обособленными.

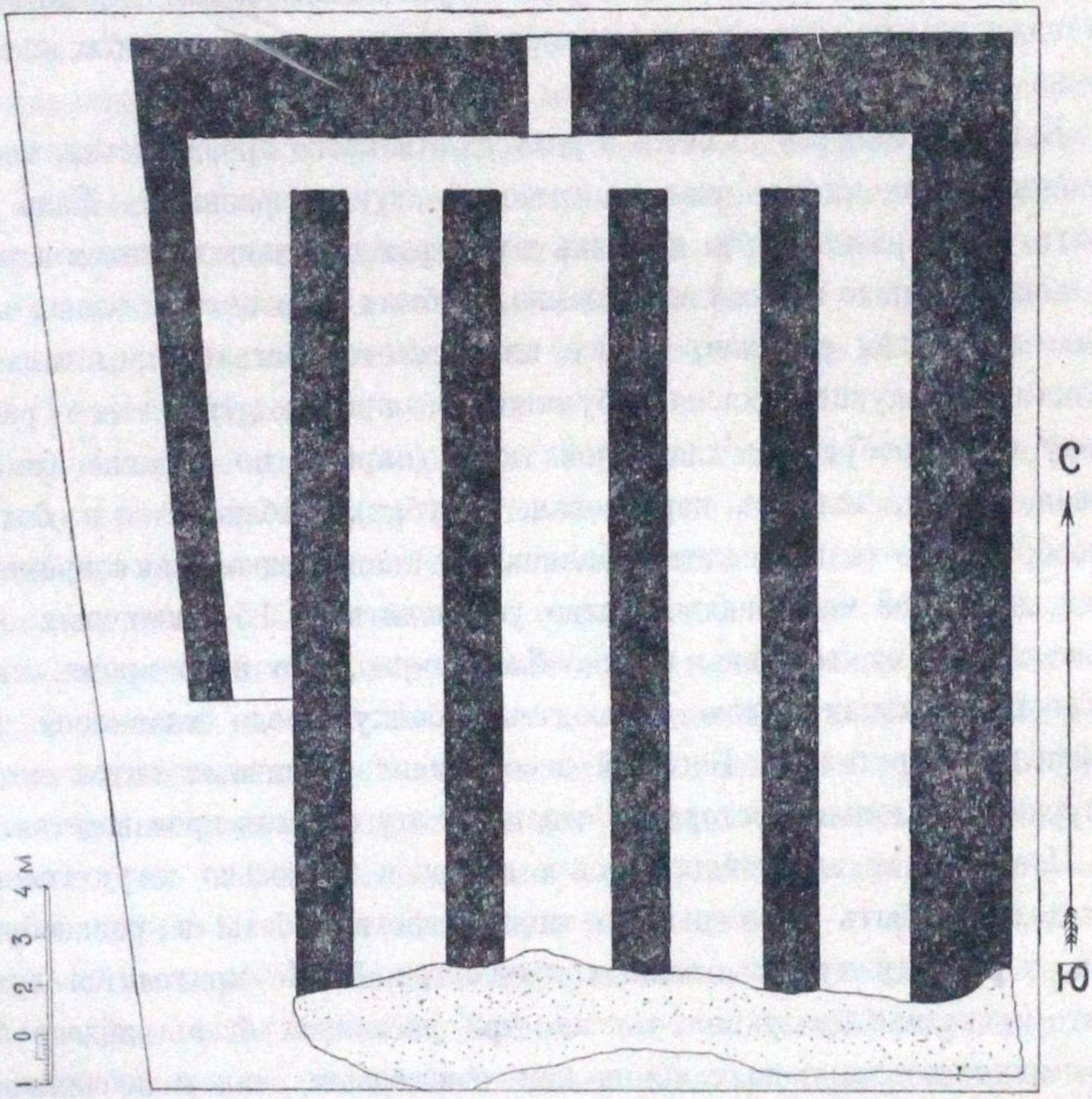
Богатый комплекс найденных предметов всесторонне освещает быт обитателей замка и позволяет судить об уровне развития этого района.

[1] Большой глиняный кувшин.

Предметы гончарного производства, добытые в развалинах замка, в виде корчаг (хумов), глиняных котлов (люля), большой горшок (куза) и множество черепков кувшинов, горшков и т. п. — носят исключительно утилитарный характер. Материалом для изготовления посуды служило лёссовое тесто или темнопепельного цвета глина, так наз. пенджикентская, которая шла также для изготовления огнеупорной посуды с большим добавлением крупного кварцевого песку. Корчаги (хумы) достигают высоты одного метра, с широким низким горлом, с загнутыми наружу краями. Для увеличения прочности, корчаги имеют два деревянных обруча — один у самого донышка, второй в месте наибольшего расширения. Кроме того, поверхность корчаг, за исключением одной, покрыта тонким слоем ганча, утолщающегося у нижнего обруча. Найденные в количестве нескольких штук плетеные из прутьев крышки, совершенно точно подошедшие к горлам хумов, вероятно, служили крышками к хумам. Как найденные корчаги, так и черепки корчаг совершенно лишены каких-либо украшений или рисунков. Большой горшок (куза), изготовленный из лёссового теста, отличается от других предметов гончарного производства, найденных там же, тем, что имеет по плечикам четыре параллельно идущие горизонтальные линии, между которыми идут волнообразные углубленные линии. Вокруг горловины по плечикам на ровном расстоянии одна от другой имеются четыре маленьких дыры, которые служили для продевания тонких шнурков, благодаря чему горшок мог подвешиваться. Внутри горловина имеет прямоугольное углубление для держания деревянной крышки, или глиняной.

Найдены также глиняные котлы из огнеупорной глины, темнопепельной в изломе, с большой примесью крупного кварцевого песку, с плоским дном и витыми ручками. Остальные предметы гончарного производства, как-то кувшины, маленькие горшечки, чашки и т. п. представлены отдельными разрозненными черепками. При сравнительном разнообразии посуды бросается в глаза бедность художественной отделки ее. Наличие лишь отдельных фрагментов со штампованными рисунками и полное отсутствие поливной посуды не дает возможности говорить о существовании в этом районе высокоразвитого гончарного производства. И это становится ясным при сравнении предметов гончарного производства с предметами деревообделочного ремесла. Дерево было главным материалом, из которого изготовлялись предметы домашнего обихода. Прекрасные, большие точеные блюда на ножках, чашка, уже упомянутые плетеные из прутьев маленькие, изящные крышки для хумов; корзины, подносы, плетеные из прутьев и обшитые кожей и карбасом; деревянные пуговицы, точеные и резные; игральные

кости со счетом до четырех очков; двухсторонние гребни, по тонкости работы не уступающие современным роговым; деревянная ложка; деревянная лопата; лукошко из дерева, обтянутое кожей; деревянный щит; шкатулки, обтянутые кожей, от которых были найдены крышки; стрелы и куски дерева, как материалы для письма — все говорит о той доминирующей роли, какую играло дерево в жизни обитателей замка, а вместе с тем и прилегающего к нему района. Совершенно определенно можно говорить о существовании в ту эпоху токарнаго станка, круглой стамески, как это можно установить по найденным вырубленным кружочкам из дерева, тонкой пилы для пропиливания зубьев гребней.

Фиг. 4.

Наряду с деревом большую роль играла кожа и сухожилия животных. Кроме уже упомянутых документов на коже, обшитых кожей подносах — из кожи изготовлялись бурдюки и обувь, как первые, так и вторая — сшитое сухожилиями; кожей обтянут деревянный щит. Найдены различных

размеров ремешки; сухожилиями обмотаны места скрепления в стрелах; найден кусок тисненой квадратиками кожи.

По найденным образцам можно проследить все стадии обработки кожи, начиная от куска кожи, еще не очищенного от шерсти, до прекрасного куска лакированной кожи фиолетового цвета, или тонкой кожи, которой обтянут щит и крышечки шкатулки. Сухожилия также представлены образцами, еще не отделенными от костей, и пучками разделенных на тонкие волокна сухожилий.

Было бы неверно умалять и роль текстильного производства, которое в данном районе стояло уже на высокой ступени развития. Если даже считать, что образцы парчи и шелка самых разнообразных цветов и рисунков, обнаруженные в развалинах замка, не были изготовлены здесь, а привезены из других районов, то все же остается богато представленная образцами продукция хлопчатобумажного производства этого района. Наряду с разнообразием хлопковой ткани (карбос) по окраске (имеется красная, синяя, зеленая, коричневая, голубая), наблюдается и большое разнообразие по толщине нитки. Начиная от ткани тонкой, как современный батист, до грубой мешковины, можно установить до 15 различных видов в зависимости от толщины нитки. Характерно, что в то время, как на шелковых образцах можно наблюдать набойку, среди хлопковой ткани набойки не встретились. Богатый ассортимент различных ниток мотками и шнурков из хлопка всесторонне освещает эту отрасль производства.

Плетеные из хлопковых ниток и шнурков несколько штук головных сеток должны быть отнесены, по тщательности работы и разнообразию узора, к разряду художественных произведений. Не приходится думать, что это привозная продукция, так как при раскопках было найдено большое количество хлопковых семян как очищенных, так и неочищенных, а также хлопкового волокна. Обрывки стеганых кусков хлопка, иногда с кусками материи, повидимому куски одежды (стеганый халат), показывают его как материал имевший в ту эпоху широкое распространение.

К хлопчатобумажной отрасли производства тесно примыкают изделия из шерсти, которые представлены образцами кошм (войлока) и различных шнурков и веревок, в большом количестве найденных в развалинах замка. Широкое применение кожи, шерсти и сухожилий, а также большое количество костей животных, указывает на существование развитого скотоводческого хозяйства. Но скотоводство не отменяет земледелия, как это уже показывает факт находки хлопка, как в обработанном, так и не обработанном виде, а также и находка при раскопках остатков других культурных

растений, как-то семян ячменя, проса, бобов; косточек вишни или черешни, абрикоса, персика, обгрызки яблока и остатки винограда.

Привозные изделия из растений представлены куском манильского троса и небольшим кусочком бамбука, которые несомненно являются представителями флоры Дальнего Востока. Дальний Восток явился родиной и деревянной лакированной чашечки, с рисунком внутри, фрагменты которой были разбросаны в комнате II и на террасе.

Очень бедно представлены изделия из металла. Это—железный серповидный нож без ручки; два четырехгранных, железных наконечника стрел, медные пуговицы, обломки медных пластинок, железная пряжка, какое-то украшение в виде пряжки из железа с накладным серебром и несколько штук медных и одна серебряная монета. Полное отсутствие необработанного металла не позволяет высказаться за существование местной металлообрабатывающей промышленности.

В таком же положении находится вопрос об изделиях из стекла, найденные образцы которого следует отнести скорее к изделиям привозным.

Наиболее полное представление по найденным предметам мы имеем о вооружении той эпохи, недостающие предметы которого пополняет изображение вооруженного всадника на щите. Щит деревянный, обклеенный кожей, по которой на желтом фоне нарисован вооруженный всадник. К сожалению, верхняя и нижняя часть щита обломаны и сохранилась лишь средняя часть; нет головы всадника и ног лошади. Но все же сохранившаяся часть дает четкое представление о вооружении всадника. Он имеет двуручный прямой меч, подвешенный к поясу с левой стороны; кинжал, подвешенный к поясу с правой стороны, колчан со стрелами с правой и два лука в налучье с левой. Всадник одет в кафтан, спускающийся ниже колен и сидит на оседланной лошади. Всадник держит повод в правой руке, а в левой рукоятку какого-то предмета, лежащего на плече. Краски рисунка прекрасно сохранились. Кусочки медных пластинок, найденные при раскопках, могут быть отнесены к латам, употребление которых для данной эпохи в Средней Азии вполне возможно. Если не удалось найти меч, то найдены ножны кинжала, сделанные из дерева и обклеенные кожей, для чего употреблены старые документы. Надо сказать, что употребление документов для обклейки ножен для меча не единственный случай их использования с утилитарной целью. Как можно видеть, из документов шили также и мешочки, две штуки которых найдены при раскопках. Повидимому, письменные документы не являлись неприкосновенным фондом, а употреблялись в утилитарных целях по мере необходимости.

Из оружия наиболее полно представлены стрелы, которые имеют три вида: два вида камышевых и один — деревянные струганные. Камышевые виды стрел отличаются один от другого тем, что в одном случае древко стрелы целиком камышевое, а в другом — древко составное, задняя часть деревянная, точеная, на ней имеется и оперение, а передняя — камышевая. Как тот, так и другой вид камышевого древка имеет яркую раскраску, где преобладающими цветами являются красный, желтый и синий и лишь изредка черный. Наконечники камышевых стрел двойные, из дерева и железа. Железный наконечник четырехгранный, деревянная часть круглая. Все камышевые стрелы имеют четырехстороннее оперение, причем перья приклеены, затем их концы закреплены тонкими сухожилиями. При большом количестве найденных обломков стрел, не удалось найти ни одной цельной и даже из обломков составилась только одна стрела. Длина древка этой составленной из обломков стрелы в камышевой части — 0.673 м, длина деревянной части наконечника — 0.212 м, так что общая длина — 0.885 м. Третий вид стрел — деревянные струганные, имеют в длину 0.307 м при толщине 0.8—0.9 мм, без оперения; концы стрелы обмотаны тонким сухожилием.

Имея небольшую длину древка, эти стрелы, повидимому, не лучные, а употреблялись для стрельбы из самострела. Характерно, что у двух первых видов стрел задняя часть древка, которая при натягивании тетивы держится пальцами, посыпана по краске кварцевым песком, в целях избежания скольжения, у стрелы третьего вида, кроме жильной обмотки, ничего нет. Это также заставляет относить их к стрелам для самострела. К тому же существование самострела в эту эпоху у народов Передней Азии и Дальнего Востока сомнению не подлежит. Столь разнообразный ассортимент находок в развалинах замка имел в распределении по различным комнатам известную закономерность, которая позволяет судить о назначении комнат, а вместе с тем и дает материал для выводов о назначении замка.

Терраса, самая западная часть замка, имела в 0.5 м слой различного мусора, черепков, костей, обрывков тканей, т. е. всего, что выбрасывалось из внутренних помещений. Пол комнаты I был покрыт слоем помета коз и баранов толщиною в 1 м. В этом метровом слое можно было ясно видеть прослойки помета в количестве девяти, чередующихся слоями лёсса, Повидимому, эти прослойки — следы зимних стоянок скота, покрывавшиеся за летний период, благодаря господствующим сильным ветрам, несущим частички выветривающихся гор, тонким слоем лёсса. Если это так, то период существования замка обитаемым — 9—10 лет. Хорошая сохранность

штукатурки стен, углов в дверных проймах, отсутствие следов ремонта внутренних стен подтверждает, что замок был обитаем недолго.

В комнате I так же, как и на террасе, находки ограничивались отбросами и лишь в южной части, как уже было указано выше, в отличие от мусора террасы, были сосредоточены стружки, щепки, чурачки, т. е. отходы древообделочных работ.

Комната II дала при раскопках основное количество хозяйственной посуды: большой горшок (куза), глиняный котел (люля), обломки блюд, лукошко, деревянную лопату, маленькую глиняную чашечку, большое количество следов огня в виде пепла и угля, все в нижней части. В северной части — зерна ячменя, бобов, про́со, немного черепков и каменный жернов.

Комната III была почти пустая от начала до конца и дала лишь незначительное количество черепков и кусочки стеклянных флакончиков и одного гребня.

Что касается рукописей, то они, как указывалось выше, найдены в комнатах II и III не непосредственно на полу, а выше слоя кирпичей обвалившегося свода и к нижним комнатам отношения не имеют, также как и найденные вместе с ними стрелы, район находки которых в остальном ограничен южной частью двух упомянутых комнат выше слоя кирпичей обвалившегося первого свода.

Наиболее богатой по количеству находок и их разнообразию была комната IV, где были найдены все документы на палках, три хума, в одном из которых был найден сапог, множество черепков посуды, три монеты, из которых одна серебряная, наконечники стрел, игральная кость, деревянная ложка, гребень, мешочки из шелка, нож, ножны кинжала; железные наконечники стрел, крышки хумов, плетеный поднос, обрывки одежды, обломки деревянных чашек, медные пластинки, пряжки, т. е. все что показывает на комнату IV, как на место постоянного пребывания хозяина замка.

Таким образом, каждая комната замка имела свое точное назначение. Терраса — свалочное место мусора; комната I — место для скота и производства деревообделочных работ; комната II — хранилище зерна и других продуктов, а также место приготовления пищи; комната IV — жилая комната владельца замка. Что касается комнаты III, то ее назначение по найденным в ней предметам не может быть определено и только отделка комнаты — стены и пол покрыты ганчем — и отсутствие предметов домашнего обихода заставляет считать ее комнатой парадной, или предназначенной для религиозных надобностей.

Не сомневаясь в существовании второго этажа, приходится за отсутствием материала отказаться от высказывания о назначении этого помещения замка, а поэтому суждения о назначении замка могут базироваться лишь по назначению первого этажа.

Исходя из распределения комнат в первом этаже по их назначению, можно определенно говорить, что замок не мог быть местом пребывания воинского отряда, а был местом жительства какого-нибудь высокопоставленного лица из господствующего класса, с несколькими слугами, так как для первого случая нет помещений, а также и сам замок не представляет пункта защищающего или охраняющего также дорогу и доступ к городу; он являлся защитой, и очень солидной, только для живущих в замке. Все условия защиты замка, недоступность вершины горы Муг, стена вокруг замка на вершине горы, стена в южной части террасы, преграждающая единственный доступ к горе, показывает с какой тщательностью защищен этот пункт от нежданных посетителей. Отсутствие каких-либо признаков существования построек на террасе или на вершине горы категорически заставляет отказаться от предположения о существовании жилья, кроме одного замка на вершине горы. Нельзя не указать еще на одно обстоятельство, также наводящее на мысль, что замок не был расчитан на возможность длительного существования без сообщения с внешним миром: арык находился в полукилометре от замка вне стены защищающей террасу, так что только небольшие запасы воды могли быть сохраняемы в хумах в замке, так как в замке было всего несколько штук хумов.

Скорее приходится предполагать, что замок был построен не для выдерживания осады от врагов, а для жилья личности, которая была недоступна широким массам местного населения. Тогда только можно понять сочетание недоступности и уединенности замка с его необеспеченностью элементарными условиями первой необходимости, условиями, которые без затруднения разрешались при помощи местного населения не враждебного, а только недопускаемого к господину замка. Трудно сказать, что-нибудь более определенное об этом господине, так как конечно не этот замок был центром этого района, а населенный пункт на месте теперешнего кишлака Кум, в 5 км от замка вверх по горной речке Кум, где имеются развалины громадного здания, в несколько раз превосходящие своими размерами раскопанный замок. Характерно, что размеры кирпича $52 \times 26 \times 9$ из развалин замка, вполне совпадают с размерами кирпича из развалин в кишлаке Кум, что указывает на единство строительных примеров, если не мастеров. Несомненно, что здание в кишлаке Кум было более рос-

кошным по отделке, на что указывает употребление кирпичей двух цветов из красной глины, и светлопепельных из лёсса, благодаря применению которых строители могли получать узорную кладку в два цвета.

Кишлак Кум, и даже весь район среднего течения р. Зеравшана, заслуживает большего внимания, чем ему было уделено до сих пор историками и археологами, работающими по Средней Азии. Главный путь сообщения этого района, лошадиная вьючная тропа в настоящее время проходит по правому берегу р. Зеравшан, что едва ли было в далеком прошлом, так как ряд оврингов и карнизов (напр. у кишлака Дардар), устройство которых потребовало громадного количества труда и времени, несомненно более позднего происхождения, и более древней является вьючная тропа, проходящая по левому берегу реки, являющаяся естественной тропой, протоптанной по склону гор, без устройства карнизов и оврингов. Правда, эта дорога левого берега более трудная из-за большого количества глубоких ущелий рр. Кштута, Риват и других мелких горных речек и речушек, но она не требовала и не требует производства таких работ, как дорога правого берега. Против кишлака Урмитан дорога левого берега отходит от реки на юг, чтобы по прямой линии, через горы, мимо кишлака Кум и Маадм, выйдти к реке у кишлака Кшикед, от которого затем идет дорога на Шахристанский перевал через Туркестанский хребет. Что именно эта дорога левого берега играла решающую роль в древности для этого района, это подтверждают сохранившиеся среди местного населения пословицы. В кишлаке Варзи-Минора говорят «Цена Кума — дорога Рума», а в кишлаке Хайрабад «Между Маадмом и Кумом — ключ города Рума». Эти пословицы сохраняют память о большом пути культурного общения, проходившем через кишлак Кум между Дальним Востоком и Западом. Замок, будучи тесно связан с населенным пунктом на месте теперешнего кишлака Кум, хотя и не находился непосредственно на пути сообщения, тем не менее, как показывают найденные в развалинах предметы материальной культуры и китайские документы на бумаге, многое получал с Дальнего Востока. Но это многое не уничтожило самобытной местной культуры, продукты произведений которой так богато представлены находками из развалин замка. Достаточно указать хотя бы на один факт находки при раскопках монет, подобных находимым и раньше, но не относимых к согдийцам, а известным под названием древне-турецких или монетам с письменами в виде веточек по ободку, которые теперь определенно должны рассматриваться, как согдийские.

Почти полное отсутствие среди находок в развалинах замка цельных предметов, заставляет полагать, что замок подвергся разграблению и все представляющие ценность предметы были унесены. Это разграбление сопровождалось и разрушением замкового здания, так что оставшиеся после грабежа отдельные предметы были завалены кирпичами обвалившихся сводов комнат, этим обстоятельством объясняется отличная сохранность находок и в особенности документов на бумаге и письма. Свод комнаты I, часть которого, по словам местных жителей, еще лет тридцать тому назад стояла неразрушенной, обвалившийся в недавнее время, не сохранил в обвале ни одного ценного кирпича, благодаря тому, что он разрушался постепенно, и обваливавшиеся кирпичи размывались дождями, в то время, как разрушение единовременно свода остальных комнат образовало мощный слой из обвалившихся кирпичей, из которого только верхняя часть подверглась разрушительному действию дождей; этот лёссовый слой защищал лежащие ниже кирпичи, а также и находившиеся среди них и ниже предметы материальной культуры.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что при всем различии найденных при раскопках двух видов стрел, их объединяет единство материала, одинаковое оперение и раскраска, — что заставляет думать, что как осажденные, так и осаждавшие имели один источник получения оружия. Вместе с этим встает вопрос, который должны разрешить историки Средней Азии — не сопровождалось ли арабское нашествие, вообще, и взятие согдийского замка на горе Муг, в частности, восстанием класса низших против своих угнетателей рабовладельцев и объединением этих двух движений иноземного и местного социального в единое движение против господствовавшего рабовладельческого строя?

А. А. ФРЕЙМАН

ОПИСЬ РУКОПИСНЫХ ДОКУМЕНТОВ,[1] ИЗВЛЕЧЕННЫХ ИЗ РАЗВАЛИН ЗДАНИЯ НА ГОРЕ МУГ В ЗАХМАТАБАДСКОМ РАЙОНЕ ТАДЖИКСКОЙ ССР ОКОЛО СЕЛЕНИЯ ХАЙРАБАД И СОБРАННЫХ ТАДЖИКИСТАНСКОЙ БАЗОЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР[2]

(Шифр В обозначает документы, добытые т. Пулоти, шифр А — документы, добытые А. И. Васильевым, во время его поездки на гору Муг, шифр Б — документы, добытые в ноябре 1933 г. экспедицией Таджикистанской базы Академии Наук СССР и шифр I — документ, найденный т. Джур-Али весною 1932 г.).[3]

1. I Документ, найденный жителем сел. Хайрабада, Джур-Али Махмад-Али весною 1932 г. Согдийский документ на тонкой бумаге светлосерого цвета из отбросов шелка. Рукопись хорошей сохранности, написана согдийским курсивом тушью, на согдийском языке. Размер 28.9×28.2. Число строчек — 23, полностью сохранившихся. К сохранившемуся листку рукописи внизу был приклеен другой, который не сохранился, оторван. От оторванного листка сохранились лишь с правой стороны внизу остатки слова (24-й строчки). Отчетливо заметны остатки клея, которым оба листка были склеены. Верхний край нижнего листка был наклеен на нижний край верхнего. Слева в верхней части рукописи оторван угол листка. Справа на 7 см разрыв листа бумаги, второй разрыв на 17-м см длиною в 1.5 см характера износа бумаги. Документ был сложен в 4 раза, быть может, для упаковки в конверт или ладонку. Сохранились полосы,

[1] Опись документов сделана до реставрационной работы. [В настоящее время реставрационные работы произведены П. А. Смеловым, сотрудником Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Корр. примечание 29 VIII 1934 г.].

[2] В июне 1934 г. данное собрание увеличилось еще 8 согдийскими документами на коже, переданными т. Пулоти Таджикистанской базе Академии Наук СССР. Описание последних не могло уже войти в данную статью [корр. примечание 29 VIII 1934 г.].

[3] Приведенные при описании рукописей цитаты и их перевод являются лишь выдержками, отнюдь не претендующими на полноту. Издание текста будет дано в другом месте и в другое время.

изгибы — следы сложения. Строчки рукописи начинаются на расстоянии 0.9 — 1.5 см с правого края; первая строчка, кроме того — на расстоянии 1.8 см сверху. Длина первой строчки — начало документа — составляет приблизительно $^1/_4$ длины остальных строчек. Расстояние между строчками около 1 см. Содержание документа — письмо, адресованное 't sγwδyk MLK' sm'rknδč MR'Y δyw'styč «согдийскому царю, самаркандскому господину Дīвāстīчу».

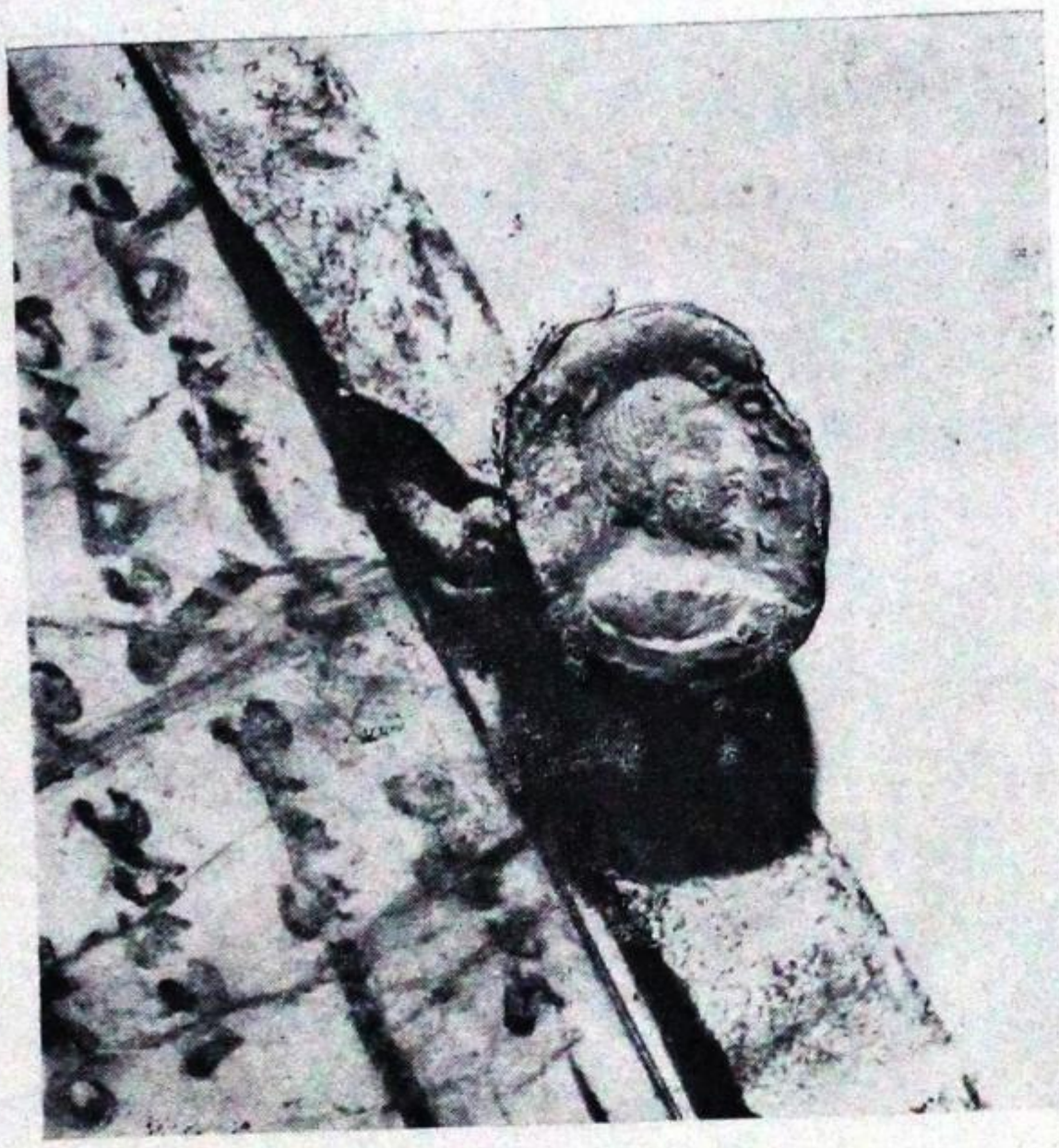
2. В 1. Согдийский документ на тонкой коже. 14 × 11. Кожа покоробившаяся, края неровные. Документ пострадал после того, как был написан; оторвана часть третьей строчки (начало), а также, повидимому, конец второй строчки. Между второй и третьей строчкой две лакуны, переходящие на третью строчку. Почерк крупный, небрежный. Документ состоит из трех строчек, в третьей строчке всего 2 буквы, остальная часть строчки незаполнена. Текст занимает таким образом приблизительно $^1/_3$ документа, остальная часть не заполнена. Начало первой строчки: δyw'styč γwβw «Дīвāстīч царь». Содержание — краткая записка в 10—11 слов.

3. В 2. Согдийский документ на коже белого цвета. 7.5 × 7.5. В верхней части с правой стороны срезан угол. В документе 6 строчек. В пятой строчке лакуна перед последним словом величиною в одну букву. Нижняя часть документа не заполнена текстом. Почерк крупный, небрежный. Сохранность документа — хорошая.

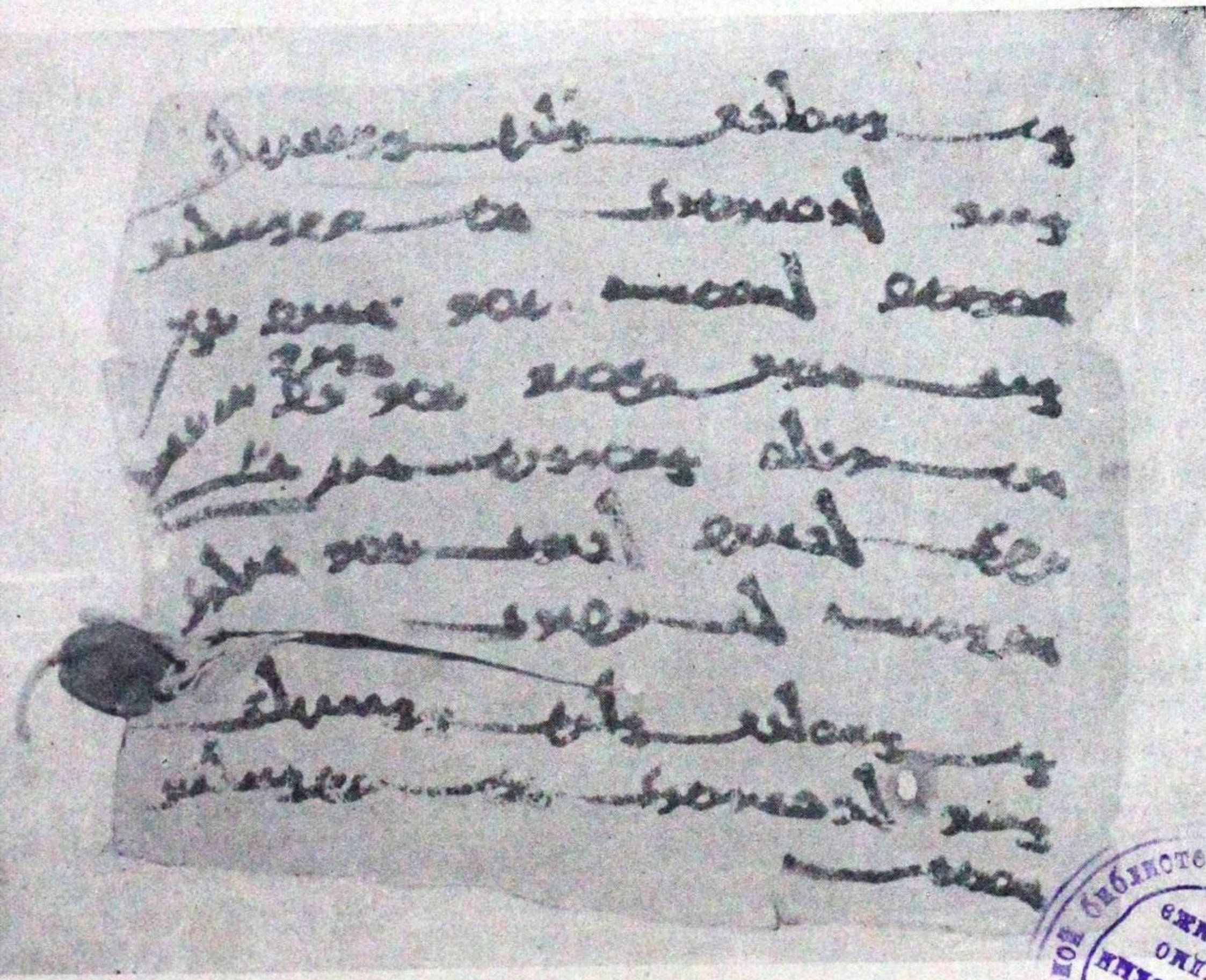
4. В 3. Согдийский документ на коже. 8.5 × 18. Сохранность плохая. Кожа покоробилась. С левого края изъедены червями начало второй и третьей трети документа размером $2 \times 1^1/_2$ и $2^1/_2 \times 2$, вследствие чего утеряны и пострадали соответственные места текста. Кроме того, небольшие изъяны в верхней части с левого края на расстоянии 1.5 см сверху и с правого края на расстоянии 3 см сверху. Изъеден также правый край внизу в двух местах $2 \times ^3/_4$, 2×2. В первой строчке в середине небольшое отверстие. Между 14-й и 15-й строчкой перелом. Упомянутые два больших изъяна с левого края приходятся друг над другом при сложении документа пополам. Очевидно, в таком виде он пролежал в земле. Нижняя часть документа не заполнена текстом. Тушь в нескольких местах сильно стерлась. Кроме того, повидимому, не хватает начала текста. В документе 15 строчек. Содержание — письмо. В 4-й строчке упоминается prm'nδ'r 'wtt, одно из лиц часто встречающихся в письмах данного архива.

5. В 4. Согдийский документ на коже. 12.5 × 22. Сверху в середине над первой строчкой подвешена на кожаном ремешке печать (Фиг. 1) из белой

Фрейман. Опись рукописных документов, извлеченные из развалин здания на горе муг.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Центральная библиотека Академии наук Узбекской ССР

массы с изображением головы в профиль. На печати с правой стороны, против лица, отчетливо видны 5 или 6 букв, характер которых еще не выяснен. Верхняя часть документа из-за печати несколько покоробилась, тушь поблекла, стерлась. С правого края под второй строчкой идет влево вниз до 1-й строчки разрез длиною 3.5 см. Кроме того, в 3-й строчке на расстоянии 4.5 см небольшая лакуна. Документ — полный, хорошей, в общем, сохранности. На лицевой стороне 23 строчки и на обороте — 9. Содержание — письмо, адресованное 't sγwδyk MLK' sm'rknδč MR'Y δyw'styč от ywδγšytk «согдийскому царю, самаркандскому господину Дивāстīчу».

6. В 5. Согдийский документ на коже белого цвета. 9.2 × 14.5. Длина нижнего края — 3 см, правого края — 8.5 см. Документ суживается к низу, начиная с 14-й строчки. Лакуны: в верхней части 11-й строчки на расстоянии 2 см справа — лакуна, затрагивающая 2 буквы, в 12-й строчке — величиною в одну букву на расстоянии 0.75 см с левого края. Всего строчек — 17. Документ хорошей сохранности. Тушь в нескольких местах стерта. Почерк крупный, небрежный. Содержание — деловая запись.

7. В 6. Согдийский документ на коже. 7.8 × 5.3. Обрывок документа. Судя по качеству, степени сохранности и почерку, составлял ранее с документом В 6а одно целое. Сохранилось 6 строчек.

8. В 6а. Согдийский документ на коже. 10 × 6.5. Повидимому, составлял ранее с предыдущим документом одно целое. Сохранилось 7 строчек. В 4-й строчке 2 лакуны.

9. В 7. Согдийский документ на тонкой коже. 13 × 20. Кожа покоробилась. Следы складок. Две больших лакуны и несколько малых. Одна — на расстоянии 1 см сверху и 0.5 см с левого края, длиною в 6 см и вышиною в 1 см. Лакуна занимает левую половину второй строчки и несколько букв третьей строчки в середине. Вторая лакуна начинается с левого края на расстоянии 10.5 см сверху, — вышиною в 2.5 см и глубиною вправо, перпендикулярно краю, до 7.5 см. Лакуной уничтожены части 12-й, 13-й и 14-й строчки. Небольшие лакуны: над первой строчкой у левого края, в третьей строчке — на расстоянии 4 см слева, между третьей и четвертой строчкой — на расстоянии 3.5 см справа, в четвертой строчке — на расстоянии 1.5 см слева и 1.5 справа, в пятой строчке — на таком же расстоянии слева, между 6-й и 7-й строчками — 0.75 см слева, между 13-й и 14-й строчками — 1.2 см справа, в 14-й строчке — 1.5 см справа и 0.5 см и 1.5 см слева. В нижней, 21-й строчке пострадала (отломалась) часть строчки, несколько букв в левой стороне (на расстоянии 2—4 см слева). Число строчек на лицевой стороне — 21 и на обороте — 12.5 и одно слово

над первой строчкой в середине. Общая сохранность, помимо указанных дефектов, удовлетворительная. Тушь в нескольких местах стерлась. В следах складок стертые места. Почерк крупный. Содержание — письмо MN 'spt'kw «от Аспатака».

10. В 8. Согдийский документ на коже бледносерого цвета. 9.5—13 × 18.8. Низ документа в нескольких местах изъеден червями. Сильно пострадали 20-я и 21-я строчки. Изъеден край документа с левой стороны, начиная с 7 см снизу и до 2 см снизу на расстоянии 0.5 с левого края, за исключением промежутка между 21-й и 22-й строчками. Вследствие этого пострадал текст тех строчек, где буквы доходили до края, в размере приблизительно одной буквы: 17-я, 19-я, 20-я, 21-я и 22-я строчки. Изъеденный край между 19-й и 20-й строчками, загибаясь вправо, а затем вниз, образует большую лакуну, состоящую из двух плоскостей, приблизительно перпендикулярных друг к другу: верхняя перпендикулярна к краю, а нижняя параллельная к нему, размером первая — длиною в 2.5 см и шириною в 0.5 см, вторая — вышиною в 1.8 см и шириною в 1 см. Этой лакуной попорчены по 2 буквы в 20-й и 21-й строчках, и затронута одна буква в 22-й строчке. Вторая лакуна на расстоянии 4 см снизу и 8 см справа, величиною 0.9 × 1; ею попорчены 2—3 буквы в 20-й строчке. Третья лакуна, самая большая, на расстоянии 3 см снизу и 5 см справа до 5 см снизу и 8 см справа. Ею уничтожены: нижняя часть одной буквы в 19-й строчке, 3—4 буквы в 20-й строчке, 3 см 21-й строчки и верхние части 2-х букв в 22-й строчке. Четвертая лакуна занимает пространство от 3 до 4.5 см с правого края и от 2 до 4 см снизу, попорчены 21-ая и 22-я строчки. Пятая лакуна — от 4.5 до 6.5 справа и 2 до 2.5 см снизу, попорчена нижняя часть нескольких букв в 22-й строчке. Шестая лакуна между 22-й, 23-й строчками — от 7.5 до 9 см с правого края и от 2.1 до 2.6 см снизу. Седьмая лакуна в 16-й строчке — 5.5 см справа, ею испорчена одна буква. Восьмая лакуна в той же строчке 7.5—7.8 см справа, попорчены две буквы. Кроме указанных лакун, других дефектов не имеется. Почерк ровный, старательный. На лицевой стороне 23 строчки, на обороте 4.

11. В 9. Согдийский документ на коже белого цвета, с правого края несколько пожелтел. 10.5—12 × 15. Оборотная сторона документа — темнее. Сохранность хорошая, без дефектов. Над девятой строчкой на расстоянии 1.7 см небольшое отверстие. На расстоянии 1.2 см снизу на середине — отверстие, повидимому, сделанное для прикрепления в обычном месте печати. Печати нет. Число строчек на лицевой стороне — 15 (12.5 + 2), на обороте — 8.

Содержание — письмо Рустака царю. 't βγw γwβw prnw .... MN γurδ βntk rwstkk «богу царю славо- ...от его слуги Рустака».

12. В 10. Согдийский документ на тонкой коже розовато-желтого цвета. 15 × 13.5. Кожа сморщилась. Документ сильно изъеден червями. Особенно пострадала левая сторона. Кроме того, одна большая лакуна в правой части документа, от которой пострадал текст в 4-х строчках, и несколько других, поменьше, в различных местах. Число строчек: на лицевой стороне 14 (15?) и на обороте — 4.

Содержание: письмо к MR'Y δyw'styč.

13. В 11. Согдийский документ на коже белого цвета. 14 × 8—9.5. Семь небольших лакун. 11 строчек на лицевой стороне и 4 на обороте. Тушь сильно выцвела.

14. В 12. Арабский документ на коже. 18.5 × 26. Описан подробно в статье В. А. и И. Ю. Крачковских.

15. В 13. Документ на тонкой коже грязно-серого цвета. 14 × 10. Язык документа пока неопределен. Направление письма — справа налево. Буквы не соединяются друг с другом. В документе несколько лакун, из них в тексте — 8. Число строчек 5.5, которые занимают 4 см длины документа. Остальные 6 см длины документа текстом не заполнены. В нижней части документа заметны следы каких-то знаков.

16. В 14а. Согдийский документ на бумаге. 19 × 2.5. Обрывок в две строчки. Первая строчка сохранилась полностью за исключением одной последней буквы. От второй строчки утерян текст в размере приблизительно одного слова — 3.5 см. Начало письма.

1 строка 't βγw γwβw r$\underset{?}{\beta}\underset{?}{\check{c}}\underset{??}{h}$ $\underset{?}{'}$ywth MN wysp'n.

2 строка γrβ 'prywn MN γurδ... «богу царю великому (?) единому (?) из всех; много благословений от его...»

17. В 14б. Согдийский документ на бумаге, весьма смятый. 25 × 4. Бумага в нескольких местах изношена, стерта. Сохранились две строчки и часть (конец) третьей. Обрывок письма.

18. В 15. Согдийский документ на бумаге. Бумага смята. 24—25.5 × 9.5. Документ сохранился полностью, за исключением правого края. Последний оторван на 1—1.5 см. От каждой строчки утеряны одна или две буквы. Строчки, начинающиеся с отступом (напр. 2-я и 3-ья) сохранились полностью. Число строчек — 10. Содержание документа — письмо. Первая строчка, с наименованием адресата, не доходит до левого края и заканчивается на расстоянии 6.5 см от левого края. Вторая и третья

начинаются с отступом в 2.5 см от правого края. Восьмая строчка заканчивается на расстоянии 4 см от левого края (конец письма). Следующие две строчки повторяют адресата и отправителя. Девятая строчка оканчивается на расстоянии 6.5 см левого края и десятая — 3 см. Левый угол внизу (без текста) оторван. Обычное расстояние между строчками — 1 см. Между первой и второй и восьмой и девятой — 1.5 см.

Письмо адресовано ’t βγw γwβw rβčh «богу царю великому» (?).

19. B 16. Согдийский документ на бумаге серого цвета. Написан красивым, крупным, старательным почерком. 30 × 17. Документ хорошей сохранности, за исключением нижней части, где с левой стороны 16 лакун, с правой стороны на расстоянии 8—9 см с края — 4 лакуны. Кроме того, в двух последних строчках, написанных в обратном направлении после того, как документ был переставлен нижней частью вверх, смято и уничтожено начало. Текст в последних сохранился лишь на расстоянии 9 см справа. Число строчек — 14. Между 7-й и 8-й строчками на расстоянии 9 см справа вставлены 2 слова. Пострадал текст 8-й строчки — 1 или 2 буквы, 9-й строчки — в двух местах (4 буквы), 10-й — 3 лакуны в тексте, 11-й — одна буква, в 12-й — лакуна в 2—3 буквы. 13 и 14-я строчки повреждены сильно в начале.

Содержание — письмо, адресованное ’t βγw γwβw rβ̌h, pyšt MN γγrδ kstr «богу, царю . . . . . написано его младшим . . .».

20. B 17. Согдийский документ на тонкой бледносерой бумаге. Бумага смятая, и вверху и внизу порвана. С левой стороны в верхней части оторваны два куска размером 2.5 × 3 и 4 × 4. Размер документа в наиболее сохранившихся частях 27.5 × 26. После реставрации размер документа увеличится. Левая половина последней строчки оторвана сверху. Можно предположить, что повреждение вызвано было прикреплением печати над последней строчкой в середине. Печати при документе нет. За исключением указанных дефектов, общая сохранность и читаемость документа удовлетворительны. Число строчек 19+1 и на обороте сверху 3 строчки (последняя неполная). Содержание — письмо от Дӣвāстӣча.

1 строка: MN γwβwδyw’styč ’t γ’γs’č γwβw ’prwn γtβ (2 строка) nm’čyw «от царя Дӣвāстӣча царю . . . благословение и много почтения».

Последняя строчка внизу повторяет, как обыкновенно, отправителя и адресата MN γwβw δyw’styč ’t γ’γs’č γwβw ’prwn «от царя Дӣвāстӣча царю . . . . . благословение». На обороте приписка.

21. В 18. Согдийский документ на тонкой бледносерой бумаге хорошей сохранности. 27 × 18. Бумага несколько смята. Число строчек — 20. Предпоследняя строчка, заканчивающая текст, не доходит до левого края на 7 см. Последняя строчка, как обычно, повторяет начало письма. Между 19-й и 20-й строчкой бумага разрезана от середины влево, не достигая края на 1 см. Разрез вызван, очевидно, печатью, которая в этом месте прикреплялась. При документе отдельно печать 1 × 1 из красной глины (?) с изображением верблюда с опущенной головой. Через печать продета бумажная веревка, которою документ был перевязан. Текст нигде не поврежден, прекрасной сохранности. Содержание документа письмо, исходящее от Дӣвāстӣча. MN.sγwδyk MLK' δyw'styč 't γ'γs'č γwβw 'prywn δrwth γrβ nm'čyw «от согдийского царя Дӣвāстӣча к... царю благословение, здравие, много почтения». В письме упоминается pwtkynyst «буддист».

22. В 19. Согдийский документ на коже. Документ в плохом состоянии. 8.5 × 25. Кожа покоробилась. Сохранились остатки 14 строчек.

23. А 1. Согдийский документ на коже. 10.9—12 × 13.1. Кожа прекрасной сохранности. В 4-й строчке два небольших пореза, не мешающие чтению. На лицевой стороне 15 строчек прекрасной сохранности. На обороте 12 строчек счищенного текста, где сохранился лишь текст части первой, второй и третьей строчки. От текста остальных строчек сохранились лишь следы. Очевидно, оборотная сторона письма была употреблена в качестве материала для нового письма, причем старое письмо старались стереть. Содержание документа на лицевой стороне — письмо 't βγw γwβw prm'nδ'r 'wttw MN γypδ βntk '.p..k ptškw'nh ny γrβ nm'čyw «богу царю повелителю..... от его слуги..... ответ и много почтения».

24. А 2. Согдийский документ на коже. 12 × 11. (Фиг. 2) 10 строчек текста. Между 3-й и 4-й строчкой вставлено слово из четырех букв ('sky) на расстоянии 3.5—2 см от левого края. В документе три небольших дырочки, не мешающие чтению: 1) между второй и третьей строчкой в верхней части буквы δ слова δrwth (на расстоянии 4 см от правого края); 2) между восьмой и девятой строчкой на расстоянии 2.5 см справа и 3) между седьмой и восьмой строчкой сделан от середины почти до левого края разрез. К левому краю привязана кожаным ремешком печать из красной глины (?) с изображением верблюда, та же печать, что и при документе 21 В 18. Ремешок проходит через печать. Размер печати 1 × 0.5. Эта печать встречается и при других документах и, повидимому, является печатью Дӣвāстӣча. Содержание документа — письмо Дӣвāстӣча к prm'nδ'r 'wttw

с просьбой выдать по получении этого письма какое-то количество мер указанным лицам.

1-я строчка: MN sγwδyk MLK' sm'rknδč
«от согдийского царя самаркандского»
2-я строчка: MR'Y δyw'styč 't prm'nδ'r
«господина Дīвāстīча повелителю (начальнику)»
3-я строчка: 'wttw δrwth rty č'nkw rm
«. . .здравье и когда»
4-я строчка: mn' n'mk pčwzy rty kw 'sky . . . .
«мое письмо получишь (встретишь), то к высокому»
6-я строчка: kpč δβ'rkw δβry' rty ''δyč
мер (?) в дар дать нужно и в ни чем»
7-я строчка: 'pstnh L' kwny'
«сожаления делать не следует»

Конец текста письма, строчка короче предыдущих, 8 см.

8-я строчка: MN sγwδyk MLK' sm'rknδč
«от согдийского царя самаркандского»
9-я строчка: MR'Y δyw'styč 't prm'nδ'r
«господина Дīвāстīча повелителю»
10-я строчка: 'wtth
. . . . . .

Длина последней строчки — 3 см.

25. А. 3. Согдийский документ на коже хорошей сохранности с печатью. 14.5 × 10.75. В документе 8 строчек. Между 6-й и 7-й строчками сделан острым орудием разрез, который идет от середины влево почти до края. К левому краю привязана печать с изображением верблюда, такая же, как и в документе 21. В 18 и 24. А 2. Печать привязана к документу таким же образом, как и в выше указанных документах: на ремешке, проходящем через печать.

1-я строчка: MN sγwδyk MLK' δyw'styč
«от согдийского царя Дīвāстīча»
2-я строчка: 't prm'nδ'r 'wttw δrwth
«повелителю (начальнику)... здравие»
3-я строчка: rty č'nkw rm mn' n'mk pčwzy rty
«и когда мое письмо получишь, то»
4-я строчка: ZKh .wp.n ny γwtč'nk

5-я строчка: ’δwy . . . kpč δβr’kw δβry’
?
«две . . . меры (?) в дар дать нужно»
6-я строчка: rty ’pstnh L’kwny’
«и сожаления не нужно делать»
7-я строчка: MN sγwδyk MLK’ δyw’styč
«от согдийского царя Дīвāстīча»
8-я строчка: ’t prm’nδ’r ’wttw
«повелителю (начальнику) . . .».

26. А 4. Согдийский документ на коже средней сохранности. 14.5 × 13. Тушь поблекла и стерлась. На лицевой стороне 14 строчек (последняя — неполная) и на обороте две, очень поблекшие. В тексте пять лакун. Одна — маленькая, между строчками 1.5 см сверху, 3 см слева. Вторая — в 4-й строчке, 2.5 сверху и 1.5 слева, уничтожена одна буква. Третья — в 8-й строчке, 3.5 см справа, 6 см сверху, уничтожена одна буква. Четвертая — в 11-й строчке, 4 см справа, 8.5 см сверху — между словами, — и пятая — в 12-й строчке под предыдущей, текст не пострадал.

Содержание — деловой документ. Упоминаются имена: δyw’styč и ’rtγwšt.

27. А 5. Согдийский документ на коже. Отличается от других документов на коже размерами (длиною). Ширина верхнего края — 19 см, нижнего края — 14 см, длина — 37 см. Число строчек в верхней части — 25, в нижней части (в обратном направлении) — 1.5. Какая-то причина (быть может плохое качество материала в нижней части документа) заставила писца закончить текст внизу. Документ изъеден червями, текст попорчен. Сохранившиеся части видны отчетливо, тушь не поблекла. Документ сложен на несколько частей и в таком виде, повидимому, пролежал в развалинах. Об этом позволяют судить изъеденные червями места. Если документ сложить, то лакуны приходятся одна над другой. Лакун в тексте документа — 13. 1) В самом верху на расстоянии 3 см с левого края. Лакуна — длиною в 3 см и шириною в среднем в 1 см — проходит через три строчки (расстояние между строчками обычное — в 1 см); 2) вторая лакуна — на расстоянии 0.2 см сверху и 5.5 см с левого края — величиною в одну букву (в первой строчке); 3) третья лакуна — 0.25 см сверху и 5.5 см слева; величина лакуны 0.5 × 1 см; 4) четвертая лакуна — на 1 мм правее, ширина лакуны равна предыдущей, вышина 0.5, попорчены две буквы; 5) пятая лакуна — 2 см сверху, 5.5—6 см слева; ширина лакуны 1.5 см, вышина 1.5; лакуной попорчены 4 буквы третьей строчки,

уничтожено приблизительно столько же в четвертой; 6) шестая лакуна — очень большая; начинается с левого края на расстоянии 3—5 см сверху; ширина лакуны 4 см, вышина 1—3 см; пострадали 6-я, 7-я и 8-я строчки; 7) седьмая лакуна — на расстоянии 7 см сверху и 10 см слева; ширина лакуны — 1.5 см, вышина — 2 см; попорчены: одна буква в 9-й строчке (слегка), уничтожены 2 буквы 10-й, 3—4 буквы 11-й, уничтожены или попорчены 2—3 буквы 12-й строчки; 8) восьмая лакуна — в 8-й строчке на расстоянии 5 см слева, попорчены две буквы; 9) девятая лакуна — 7 см сверху и 5.75 см справа, уничтожена (?) одна буква в 10-й строчке; 10) десятая лакуна — 9 см сверху, 3.25 справа, уничтожена одна буква в 11-й строчке; 11) одиннадцатая лакуна с левого края — 8 см сверху, попорчена 1 буква в 11-й строчке, 12) двенадцатая лакуна — 9.5 см сверху, 0.5 см слева; ширина лакуны 1 — 2.5, вышина — 3.5 см; уничтожены в 13-й, 14-й, 15-й и 16-й строчках по 2—3 буквы; 13) тринадцатая лакуна — 12.5 см сверху и 2.5 см слева. Остальные лакуны (свыше 20) — не в тексте. Кроме того, несколько букв стерты: 1) в конце первой строчки, 2) две буквы в 4-й строчке (5 см справа) и по одной букве в 5-й, 6-й, и 7-й строчках. Документ представляет собою какой-то отчет, счет.

28. А 6. Согдийский документ на коже, хорошей сохранности. 11 × 10.5. В документе три лакуны, из которых первая нарушает в тексте третьей строчки 1—3 букв, остальные лакуны — не в тексте. Вторая лакуна под девятой строчкой, третья — внизу документа после последнего слова последней строчки, где текст оканчивается в середине строки, а четвертая в 5-й строчке на расстоянии 1 см слева — уничтожила одну или две буквы. Кроме того, еще две небольших дыры под 4-й и 5-й строчками не нарушают текста. Число строчек — 12. Текст занимает девять строчек + одно слово в 10-й строчке. 11-я и 12-я строчки представляет собою обычное в стиле писем повторение адресата и автора письма. Содержание — письмо к .prm'nδ'r 'wtt от γmyr, автора письма № 1 (?) к Дīвāстīчу.

1-я строка: 't βγw γwβw prm'nδ'r 'wttw
«богу, царю повелителю...»

2-я строка: MN γypδ βutk γmyr ptškw'nh
«от его слуги γmyr ответ»

3-я строка: ny ZKh t. γrβ nm'čyw
n
«и много почтения»

4-я строка: rtβnn ZKwh mrtγmkt t. tm
?
«и вам людей»

6-я строка: δ. w. ty rtβun w'nkw ptškwy'm
«и вам такое отвечаю»

7-я строка: ny ZKwh mrtγmkt w'nkw
«и людей такое»

8-я строка: prmyy '. . '. . t č'nkw ny . . w
«приказываешь когда»

11-я строка: 't βγw γwβw prm'nδ'r 'wtt
«богу, царю повелителю. . .»

12-я строка: MN βntk γmyr
«от слуги γmyr»

29. A 7. Согдийский документ на коже. Покоробившийся обрывок. Сохранилось 5.5 строчек. Читаемость сохранившейся части хорошая. Лакуны в 3-й строчке на расстоянии 2 см справа в одну букву, в 4-й строчке на таком же расстоянии справа — в 2 буквы, в первой строчке лакуна, уничтожившая нижнюю часть одной буквы и на расстоянии 3 см справа — одну букву. Кроме того, с правого края стерты в 5-й строчке на расстоянии 1.5 см — 2-3 буквы. В последней строчке упоминается δyw'styč «Дӣвāстӣч».

30. A 8. Согдийский документ на коже. Хорошей сохранности. Почерк крупный, небрежный курсив. 7.75—9.5 × 11.75. 9 строчек. Текст занимает 7.5 см длины документа. Низ не заполнен. Содержание — деловая записка (расписка?). Упоминаются δyw'styč и prm'nδ'r 'wtt.

31. A 9. Согдийский документ на коже хорошей сохранности, немного сморщен, исписан на обеих сторонах. На лицевой стороне текст написан в ширину документа, буквы видны отчетливо. На оборотной стороне текст написан в длину документа, трудно читается. Как кажется, оба текста — разные, писцом был употреблен для письма уже бывший в употреблении материал. Размер документа 19.5 × 11. Число строчек: 1) на лицевой стороне 14 + 2 слова в 15-й строчке; 2) на обороте — 26, две последние строчки (внизу) написаны в обратном порядке; одно слово из 24-й строчки написано частью на слове из 25-й (выцветшей). В 25-й строчке упоминается δyw'styč «Дӣвāстӣч».

32. A 10. Согдийский документ на коже хорошей сохранности. Читаемость — средняя. Размер 8.5—10 × 12—14. Число строчек 10 + одно слово в 11-й строчке. Между 9-й и 10-й строчками дыра овальной формы

на расстоянии 1 см с правого края. Длина дыры 1.5 см, ширина — 1 см. Судя по тому, что расстояние между 9-й и 10-й строчками больше других, и составляет 1.5—2 см против обычного здесь (и вообще в данном собрании) 1 см и что дыра целиком приходится между строчками и не затрагивает текста, следует заключить, что упоминаемый изъян был в документе в момент, когда на нем писали. Содержание документа — записка. Упоминается δyw'styč «Дӣвāстӣч».

33. А 11. Согдийский документ на коже. Обрывок. 8 × 11. На расстоянии 1 см сверху продета веревка, на которой, повидимому, висела печать. Две лакуны — на расстоянии 3 см и 4 см сверху. Буквы выцвели. 8 строчек трудночитаемого текста.

34. А 12. Согдийский документ на коже. Сшит в форме мешочка, письмом внутрь. В виду узости отверстия невозможно определить число строчек. Тушь поблекла, читаемость, повидимому, плохая. Размеры: ширина мешочка (в сшитом виде)—7 см, вышина—15 см. Назначение мешочка — неясно.

35. А 13. Согдийский документ на коже. Сшит в форме мешочка. Текст — на внутренней стороне мешочка. Ширина—6 см, вышина—10 см. Почерк разборчивый, одна маленькая лакуна в первой строчке не мешает чтению. Ввиду узости отверстия трудно определить число строчек. Приблизительное число строчек — 9. Первые слова первой строчки MN pnčy knδč «из Пенджикента» — являются важным указанием места и, быть может, имеют отношение к указанному в статье В. А. и И. Ю. Крачковских движению Дӣвāстӣча со своими сторонниками из Пенджикента на восток.

36. А 14. Согдийский документ на бумаге. Бумага смята. Почерк небрежный. 19—24 × 28. Число строчек 33 и одно слово в 34-й. Бумага плохо сохранилась. Несколько пострадала левая сторона в верхней половине, пожелтела и в лакунах. Одна большая лакуна — на расстоянии 9 см сверху и 2.5 см слева — уничтожила четыре буквы (по две в 13-й и 14-й строчках). Вторая лакуна — 3 см сверху и 1 см слева — под четвертой строчкой. Третья лакуна в 8-й строчке — 2.5 см слева — уничтожила одну букву. Четвертая лакуна — в 9-й строчке 3 см слева — уничтожила одну букву. Пятая лакуна — в 12-й строчке — уничтожила одну букву. Содержание — донесение Дӣвāстӣчу от его главного (?) слуги rtyprn (Ратифарн?).

Если чтение документа при настоящей предварительной описи оправдается, то титул Дӣвāстӣча окажется еще более пышным, чем в других документах. Данный титул мог бы указывать, на какое-то соперничество его с другим феодалом (Гуреком?), на претензии его на единодержавие.

1-я строка: ’t βγw γwβw rβčh ’ywth sγwδy . . . k

«богу царю великому (?) единому (?) согдийскому»

MLK’ sm’rknδč MR’Y

«царю самаркандскому господину»

2-я строка: δyw’styč (свободное место в 5 см)

«Дīвāстīчу»

MN γypδ

«от его»

’γr. . myk βntk rtyprn ptškw’nh

«главного (?) слуги Ратифарна (?) ответ»

тоже в конце:

32-я строка: ’t βγw γwβw rβčh ’ywth sγwδy . . k MLK’

«богу царю великому (?) единому (?) согдийскому царю

sm’rknδč MR’Y

«самаркандскому господину»

33-я строка: δyw’styč (свободное место в 5 см)

«Дīвāстīчу»

MN [γ]ypδ

«от его»

’γrypδ βntk rtyprn

«главного слуги Ратифарна»

34-я строка: ptškw’nh

«ответ».

37. A 15. Согдийский документ на бумаге плохой сохранности, бумага более твердая, чем в других документах. Пострадал правый край. Размер 7—8.5 × 17. Число строчек — 13. Содержание — письмо.

38. A 16. Согдийский документ на бумаге. В противоположность другим документам на бумаге, этот представляет собою сравнительно узкую длинную полосу 12—12.5 × 17. Бумага тонкая, хорошей сохранности. Документ написан жирным почерком, буквы расплылись. Расстояние между строчками обычное — 1 см. Текст начинается на расстоянии 4 см сверху и оканчивается на расстоянии 3 см снизу. В первой строчке разрез на расстоянии 4 см справа, текст не пострадал. Число строчек 16. Содержание — письмо от Дīвāстīча к prm’nδ’r ’wtt.

1-я строка: MN sγwδyk MLK’ sm’rknδč

«от согдийского царя самаркандского»

2-я строка: MR'Y δyw'styč 't prm'nδ'r

«господина Дӣвāстӣча повелителю»

3-я строка: 'wtt δrwth γrβ nm'čyw

«. . .здравие много почтения»

4-я строка: rty nwkr 'YK rm mn' n'mk

«и затем когда мое письмо»

5-я строка: pčwzy rty ZKh

«получишь то. . .»

39. A 17. Согдийский документ на бумаге. 26 × 8.

Бумага серая. 7 строчек плохой сохранности. Сильно попорчена 6-я строчка. От 7-й строчки сохранились только остатки.

1 строка: pr βγy ny pr tw'

40. A 18. Согдийский документ на бумаге хорошей сохранности. 18 × 8.5. Перед последней строчкой в середине дыра, от которой идет разрез влево до края. Очевидно, в этом месте была прикреплена печать, которая не сохранилась. На лицевой стороне документа 10 строчек и на обороте 15. Содержание — письмо Дӣвāстӣча к prm'nδ'r. Обычный титул Дӣвāстӣча здесь короче.

1-я строка: MN sγwδyk MLK' δyw'styč 't prm'nδ'r

«от согдийского царя Дӣвāстӣча повелителю»

2-я строка: 'wttw δrwth rtty

«. . .здравие и»

41. A 19. Согдийский документ на бумаге. Обрывок в три строчки, правый конец разрушен и распадается. 14 × 2.5.

42. A 20. Согдийский документ на бумаге. Обрывок. Одна строчка тонкой бумаги. 19 × 1. Почерк крупнее, чем в других документах, старательнее, менее курсивен.

'ywth sγwδyk MLK' sm'rknδč MR'Y

?

«единый (?) согдийский царь самаркандский господин».

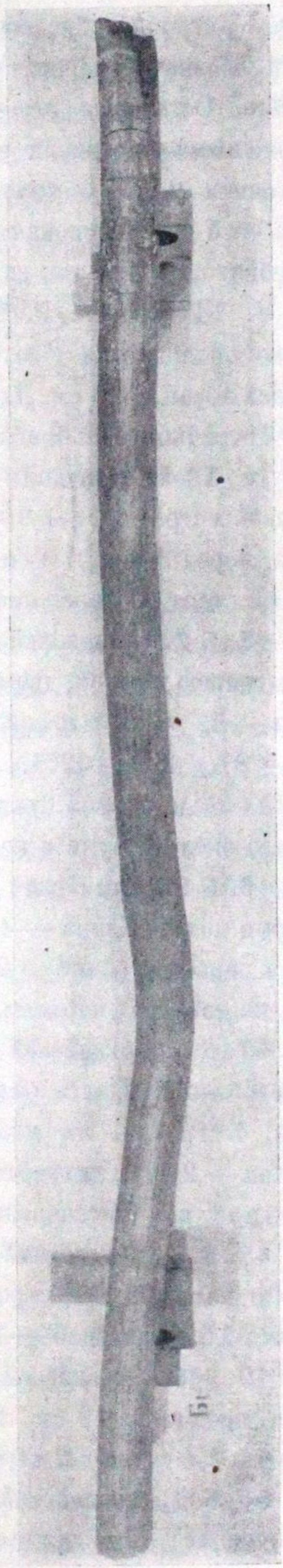
Начало (?) письма Дӣвāстӣча или к нему.

43. A 21. Китайский документ на бумаге плохой сохранности. 17 × 25. Бумага смятая. 7 строчек текста. Несколько больших и малых лакун. Одна лакуна большая на расстоянии 1 см снизу и 5 см слева, — вышина лакуны 6 см, ширина — 1 см. Вторая лакуна — на расстоянии 3 см

сверху, вышина лакуны 3 см, ширина — 1 см. Третья лакуна — на расстоянии 7 см сверху и 6.5 см слева. Четвертая лакуна — прорез на расстоянии 9.5 см сверху, — длина лакуны 3 см, ширина 0.1—0.5 см. Кроме того, несколько более мелких лакун: а) на расстоянии 11 см сверху — 0.2×0.5 см, б) на расстоянии 7 см снизу — 0.2×0.2. Остальные — прорезы и небольшие дырочки не в тексте. В середине текста три кирпичного цвета пятна (следы печати). В документе, согласно указанию В. М. Алексеева, дата, соответствующая 706 г. нашей эры.[1]

44. Б 1. Согдийский документ на дереве. Большая палка 1 м 32 см длины, 6 см в диаметре (фиг. 3). С правой стороны слегка обуглена на расстоянии 7 см в длину и 3—5 см в ширину. Кроме того, в нескольких местах пострадала поверхность палки и от других причин (изъедена червями, от механического воздействия, ударов и т. п.). Правая сторона на расстоянии 32 см отделена чертой от остальной части.

А. Правая сторона. Число строчек — 12. 4-я и 6-я строчки вписаны, повидимому, после написания всего текста; об этом судить можно по тому, что расстояние между 3-й и 4-й, 4-й и 5-й, 5-й и 6-й, 6-й и 7-й строчками вдвое меньше обычного в 1 см; кроме того, они очень коротки и начинаются не с края, как остальные строчки части А, а в середине. Эти строчки занимают около половины окружности этой части А палки. 1-я строчка — 28 см (около 0.5 строчки обуглено) — начало письма 't βγw δyw'styč . . . MN «богу Дīвāстīчу . . . . . от»; 2-я строчка — 31.75 см

Фиг. 3. Уменьшение 5—6 раз.

[1] [В настоящее время издан А. С. Поляковым. Корр. прим. 29 VIII 1934 г.]

(около $^1/_4$ строчки обуглено). Первая строчка не дописана до конца линии; в ней обозначен адресат и предлог MN «от», отправитель — во второй строчке. Остальные строчки части А занимают всю длину этой части, за исключением указанных выше 4-й и 6-й; из последних 4-я начинается на расстоянии 23 см с края и длина ее 8 см, а 6-я — на расстоянии 17 см и длина ее 5 см. Первоначальную длину последней, заключительной строчки установить трудно, так как и начало и конец ее попорчены.

Б. 14 строчек. Расстояние между строчками около 1 см. Первая строчка начинается с отступом в 3 см. Длина 11-й строчки, заканчивающей абзац, — 6 см. Длина 9-й строчки — 47 см. Расстояние между 11-й и 12-й строчкой (новый абзац) — 3 см. Длина 12-й строчки — 57 см. Между 12-й и 13-й строчкой — 3 см. Длина 14-й строчки — 56 см. Длина остальных строчек 98—99 см. Искривление палки на расстоянии 42—45 см слева, перед суком, 10 см от изгиба до следа сука. Конец первой строчки на 3 см стерт. Содержание — письмо к γwβw δyw'styč «к царю Дīвāстīчу».

45. Б 2. Согдийский документ на дереве. Разрезанная пополам ивовая ветвь длиною в 87 см, диаметром в 3.5 см. Число строчек на кривой поверхности — 5, и на плоской — 1. Длина 1-й строчки 81.5 см, 2-й — 81, 3-й — 81, 4-й — 62.5, 5-й — 23 и 6-й 43.5. С поверхности первой строчки после первой буквы отломана часть длиною в 4 см, вследствие чего исчезло около 4 букв и несколько повреждено.

46. Б 3. Согдийский документ на дереве (палке), заостренной к концу в форме кола. Длина — 47 см. Диаметр — 3 см. Надпись в две строчки. Длина первой строчки — 28 см; второй — 24 см. Палка хорошо сохранилась, не изъедена червями. Тушь несколько поблекла.

47. Б 4. Согдийский документ на дереве (палке), длиною в 29 см, диаметр — 2.5. Палка разрезана пополам по диаметру. На кривой поверхности 4 строчки, на плоской — одна. Длина каждой из первых трех строчек — 26 см, четвертой — 20 см, пятой — 6.5 см. Расстояние между строчками, как обыкновенно, около 1 см.

48. Б 5. Согдийский документ на дереве (палке), длиною в 23 см, 2 см в диаметре, Две строчки текста на кривой поверхности. Длина первой строчки 15 см, второй — 10 см.

49 Б 6. Согдийский документ на дереве. Плохо приготовленная палка длиною в 49 см, 2 см в диаметре. Покрыта слоем земли, сквозь которую выступают 2 строчки текста.

50 Б 7. Согдийский документ на дереве прекрасной сохранности. Рассеченная по диаметру пополам ивовая палка. Длина — 32 см,

диаметр — 2 см. Число строчек на кривой поверхности — 4 и на плоскости сечения — 3. Длина строчек: 1-й 30.5 см, 2-й — 31 см, 3-й — 31 см, 4-й — 31 см, 5-й — 31 см, 6-й — 30.5 см, 7-й (заключительной) — 18.5 см. Первая половина 6-й строчки несколько попорчена. Содержание — письмо, адресованное «царю Куштутку (?) (Кштута?) от слуги».

1-я строка: 't βγw γwβw kwštwtkw γwβw wyst'm
? ? ? ? ?
«богу царю Куштутку (?) царю»
MN βntk .....
«... от слуги ...»
γwβw ptškwnh
«царя (?) ответ»

2-я строка: ny γrβ nm'čyw
«и много почтения».

51. Б 8. Согдийский документ на дереве (палке). Длина 26 см. Диаметр 4 см. Палка обожжена снизу и с левой стороны. Число сохранившихся строчек — 13. 1-я строчка сохранилась на 7.5 см с левой стороны, правая сторона — сожжена. 2-я строчка, длина 20.5 см, в середине в двух местах две обожженные части в 10 см и 4 буквы. Длина 3-й строчки — 21 см, 4-й — 21 см, 5-й — 21 см, 6-й — 20 см, 7-й — 21 см, 8-й — 21 см, 9-й (в сохранившейся части) — 18 см, 10-й (в сохранившейся части) — 14 см, 11-й — 6.5 см, 12-й — 2 см, 13-й — 2 см. Документ плохо сохранился.

52. Б 9. Согдийский документ на дереве (палке). Хорошей сохранности. Палка, несколько изогнутая, длиною в 42.5 см, в диаметре — 2 см. 8 строчек текста. Длина 1-й строчки — 39.5 см, 2-й — 38.5 см, 3-й — 38.5 см, 4-й — 17.5 см, 5-й — 39.5 см, 6-й — 2 см, 7-й — 40 см, 8-й — 26 см. Содержание — хозяйственная записка.

1 строка: rty ''st Zkw prm'nδ'r
«и взял повелитель».

53. Б 10. Согдийский документ на дереве (палке). Длина — 42 см, диаметр — 1.5 см. 3 строчки на кривой поверхности. Начинаются на расстоянии 2.5 см, справа. Длина 1-й строчки — 34.5 см, 2-й — 30 см, 3-й — 19.5 см. Хозяйственная запись, счет (?).

54. Б 11. Согдийский документ на дереве (палке). Плохой сохранности. Длина палки — 57 см, диаметр — 3 см. Палка в настоящем виде сломана и состоит из двух частей, легко слагающихся в одну. Длина правой

части 26 — 32.5 см, левой — 29 см. Пять строчек на кривой поверхности, на плоской — четыре.

55. Б 12. Согдийский документ на дереве (палке). Длина палки — 34.5 см. Диметр — 3 см. Семь строчек. На кривой поверхности 4 строчки, на плоской — 3. Длина 1-й строчки — 30.5 см, 2-й — 14 см (абзац), 3-й строчки — 31 см, 4-й — 10 см (абзац); на плоской поверх ности: длина 5-й строчки — 31 см, 6-й строчки — 31 см, 7-й строчки — 11 см. Хозяйственная запись?

56. Б 13. Согдийский документ на дереве (палке), хорошей сохранности. Длина палки 51 см, диаметр — 2 см. Число строчек — 8. Длина 1-й строчки 50 см, 2-й — 50 см, 3-й — 50.5 см, 4-й — 48.5 см, 5-й — 47 см, 6-й — 46 см, 7-й — 51 см, 8-й — 26 см. Содержание документа — письмо, адресованное prm'nδ'r 'wtt его слугою (?) 'sp'δ'kk.
? ?

1-я строчка: 't βγw γwβw rβ́h 'ywth prm'nδ'r
«богу царю великому (?) единому (?) повелителю»
'wtt MN γypδ βntk 'sp'δ'kk
? ?
«... от его слуги 'sp'δ'kk»
ptškwnh ny γrβ nm'čyw
«ответ и много почтения».

57. Б 14. Согдийский документ на дереве (палке). Палка сломана на две части. Длина всей палки — 69 см. Длина правой части — 51—54 см, левой — 17.5 см. Диаметр палки — 2.5 см. В документе две строчки. Длина первой строчки 48.5 см, второй — 24 см. Хозяйственная запись (?).

58. Б 15. Согдийский документ на дереве (палке). Длина — 32 см, диаметр — 3 см. Покрыт слоем глины, сквозь которую выступают строчки рукописи. Повреждений мало. Число строчек на кривой поверхности 7 (?), на плоской — 4. Содержание — письмо (?).

59. Б 16. Согдийский документ на дереве (палке). Покрыт слоем глины (в особенности на плоской поверхности). Длина — 25 см, диаметр — 3 см. Число строчек: на правой поверхности — 6, на плоской — 4. Повреждена часть четвертой и пятой строчки длиною в 1.5 см на расстоянии 7 см левого конца.

60. Б 17. Согдийский документ на дереве (палке). Покрыт слоем глины. Почерк — крупный. Длина — 34 см, диаметр — 2 см. Число строчек: на кривой поверхности — 3, на плоской 4 (?).

61. Б 18. Согдийский документ на дереве (палке). Покрыт слоем глины. Длина — 36.5 см, диаметр — 2 см. Число строчек: на кривой поверхности — 4, на плоской — 2. Конец палки отломан.

62. Б 19. Согдийский документ на дереве (палке). Длина — 32.5 см, диаметр — 1.5 см. Число строчек: на кривой поверхности — 3 (4?), на плоской — 3. Палка переломана на две части, легко составляющиеся в одну. Перелом находится на расстоянии 5.5 — 7.5 см с левого конца.

63. Б. 20. Согдийский документ на дереве (палке). Длина — 36 см, диаметр — 2 см. Число строчек: на кривой поверхности — 4, на плоскости сечения — 1. Палка повреждена. Несколько стерта тушь. Кроме того, боковым ударом содрана поверхность конца палки с левой стороны на расстоянии 10 см, вследствие чего утерян на этом протяжении конец второй и третьей строчки. Хозяйственная запись.

64. Б 21. Согдийский документ на дереве (палке). Длина — 36 см, диаметр — 3.5 см. Палка сгнила. Следы согдийских букв.

65. Б 22. Согдийский документ на дереве (палке). Длина — 9.5 см, диаметр — 1.5 см. Следы согдийских букв. Начало двух строк.

66. Б 23. Согдийский документ на дереве (палке). Палка изогнута, покрыта слоем глины. Длина — 26.5 см, диаметр — 1.5 см. Четыре строчки.

67, 68. Б 24. Согдийские документы на коже. Два кусочка кожи, очень стертые, со следами согдийского текста на обеих сторонах. Размер 9×7. Извлечены из обшивки ножен.

69. Б 25. Согдийский документ на коже. Лоскуток кожи длиною в 13 см, шириною от 0.1 — до 2 см. Отрезок. На лоскутке следы согдийских букв.

70, 71, 72. Б 26. Три согдийских документа на бумаге. Обрывки бумаги с согдийским текстом. Размер 12×5, 5×3, 4×3.

73, 74, 75, 76, 77. Б 27. Пять документов на бумаге. Обрывки документов с согдийским текстом на одной стороне и китайским на другой. Судя по почерку и состоянию бумаги — части одного целого. Почерк — крупный.

78, 79. Б 28. Два обрывка китайского документа на бумаге. Бумага смята, распадается. Две строчки текста на каждой.

80. Б 29. Арабский документ на коже. Составляет одно целое с документом 14 В 12. Размер 3×2. Пять арабских букв.

Ленинград
Март 1934 г.

В. А. КРАЧКОВСКАЯ и акад. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

ДРЕВНЕЙШИЙ АРАБСКИЙ ДОКУМЕНТ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ[1]

Находки 1932—1933 г. в Таджикистане неожиданно обогатили не только иранистов, но и арабистов. Конечно, один единственный документ на сильно изъеденной червяками коже не может итти по количеству в сравнение с десятками памятников согдийской письменности, впервые найденных в центре согдийского государства, а не его колониях. Однако, по своему значению как историческому, так и палеографическому он представляет не меньшее открытие и качественно не уступает согдийским документам.

Найденный тов. Пулоти летом 1933 г., он по происхождению относится к развалинам той же крепости Муг Ḳал'а на южном берегу Зеравшана при впадении в него речки Кӯм, где в результате раскопок осенью 1933 г. была обнаружена основная масса документов и вещественных памятников. О его происхождении говорит и устная, вполне определенная традиция, и самое содержание документа, позволяющее с уверенностью связывать его с найденными здесь согдийскими памятниками, и тот крохотный, выеденный червяком кусочек, который был обнаружен при раскопках осенью 1933 г., и с полной несомненностью находит место в документе, открытом летом.

I. ДЕШИФРОВКА И ДАТИРОВКА

Основным моментом в дешифровке и изучении документа оказалось установление упоминаемых в нем собственных имен.

Еще до того, как появилась возможность изучать оригинал в Ленинграде, от лиц, знакомых с арабским языком, которые первыми увидели документ в Таджикистане, поступили сведения о том, что в нем упомянут

[1] Настоящая работа шла параллельно с изучением согдийских документов А. А. Фрейманом, и всеми данными относительно последних мы обязаны ему, что позволяет не оговаривать этого в каждом отдельном случае. Главы I и III—V принадлежат И. Ю. Крачковскому, VI—VII В. А. Крачковской, II — результат совместной работы.

Ибн Ṭарχ̣ӯн (= сын Ṭарχ̣ӯна). Это обстоятельство давало известное направление мысли, так как в исторических источниках эпохи завоевания арабами Средней Азии упоминается согдийский царь Ṭарχ̣ӯн, заключивший в 90 г. хиджры (708—709 н. э.) мир с арабским эмиром Ḳутейбой, низложенный в связи с этим своими подданными и лишивший себя жизни в следующем 91 (709—710) г.[1] С полной уверенностью видеть в документе упоминание этого лица было преждевременно: во-первых, известны и другие носители этого имени, а во-вторых, это имя иногда смешивается в источниках с титулом ṭарχ̣ān, частым в применении к другим лицам. Еще большую осторожность вызвало непосредственное ознакомление с документом, когда оказалось, что в нем идет речь не о «сыне Ṭарχ̣ӯна» (ابن طرخون), а либо о «моем сыне Ṭарχ̣ӯне», либо о «двух сыновьях (или двух детях) Ṭарχ̣ӯна» (ابنى طرخون). Появление в дальнейшем тексте документа дважды местоименного суффикса двойственного числа заставило принять последнее толкование, но делать какие-либо выводы о датировке или локализации этого памятника единственно на основании появляющегося имени Ṭарχ̣ӯна оказалось невозможным.

Среда и местность были установлены благодаря дешифровке второго собственного имени—Дӣвāстӣ. По указанию А. А. Фреймана стало известно, что то же имя (конечно, в соответствующей согдийской форме) фигурирует в большинстве согдийских документов в качестве главного действующего лица, от которого исходят или к которому направлены почти все найденные письменные памятники. Это позволило отнести место возникновения нашего документа приблизительно к той области, где он был найден — Согдиане, временем его возникновения считать эпоху продвижения арабов в Среднюю Азию. В связи с этим, укреплялась вероятность того, что в Ṭарχ̣ӯне надо видеть упомянутого согдийского царя. Определенной даты, однако, эти соображения еще не давали.

Дата была установлена с неожиданной точностью до одного года благодаря идентификации третьего имени — того лица, которому письмо было адресовано. Дешифровка его несколько затруднялась его отчеством, которое в документе было почти уничтожено. Однако, когда по историческим источникам выяснилось, что такое же, довольно редкое в арабской ономастике, имя ал-Джаррāḥ носил в эту эпоху правитель Хорасана, той области, в состав которой входила и Средняя Азия, то не оставалось сомнений, что и в нашем документе отчество должно быть восстановлено в виде

[1] Более обстоятельные сведения о нем и других упоминаемых дальше лицах, с указанием источников, даны в главе третьей.

Ибн ʿАбдаллāх, как у названного правителя. Назначен он был в эту провинцию омейядским халифом ʿОмаром II, правившим в 99—101 (717—720) гг. Уже это обстоятельство придавало дате известную точность, но когда оказалось возможным установить, что ал-Джаррāḥ был смещен со своей должности правителя в рамадāне 100 г. х. (= апреле 719 г.), пробыв на ней всего год и пять месяцев, то эту дату удалось сузить почти до одного года: письмо, адресованное к нему, как правителю Хорасана, могло быть написано только в 99—100 г. хиджры, не позже апреля 719 г. и не раньше начала 718 г. Не имеющий в себе даты документ приобретал таким образом сравнительно точную датировку.

Благодаря определенно установленной дате и среде удалось дешифрировать и четвертое встречающееся в документе имя. Оно сохранилось хуже всех и производит впечатление наспех вписанного между строк. Если собственное имя с достаточной уверенностью может быть прочитано как Сулеймāн, то сложное отчество настолько пострадало от червяка, что без поддержки другими данными едва ли может быть разобрано. По счастью в исторических источниках сохранились упоминания о Сулеймāне ибн Абӯ-с-Сарӣ, который при халифе ʿОмаре II заведывал финансами Самарканда, а через несколько лет оказался связанным с последними судьбами писавшего это письмо Дӣвāстӣ. Его имя и приходится видеть в плохо сохранившемся начертании документа.

Не исключена возможность, что в документе фигурировало еще одно собственное имя в конце, после слова اهل (= семья или жители); от него сохранилась только одна стоявшая в средине слова буква ṭā ط (повидимому с предшествующим мӣм م) и восстановить его не представилось пока возможности. Кроме того, нет полной уверенности, что здесь кроется собственное, а не нарицательное имя. Существовали ли другие собственные имена в погибших частях, сказать трудно, хотя контекст позволяет обходиться без них; наличию еще одного не противоречило бы место в начале основной части письма, после перехода от вступления, но попытки каких-либо коньектур здесь совершенно безнадежны в связи с полным исчезновением букв.

При дешифровке арабских документов, как и всяких других, важным подспорьем является изучение параллельных памятников. К сожалению, для данного случая таковых не имеется, и он является пока единственным в своем роде, как будет видно из его палеографического анализа. Однако, общность административно-канцелярской системы на всем протяжении халифата уже в I в. хиджры создала то, что известную параллель нашему

памятнику представляют документы несколько иной категории, единственно сохранившиеся от ранней эпохи арабского халифата. Это — известные арабские папирусы из Египта, в частности связанные с деятельностью правителя Курры ибн Шарика в 90—96 (709—714) гг. Очень важно, что они захватывают крайне близкий к нашему письму период, но, конечно, они могут помочь в расшифровке только общепринятых фраз вступления и заключения, которые мало ценны для исторического содержания памятника. При палеографическом разборе роль их более значительна.

Дешифровка памятника в связи с его плохой сохранностью не может считаться законченной, и предлагаемый первый опыт ее вероятно поможет дальнейшим исследователям уточнить отдельные детали и дешифрировать отдельные слова, которые по своей сохранности не поддались нашим усилиям.

II. ТЕКСТ[1] И ПЕРЕВОД

١ بسم الله الر[حمن الر]حيم
٢ للامير الجراح [بن] عبد [الله] من مولاه ديوا
٣ ستى السلم عليك ايها الامير
٤ [ور]حمت [الله] فانى احمد اليك
٥ [الله الذ]ى لا اله [الا هو]
٦ اما [بعد . . . . . اصلح] الله الامير وامتع
٧ به فانى [. . . . .]
٨ للامير حاجتى و حاجة ابنى طرخون وان الا
٩ مير امتع الله به ذكر ابنى طرخون بخير
١٠ فان را الامير من الراي ان ي[كتب]
١١ الى سليمن ابن ابى السرى فيبعث به[ا] الى الامير
١٢ فليفعل او يامر لى الامير بدابة من دواب
١٣ البريد فابعث عليها غلامى يات بهما
١٤ [ا]لامير فان الله جعل قدم الامير لاهل
١٥ [ا] لط[. . . . .] غياث ورحمة
١٦ اسل الله ل[. . . . .] و السلام عليك ايها الامير ورحمت الله

[1] Квадратные скобки указывают на слова, отсутствующие в рукописи и восстанавливаемые при помощи конъектуры. Скобки, закрытые только сверху, указывают, что отсутствуют верхние части букв; закрытые снизу указывают на отсутствие нижних частей. Многоточие обозначает пропуск, не поддающийся восстановлению; вопросительный знак — чтения и реконструкции, в которых нет уверенности.

1. Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.
2. Эмиру ал-Джаррāḥу, сыну ʿАбдаллāḥа, от клиента[1] его Дīвā-
3. стī. Мир над тобой, о эмир,
4. и милость Аллаха. Я восхваляю тебе
5. Аллаха, кроме коего нет божества.
6. А затем — ....., да направит Аллах эмира и сохранит
7. его, я .....[2]
8. эмиру мою нужду и нужду обоих сыновей Ṭарḫӯна, ведь э-
9. мир, да сохранит его Аллах, вспомнил добром сыновей Ṭарḫӯна.
10. И если эмир соизволит принять решение [и написать]
11. Сулеймāну, сыну Абӯ-с-Сарī, чтобы он отправил их обоих [к эмиру],
12. то пусть сделает. Или эмир прикажет мне одну лошадь из
13. почтовых и я отправлю на ней своего слугу, чтобы он доставил их обоих
14. эмиру. Ведь Аллах сделал сан[3] эмира для семьи[4]
15. ..... помощь и милость.
16. И прошу я у Аллаха для ..... и мир над тобой, о эмир, и ми-
лость Аллаха.

1 строка. *Басмала* восстановлена на основании оставшихся букв: начального *бā* (с точкой) — *сӣн* и верхней части *мӣма*; съедены конец *мӣма*, вершины *алифа* и *лāма* الله. От الرحمن видны низ *алифа*, *лāма* и весь *рā*, от *ḫā-мӣм* остались части горизонтальной лигатуры; от الرحيم — три полных буквы конца и низ *рā*.

2 строка. Огласовка имени эмира установлена по повествовательным источникам (см. главу III); от بن сохранилась часть конечного *нӯна* необычной формы (о ней см. анализ конечного *нӯна*); от الله сохранилась только последняя буква.

2—3 строки. Имя ستى | ديوا читается совершенно ясно, *йā* и *тā* имеют необходимые точки; السلم — пострадал низ *алифа*; пропущен, как обычно, *алиф* долготы.

3—4 строки. Конец формулы السلم عليک . . . . ورحمت الله восстановлен по остаткам букв *ḫā-мӣм* и длинному настрочному концу *тā*; от الله виден весь *алиф*, часть начального *лāма* и *ḫā*.

[1] О значении этого термина в данном случае см. главу IV.
[2] В несохранившемся месте, вероятно, стояло «сообщил» или «послал известие о».
[3] В чтении и значении слова قدم мы не уверены.
[4] Слово اهل в зависимости от дальнейшего можно понимать и «жителей».

4—5 строки. Распространенная формула فانى احمد اليک الله الذى لا اله الا هو несмотря на совершенно разрушенную строку 5, установлена по отдельному фрагменту Б—29 со словами لا اله (о нем см. ниже, гл. VI), подстрочному росчерку направо конечного *йā* الذى и верхушкам *лām-алифа* لا (Ср. C. Becker. Papyri Schott-Reinhardt, I, Heidelberg, 1906, 30 B; 58 3—4, 62 3—4, 68 4—5, 92 3—4, 96 3—4; 100 3—4; № I A 3—4, II A 3—4, III A 4—5, X 3—4, XII 3—4, XIV 3.

6 строка. От обычной формулы перехода к тексту документа . . . اما بعد виден весь отдельный *алиф*, незначительные остатки *мīм-алифа* и среднего *'айна*; ср. Becker, op. cit. 30 B, 58 5, 62 5, 68 6, 92 5, № I A 5, III A 6, X 5; затем совершенно разрушенное место, начало фразы установить невозможно, от предполагаемого اصلح виден опущенный вниз конец ح, подобно الجراح; от الله видны верхушки высоких букв и конечное ه; от الامير виден *алиф* без вершины, верхняя половина *лāм-алифа*, почти весь *мīм* с началом лигатуры, после дырки — продолжение ее к высоко лежащему *йā* и начало *рā*, все слово подобно الامير 12-й строки. В конце строки видно окончание союза و, нижний кончик *алифа* وامنع, левая половина *мīма*, лигатура к *тā*, левая сторона петли и подстрочный конец *'айна*; все слово подобно امنع 9-й строки.

7 строка. به — окончание предыдущей фразы. Союз فانى начинает новое, разрушенное вначале, предложение; после فانى видны остатки трех букв, между первой — второй дырка, после третьей типа среднего *бā* — большая дырка; начиная с середины строки до последней дыры в конце видны четыре фрагмента очень длинного настрочного конца буквы (типа *бā* или *кāф*).

8 строка. Полная сохранность; продолжение предшествующей фразы. Чтение حاجتى облегчено двумя точками над *тā*, ابنى طرخون — точками под *бā*, над средним и конечным *нӯном*.

9 строка. Полная сохранность, кроме *нӯна* طرخون; вместе с ابنى (здесь без точек) читается по аналогии со строкой 8.

10 строка. Дырой уничтожена последняя четверть строки, с повреждением конечного *нӯна* ان; от восстанавливаемого по контексту يكتب видно только начало буквы типа ـد.

11 строка. Уничтожена последняя четверть строки, симметрично с 10-й, три мелкие дырки от середины направо. После الى в текст внесена вставка, написанная над 11-й строкой; имя سليمن с точками под *йā* ввиде черточки и пропуском *алифа* долготы (ср. выше, строка 3 السلم

и C. Becker, op. cit., 27; A. Grohmann. Allgemeine Einführung in die arabischen Papyri nebst Grundzügen der arabischen Diplomatik. Wien, 1924, 73; G. Bergsträsser. Zur ältesten Geschichte der kufischen Schrift, ZDVBS, № 5/6, 1919, 54; В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР, Труды МУП, III, 118). В кунье Сулеймана видно بن, съеден конец *йā* ابى, низ *сӣн-рā*, от конечного *йā* видно начало (бледнее), конец съеден. Полное имя سليمن بن ابى السرى подтверждают повествовательные источники. Чтение فيبعث принято по контексту (ср. ниже, строка 13), на основании небольшой точки над *фā* и хорошо видного среднего *ʿайна* в лигатуре с последующей буквой типа *бā*, конец которой дырами разделен на четыре горизонтальных отрезка; بهما встречается в тексте дважды (см. ниже, стр. 13), восстановлено по ясно видным буквам *бā-хā* и низу округлой буквы после горизонтальной лигатуры. Конец строки неизвестен, мог содержать 1—2 слова.

12 строка. Полная сохранность. Чтение فليفعل несомненно, благодаря двум точкам под *йā*, одной — над средним *фā*; форма глагольная аналогичная с فيبعث 11-й, но усиленная ل (ср. Becker, op. cit., 30: «Der Energikus ist eine sehr beliebte Form, nicht nur bei Verboten. Der indirekte Befehl kleidet sich meist in die immer wiederkehrende Form», فمرهم فليفعلوا, № II A 15, 16, № II B 29 и др., № III A 22, № III B 43, № III E 76 и др.). Чтение او принято на основании разницы начертания отдельного *вāва* и отдельного *рā* (строка 10).

13 строка. Полная сохранность. Чтение فابعث عليها.... принято в параллель к строке 11-й فيبعث بهما.... в связи с упоминанием выше (строки 8—9) ابنى.

14 строка. В الامير кроме небольшого повреждения лигатуры между *мӣм-йā*, съеден *алиф*; в الله поврежден средний *лām* и лигатура с конечным *хā*. Кроме *джӣма* جعل видна петля среднего *ʿайна*, вершина и небольшой кончик *лāма* (ср. فليفعل 12-й и последнюю букву 14-й); قدم — чтение сомнительно: буквы قد *кāф* без точек и *дāль* ясны; отдельно конечный *мӣм* с коротким концом возможен; непонятно назначение точки над *мӣмом*.

15 строка. Сохранилось около трети строки в конце и немного от первого слова, где видно среднее *тā* ط и части предшествующих ему *лām-мӣма* в лигатуре; последние буквы этого слова и следующие за ним 3—4 слова исчезли почти совершенно, остались верхушки нескольких букв под فان الله 14-й строки и лигатура на узком клине кожи, которые не поддаются определению. Последнее слово строки ورحمة написано немного выше конечного тā غياث, *мӣм* расплылся и неясен.

16 строка. Повреждена внизу слева и правее середины. اسل الله читается по аналогии с частым употреблением *сӣна* без выступов, одним штрихом, в папирусах. От следующих 3—4 слов осталась одна буква, вероятно начальный *лӑм*. Левая половина — заключительное приветствие читается по аналогии с принятой формулой (см. выше, начальное приветствие 3-й строки; ср. Loth «Zwei arabische Papyri, ZDMG» XXXIV, № II 17—18 والسلم عليک ورحمت الله...). Для السلم ср. выше начертание السلم, кроме *сӣна*, который см. Becker, op. cit. № II B 40. عليک — виден верх начального *ʿайна*, *лӑма*, *йӑ* соединенное с высокой вертикальной буквой = конечное *кӑф* (см. Loth, op. cit., № I 8 ذلک; Becker, op. cit., 26). ايها الامير — виден *алиф*, начало низкой буквы и две последних буквы, похожие на конец الامير 14-й строки, но небрежнее; ورحمت — над *тӑ* две точки; الله — есть *алиф*, верхи *лӑмов* и край ه.

III. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Как в дешифровке текста главную помощь оказали собственные имена, так и для выяснения всех исторических соотношений они играют наиболее существенную роль. В документе упоминаются четыре имени (если не считать возможности гипотетического пятого, оставшегося неразобранным): два из них представляют арабскую сторону, два — согдийскую.

Наиболее обстоятельные исторические данные у нас имеются об эмире ал-Джаррӑҳе ибн ʿАбдаллӑхе.[1] Крупный полководец, занимавший ряд административных должностей, преимущественно в пограничных областях халифата, он вышел из школы знаменитого наместника Ирака ал-Ҳаджжӑджа (660—714)[2] и традиция не без оснований подчеркивает это, называя его «одним из мечей ал-Ҳаджжӑджа».[3] При нем он выполнял ряд поручений в Месопотамии;[4] кратковременное управление Хорасаном, в общем, как увидим, неудачное, особенно с точки зрения халифа, не поколебало его военно-административного авторитета и впоследствии он занимал ответ-

[1] Библиографический свод арабских источников дан у L. Caetan. Chronographia islamica (Paris, 1912—1923) под соответствующими годами, напр. стр. 1220, § 4, 1237, § 3, 1416, § 10, 1421, § 33. Наличие этого свода избавляет нас от необходимости приводить отдельные ссылки на все известные нам источники, ограничиваясь наиболее существенными для каждого конкретного случая.

[2] О нем см. статью H. Lammens в Enzyklopaedie des Islām, II, 214—216 с указанной там литературой.

[3] Аṭ-Ṭабарӣ (лейденское издание), II, 1354, 6: وهو بعد سيف من سيوف الحجاج

[4] J. Perier, Vie d'al-Ḥadjdjâdj ibn Jousof. Paris, 1904, 96, 182.

ственный пост правителя Армении и Азербайджана. Там он и кончил свою жизнь в битве при Мердж Ардебӣль в 112 (730) г.[1] Назначенный правителем Хорасана в 99 г. хиджры (= в конце 717 г. н. э.)[2] в трудную эпоху, когда после смерти знаменитого завоевателя Ḳутейбы ибн Муслима положение арабов в Средней Азии несколько заколебалось и они иногда вынуждены были сдавать свои позиции, ал-Джаррāḥ сумел еще сохранить status quo и поддержать гегемонию завоевателей. В его правление даже была предпринята попытка расширить сферу влияния арабов в сторону Сыр-дарьи, закончившаяся впрочем неудачей.[3] Расхождение его с халифом произошло на почве внутренней политики, о которой мы можем судить на основании сохраненной в источниках их переписки.[4] В значительной мере, как всегда, она является продуктом литературного творчества, но верно передает общие линии исторической картины. В Хорасане, как и в других провинциях, остро стоял вопрос со взиманием подати с новообращенных мусульман. По правовым теоретическим нормам это взимание с переходом в ислам должно было прекращаться; для государственной казны это причиняло несомненный ущерб, и поэтому далеко не все правители и халифы следили за соблюдением такого правила. Ведя определенную линию, ʿОмар II запретил такое взимание после жалоб одной депутации.[5] Тогда ал-Джаррāḥ попытался затруднить переход в ислам, требуя от новообращенных производства обрезания. Это вызвало столь же резкое возражение халифа,[6] и правитель был смещен в рамадāне 100 (апреле 719) года.[7] По отношению к Хорасану он был вообще сторонником «твердой» политики, образно выражаясь, что этой провинцией можно

1 Aṭ-Ṭабари, II, 1530, 15—1531, 16. Ср. Ḫайр ад-дӣн аз-Зуруклӣ, الاعلام, I, Каир, 1927, 179—180.

2 Aṭ-Ṭабари, II, 1350, 16—17, 1352, 15—16; Китāб ал-ʿуйӯн (изд. de Goeje) 50,4—5 (без года); Ибн ал-Aс̱ир (изд. Tornberg'a) V, 32, 7—8; ал-Белāз̱урӣ (изд. de Goeje) 426, 14—15; ал-Йаʿḳӯбӣ (изд. Houtsma), II, 362, 369. Недоразумением объясняется указание ад-Дӣнаверӣ (изд. Guirgass), 331, 5—6, что ал-Джаррāḥ был назначен халифом Валӣдом.

3 H. A. R. Gibb. The arab conquests in Central Asia. London, 1923, 54.

4 Aṭ-Ṭабарӣ, II, 1354,8—1356,12; Китāб ал-ʿУйӯн, 62, 6—12. Не вполне точно передана эта переписка по рукописным источникам у G. Weil'я. Geschichte der Chalifen I, Mannheim, 1846, 582, прим. 2.

5 Aṭ-Ṭабарӣ, II, 1354, 3, 8—9. О ней см. еще G. van Vloten. De Opkomst der Abbasiden in Chorasan. Leiden, 1890, 23; id. Recherches sur la domination arabe... sous le khalifat des Omayades. Amsterdam, 1894, 22; J. Wellhausen. Das arabische Reich und sein Sturz. Berlin, 1902, 280—281.

6 Aṭ-Ṭабарӣ, II, 1354, 9—12.

7 Id., II, 1352, 16; 1355, 16; ал Белāз̱урӣ, 426 ult.; Ибн ал-Aс̱ӣр, V, 36—38. Ср. Chronique de... Tabari, traduite par M. Hermann Zotenberg, IV, Nogent le Rotrou, 1874, 246—247. См. еще J. Wellhausen, op. cit., 281.

править лишь с помощью кнута и меча.[1] Халиф держался более примирительной линии, в частности к немусульманскому населению.[2]

О характере его политики говорят и сношения с другим лицом, упоминаемым в письме, — Сулеймāном ибн Абӯ-с-Сарӣ. Он был «мауля» (= مَوْلى) — клиент племени ʿУвāфа,[3] по всей вероятности не арабского, может быть местного происхождения, особенно если считать его родственником того Абӯ-с-Сарӣ из Мерва или Хорасана, который часто как источник фигурирует в сообщениях ал-Мадāʾинӣ.[4] Под 101 (719—720) г. мы встречаем его в Самарканде — в какой должности не ясно, но во всяком случае весьма значительной, так как непосредственно ему халиф ʿОмар отправляет подробную инструкцию об организации постоялых дворов (хāнов) и упорядочении всей почтовой службы с точной регламентацией.[5] Тогда же он отправляет халифу депутацию местного населения с жалобами на притеснения бывшего правителя Ḳутейбы.[6] При предложении халифом конкретных мер, согдийцы предпочитают сохранить установившийся в последнее время status quo.[7] В 102 (720—721) г. Сулеймāн назначается заведующим податями Согда,[8] в 104 (722—723) г. по поручению вновь назначенного правителя Саʿӣда ал-Ḫарашӣ он ведет осаду некоторых замков Согда,[9] где, как увидим дальше, захватывает в плен и автора письма Дӣвāштӣ. Вскоре после этого он назначается начальником округов Кеша и Несефа.[10] Еще под 110 (728—729) г. он упоминается опять как заведующий податями,[11] но дальнейших сведений о нем в своде аṭ-Ṭабарӣ уже не встречается. В его лице можно видеть местного уроженца, определенно и систематически действовавшего на стороне арабов.

Оба представителя согдийской стороны, упоминаемые в документе, нашли себе в арабских источниках значительно меньше отражения. О сыновьях (или детях) Ṭархӯна в них, конечно, не упоминается; о роли их

[1] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1355, 5—9. Общую характеристику его деятельности здесь см. еще W. Barthold. Turkestan down to the Mongol invasion. London, 1928, 188; id. Халиф Омар II, Христианский Восток, VI, Пгр., 1922, 220; J. Wellhausen, op. cit., 280—281.

[2] Выяснение его основных тенденций у В. Бартольда. Халиф Омар II, 219—231.

[3] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1421,7.

[4] См. аṭ-Ṭабарӣ, index, 225.

[5] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1364, 9—12.

[6] Ibid., 1364, 13—17.

[7] Ibid., 1365, 1—12.

[8] Ibid., 1421, 7.

[9] Ibid., 1447, 2—3. Ср. H. A. R. Gibb, op. cit., 63.

[10] Ibid., 1448, 7—8.

[11] Ibid., 1509, 13—14.

можно только строить предположения, которые будут высказаны при комментировании текста письма. Сам Ṭарχ̯ӯн фигурирует в источниках довольно часто, но относительно него мы встречаемся с рядом неясностей как в арабских текстах, так и в научной литературе. Не в малой мере это объясняется смешением его имени с титулом ṭарχ̯ān, тоже неоднократно появляющимся в эпоху завоевания арабами Средней Азии. Одной из крупных фигур, носивших последний, является Нӣзак ṭарχ̯ān, который упоминается еще при рассказе о смерти последнего Йездеджерда около Мерва;[1] он был не согдиец, а турок[2] и, как вся местная аристократия, держался неустойчивой политики по отношению к арабам, то заключая с ними союзы, то воюя против них; в конце концов он был убит Ḳутейбой.[3] Слово ṭарχ̯ān является в основе своей титулом, хотя иногда могло, конечно, употребляться и как собственное имя; достаточно вспомнить деда знаменитого философа ал-Фарабӣ.[4] В противоположность этому, Ṭарχ̯ӯн представляет в основе собственное имя и едва ли есть основания считать его лишь вариантом титула ṭарχ̯ān.[5] По отношению к согдийскому языку это имя «явно инородческое»;[6] в китайской транскрипции оно передается Tou-hoen.[7] Интересующий нас в данном случае Ṭарχ̯ӯн играл очень видную роль в истории завоевания арабами Средней Азии; в арабских источниках он называется то царем Согда,[8] то царем Самарканда.[9] Его видная роль способствовала тому, что легенда с особой охотой пользовалась этой фигурой при литературном расцвечивании ранней истории арабских завоеваний. Легендой приходится считать его участие в «романе о Ẋатӯне», связанном со взятием Бухары (равно как и весь роман в целом);[10] повидимому так же

1 Ал-Белāзурӣ, 315, 3—4 сн. — 316, 1.

2 Ал-Йа'ḳӯбӣ, II, 342, 7 (نيزك صاحب الترك), ibid., 342, 16 (نيزك طرخان).

3 Ал-Белāзурӣ, 420, 2 сн. Ср. H. A. R. Gibb, op. cit., 37.

4 Enzyklopaedie des Islām. II, 55.

5 Так выражается J. Wellhausen, op. cit., 270 (Der türkische Titel Tarchun oder Tarchan...).

6 Ф. Розенберг. О согдийцах, ЗКВ, I, 1925, 84.

7 E. Chavannes. Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux, St.-Pétersbourg, 1903, 186, прим. 1; 289. Ср. H. A. R. Gibb, op. cit., 6.

8 Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1204, 4—5; ал-Йаḳӯбӣ, II, 342, 9 (صاحب السغد).

9 Ал-Белāзурӣ, 417, 2 сн.; аṭ-Ṭабарӣ, II, 1146, 9. Впоследствии в связи с этим некоторые источники считают слово «ṭархӯн» титулом царей Самарканда, см. напр. Ибн Ẋордāдбех (изд. De Goeje), 40, 4 (где чтение рукописей колеблется между طرخون и طرخان), ал-Бӣрӯнӣ, (изд. Sachau), 101, 20 или мешхедская рукопись Ибн Фадлāна (о чем А. З. Валидов, И. А. Н. 1924, 243).

10 H. A. R. Gibb, op. cit., 18, 21; в последнее время Gibb вернулся к этой легенде в своей заметке в Der Islam, XX, 2, 1932, 196—197 в связи с неудачной попыткой P. Wittek'a усмотреть Ẋатӯн в одной из фигур на росписи замка Ḳуṣайр ʿАмра (Der Islam XIV 402—406).

легендарно его участие в борьбе арабов против Мӯсы ибн ʿАбдаллāха ибн Ḫāзима, когда он впервые упоминается в истории аṭ-Ṭабарӣ под 85 (704) г.[1] В согласии с китайскими источниками, можно считать, что он появляется на исторической арене значительно позже 696 г.[2] Определенно засвидетельствованной является его борьба против Ḳутейбы в 88 (707) г. при завоевании Бухары,[3] но переговоры о договоре должны быть отнесены на два года позже, к 90 (709) г., согласно аṭ-Ṭабарӣ.[4] Этот договор послужил причиной его гибели. Когда в следующем году Ḳутейба отправил своего брата ʿАбдаррaḥмāна в Самарканд за получением дани, то Ṭарḫӯн ее уплатил;[5] однако, после отъезда доверенного, Ṭарḫӯн был низложен приближенными и в отчаянии лишил себя жизни.[6] Особняком стоит известие одного автора, что он был убит своим преемником Гӯреком.[7] Этот Гӯрек явился не менее крупной фигурой, чем Ṭарḫӯн; правление его продолжалось 27 лет[8] и политика по отношению к арабам проходила различные стадии.[9] Власть их он должен был признать уже при взятии Самарканда Ḳутейбой в 93 (711—712) г.,[10] но еще от 100 (718—719) г. — того самого, к которому относится наш документ, сохранилось его письмо к китайскому императору,[11] крайне характерное для всей его политики, о которой еще придется нам говорить.

Имя Дӣвāстӣ впервые входит в науку, благодаря нашему документу. Его форма в последнем не только помогает установить чтение имени в согдийских документах, но и выясняет, что оно встречается в арабских источниках. Приводится оно здесь в настолько искаженном виде, что, повидимому поэтому, никто из европейских исследователей, специально занимавшихся этим периодом и говоривших об этих событиях (Бартольд, Wellhausen,

[1] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1146,6; ал-Белāзурӣ 417, 2—3 сн. (без года); ал-Йаḳӯбӣ, II, 300, 6 сн.; Caetani, op. cit., 1020, 6; но см. Gibb, op. cit. 27.

[2] Chavannes, op. cit., 135—136.

[3] W. Barthold. Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen, (СПб., 1899), 7.

[4] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1204, 4—14; Ибн ал-Асӣр, IV, 430, 6—10; Caetani, op. cit., 1586, § 3; Barthold. Die alttürkischen Inschriften, 8; Gibb, op, cit., 35—36.

[5] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1229 12—13;, Gibb, op., cit., 41.

[6] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1229, 13—1230, 1 (= Tabari-Zotenberg, 173); Ибн ал-Асӣр, IV, 437, 2 сн.—438,6; Caetani, op. cit. 1108, § 2; Barthold. Die alttürkischen Inschriften, 8; Wellhausen, op. cit., 271—2; Gibb, op. cit., 42.

[7] Ал-Йаʿḳӯбӣ, II, 344, 2: وكان غورك قد قتل طرخون ملك السغد و تملك على البلد ср. ibid., II, 300, 2 сн.

[8] Он умер в 738 или 737 году (Chavannes, op. cit , 210; Gibb, op. cit., 79—80).

[9] Gibb, op. cit., 48.

[10] Barthold. Die alttürkischen Inschriften, 9.

[11] Перевод его у Chavannes, op. cit., 204—205; детальный анализ у В. Бартольда. К истории арабских завоеваний в Средней Азии, ЗВО, XVII, 1906, 0141—0147.

Gibb), не решался его упоминать. Материалы, собранные Caetani, и здесь оказались на должной высоте: только у него[1] мы встречаем этого согдийца с искаженным именем Дīвāшнī.[2] Основным и, повидимому единственным источником сведений о нем является свод ат-Ṭабарī (ум. 923 г.);[3] как и всегда, главным информатором его о хорасанских событиях служит ал-Мадā'инī (752—842 г.),[4] т. е. историк, который был отделен от описываемых событий в сущности только одним поколеннем. О личности Дīвāстī из всех этих, в общем немногочисленных, сообщений мы, к сожалению, узнаем мало и не можем даже решить вопроса, кем он был. В документе он называет себя ничего не говорящим термином «мауля», который в данном случае указывает только на признание известного главенства арабов и договорных отношений с ними. У ал-Мадā'инī он называется обычно дихḳāном[5] и специально дихḳāном Самарканда.[6] Если принять во внимание, что последние судьбы его связываются с замком Абгар,[7] соблазнительно видеть его в том анонимном «царе Абгара»,[8] который в 102 (720—721) г. снабдил одного арабского правителя не лишенным известной остроты прозвищем «барыня». Это обстоятельство говорило бы о том, что Дīвāстī был не простым дихḳāном, а очень крупным феодалом. Большую сложность вносят в этот вопрос согдийские документы: там он имеет совершенно тот же титул, что в арабском переводе приписывается одним источником Гӯреку.[9] Предполагать параллельное существование в одно и то же время двух царей Согда затруднительно, но найти удовлетворительное объяснение вероятно удастся только после изучения всех согдийских документов.

События, в связи с которыми упоминается Дīвāстī в арабском источнике, непосредственно предшествовали его смерти и произошли через три

[1] Chronographia, 1307, § 1.

[2] Эта форма, то с членом, то без него, принята издателями ат-Ṭабарī II, 1441, 7, 1446, 11, 13; 1447, 8, 10; 1448, 4, 8; 1453, 16 (ср. Index, 182). Одна из рукописей, B, дает более близкую к оригиналу форму ديواشتى (1446, r; 1447, h) и الديواشتى (1447, m; 1448, c, h; 1453, к). В других варианты значительнее: ددواسى ددواشي الديواشي ديواشى الرواشى الزواشى الزواشتى الدبوسى دبوسى الددوستى ديوشتى الديواسى الددواسى Огласовка его удостоверяется появлением имени в арабском стихе поэта Ṣābита Ḳuṭны 1446, 11.

[3] Другие авторы, говорящие об этих событиях (Ибн ал-Aṣīр, Ибн Ḫальдӯн), сокращают его, обыкновенно опуская имя Дīвāстī.

[4] О нем см. C. Brockelmann в Enzyklopaedie des Islām, III, 87.

[5] Aṭ-Ṭабарī, II, 1447, 8.

[6] Id., II, 1446, 13: دهقان اهل سمرقند.

[7] Aṭ-Ṭабарī, II, 1441, 7.

[8] Aṭ-Ṭабарī, II, 1418, 1 (= Ибн ал-Aṣīр V, 68).

[9] Ал-Йа'ḳӯбī, II, 10: اخشيد السغد افشين بسمرقند.

года после того, как был написан наш документ. Ал-Джаррāḥ еще сумел обеспечить на некоторое время господствующее положение арабов в Средней Азии, но вообще частая смена правителей после Ḳутейбы все более и более подвергала опасности арабский престиж. Понадобилась снова «твердая рука» и в качестве таковой поздней осенью 103 (721) г. был назначен Саʿы̄д ал-Ḥараш̄ī, известный полководец, прославившийся своей борьбой с ḫ̄ариджитами.[1] Для Согдианы его кратковременное правление ознаменовалось крупной «карательной» экспедицией. Опасаясь репрессий за свои прежние действия, часть согдийцев задумала выселиться в области, более безопасные от арабских походов. Основная масса, вопреки уговорам Гурека, не желавшего в данный момент портить своих отношений с арабами, направилась в Фергану и сосредоточилась, главным образом, в Ḫ̣оджженде;[2] Дī̄вāстī̄ с жителями Пенджикента укрепились в замке Абгар.[3] Весна и лето 722 г. (конец 103 — начало 104 г.) были посвящены усмирительным походам; в Ḫ̣оджженде экзекуция была произведена самим Саʿы̄дом ал-Ḥараш̄ī.[4] В долине Зеравшана операциями против замка Дī̄вāстī̄ руководил по поручению эмира известный нам Сулеймāн ибн Абӯ-с-Сарī̄. Располагая большим количеством местных войск (из Бухары, Хорезма и др.), он одержал верх над отрядом Дī̄вāстī̄, пытавшегося оказать сопротивление в открытом бою; он был оттеснен в замок, где и осажден. Убежденный сдаться с гарантией в неприкосновенности, он был отправлен к Саʿы̄ду ал-Ḥараш̄ī.[5] Тот на первых порах отнесся к нему хорошо, возил его с собой, но после взятия гор. Кеша и Рабинджана казнил, по варварскому обычаю арабов, распяв. Отрубленная голова была отправлена в Ирак правителю ʿОмару ибн Хубейре, левая рука — Сулеймāну ибн Абӯ-с-Сарī̄.[6] Саʿы̄д ал-Ḥараш̄ī в этом же году был смещен с должности правителя,[7] причем

[1] Caetani, op. cit., 1295, § 1; Barthold, Turkestan, 189; Wellhausen, op. cit., 281; Gibb, op. cit., 62.

[2] Aṭ-Ṭабарī, II, 1439 5—1441, 8; Ибн ал-Aс̄īр, V, 78; Ибн Ḫ̣альдӯн (изд. 1284 г.), 82—83; Caetani, op. cit., 1295, § 1; Barthold, Turkestan, 189; id., Die alttürkischen Inschriften, 23; Wellhausen, op. cit., 281; Gibb, op. cit., 62.

[3] Aṭ-Ṭабарī, II, 1441, 7: فارتحل الديواشنى باهل بُنْجِيكَث الى حصن أَبْغَر (последнее слово-коньектура издателя; все рукописи дают ابن عز).

[4] Aṭ-Ṭабарī, II, 1441, 11—1447, 2 (интересно отметить, что «персидский» Ṭабарī, Zotenberg, IV, 268—269, излагает эти события в другом свете); Gibb, op. cit., 63.

[5] Aṭ-Ṭабарī, II, 1447, 2—12; Gibb, op. cit., 63.

[6] Aṭ-Табарī, II, 1448, 4—10; Ибн ал-Aс̄īр, V, 82; ал-Йаʿḳӯбī, II, 373, 4; Ибн Ḫ̣алдӯн III, 82—83 (последние без упоминания имени Дī̄вāстī̄). Некоторые недоступные мне рукописные источники называет Caetani, op. cit., 1307, § 1. Ср. еще упоминание события (без подробностей и имени Дī̄вāстī̄) Wellhausen, op. cit. 282, пр. 2; Gibb, op. cit., 63.

[7] Caetani, op. cit., 1307, § 2; Wellhausen, op. cit., 282; Gibb, op. cit., 63.

один из источников говорит, что это было вызвано недовольством наместника Ирака ʿОмара ибн Хубейры за его поступок с Дīвāстī.[1] Это обстоятельство еще раз подтверждает ту крупную роль, которую по отношению к арабам он играл и сведения о которой доходили до Ирака еще ранее этих событий.

Вопрос о местоположении того замка, в котором был осажден Дīвāстī, представляет немаловажный интерес для объяснения состава таджикистанской находки. Есть некоторые основания считать этим замком Абгар, который, как и соседний Маймург, был в древности резиденцией согдийских царей;[2] это подтверждает и упоминание ал-Мадāʾинī о движении Дīвāстī из Пенджикентā в Абгар.[3] Однако, если вглядеться в текст, оказывается, что Абгар представляет собой лишь коньектуру издателя вместо не вполне понятного начертания рукописей. Кроме того, странным явилось бы движение Дīвāстī на запад,[4] т. е. на встречу арабам, тогда как эмиграция согдийцев шла в общем на восток. В связи с этим, нет оснований вслед за издателем вносить в текст рассказа об осаде, где имя крепости не называется, тот же Абгар.[5] Между тем, обследованный экспедицией замок, давший все находки, равно как и находящийся около него, расположены как раз к востоку от Пенджикента. Едва ли не решающим обстоятельством является то, что замок лежит у впадения в Зеравшан речки Кӯм: последняя связана с деревней Кӯм, у которой по свидетельству ал-Мадāʾинī произошло сражение с войсками Дīвāстī и которая находилась в расстоянии фарсаха от замка.[6] Если это так, то делается понятным состав находок: это архив или походная канцелярия Дīвāстī, брошенные в разоренном замке после увода в плен его владельца. Для полной уверенности в этом необходимо, конечно, более детальное изучение рассказа ал-Мадāʾинī с учетом тех выводов, которые даст исследование всех найденных согдийских документов.

[1] Aṭ-Ṭабарī, II, 1453, 16 (Ибн ал-Aс̱īр, V, 86).

[2] Ал-Муḳаддасī (изд. De Goeje), 279, 5—6: و مايمرغ ... و بها كان مقام الاخشيد ملك سمرقند و ثمّ قصوره Ср. Barthold, Turkestan, 93.

[3] Aṭ-Ṭабарī, II, 1441, 7 (текст приведен выше).

[4] Абгар (нынешний район Чешме-Āб) находился на южном берегу Зеравшана к западу от Пенджикента, см. Barthold, Turkestan, 92, 93, 125. Он неоднократно упоминается в географическом словаре Йāḳӯта (изд. Wüstenfeld), I, 93, 11; 825, 15; II, 423, 21; III, 95, 4. У ал-Муḳаддасī 279, 8—10 его имя передается в форме اوفر.

[5] Aṭ-Ṭабарī, II, 1447, 3 прим. d. (Против этого говорит и то, что 1441, 7 речь идет о حصن, а 1447, 3 о قلعة).

[6] Id. II, 1447, 6: فتلقوه من القلعة على فرسخ فى قرية يقال لها كوم (Название Кӯм у aṭ-Ṭабарī встречается единственный раз только здесь).

IV. КОММЕНТАРИЙ К ТЕКСТУ

После выяснения роли действующих в документе лиц и их взаимоотношений, текст не потребует особенно длительных комментариев и позволит уточнить некоторые детали предшествующего изложения.

Начальная фраза, так наз. *басмала*, говорит о том, что Дīвāстī в этом письме заявляет себя мусульманином. Есть все данные связывать это обстоятельство с политикой ʿОмара II, который в начале своего халифата разослал в пограничные области представителям местных династий предложение принять ислам;[1] это предложение имело успех не только в Средней Азии, но и в Индии,[2] вероятно как политический или скорее дипломатический шаг. В частности и Гурек заявил о своем принятии ислама и воспользовался этим случаем, чтобы отправить посольство к ʿОмару с выражением своих миролюбивых настроений.[3] Характерно, что в том же самом году им было отправлено известное письмо китайскому императору совершенно другого тона по отношению к арабам. Это, конечно, говорит, что принятие им ислама было только показным дипломатическим актом. И через несколько лет мы слышим опять о проповеди ислама в том же Самарканде;[4] окончательная же исламизация Средней Азии произошла не раньше, как через сто с лишним лет после этого при халифе ал-Муʿтасыме (833—842 г.).[5] Несомненно, что и Дīвāстī был таким же мусульманином из дипломатии. В канцелярии для сношений с арабами у него был писец, с искусством владевший всеми формулами бюрократически-мусульманского стиля, которые он и располагал в нужном порядке. О его большом искусстве говорит маленькая деталь: в формуле, прославляющей Аллаха, говорится (4) «я восхваляю тебе Аллаха», тогда как в арабских деловых папирусах слова «тебе» нет;[6] это объясняется тем, что они в противоположность нашему документу адресованы представителям христианского населения.[7] У писца и в языке и в письме чувствуется большая уверенность. Некоторая кажущаяся неловкость конструкции в адресе (2—للأمير

[1] Ал-Белāзурī, 426, 14—15; T. W. Arnold. The Preaching of Islam.[2] London, 1913, 214; Gibb, op. cit., 55.

[2] Arnold, op. cit., 272.

[3] Gibb, op. cit., 55.

[4] Wellhausen, op. cit., 284.

[5] Arnold, op. cit., 214.

[6] См., например, Becker, Papyri I, 3—4; II, 3—4; III, 4—5 и др.

[7] В противоположность этому в письме, изданном Loth'ом, появляется слово «вам» (اليكم), так как оно писано мусульманками к мусульманкам (ZDMG. XXXIV, 1880, 688, табл. II, строка 4).

вм. более обычного إلى الأمير) находит себе подтверждение в арабских папирусах из Египта.[1] Титул «эмир», с которым трижды вводится обращение к правителю (2, 3, 16) и который несколько раз повторен в тексте, закреплен не только в арабских источниках, но даже и в упомянутом китайском письме, где речь идет об I-mi K'iu-ti-po (= эмир Ḳутейба).[2] Арабский язык документа, конечно, не дает никакого права заключать, что он в эту эпоху был повсеместно распространен в Хорасане, как административный. Наоборот, мы знаем со слов ал-Джахшийāрī (ум. в 942 г.), что только в 124 (742) г. он стал обязательным для арабского управления Хорасаном: до того вся администрация и счетоводство пользовались персидским (т. е. по всей вероятности пехлевийским) языком, причем писцы называются магами, т. е. не мусульманами иранского происхождения.[3]

Дīвāстī в письме называет себя скромно «мауля» эмира — словом, которое в данном контексте мы обыкновенно переводим неопределенным термином «клиент». Под этим словом (множ. мавāлиⁿ или ал-мавāлī, без определенного члена в научном употреблении часто тоже мавāлī) в истории халифата разумеются обыкновенно лица не арабского или не свободного происхождения, принятые в покровительство, как бы в клиентуру какого-нибудь арабского племени или отдельного лица.[4] Число их было очень значительно и с распространением арабского государства увеличивалось особенно в пограничных областях. Роль их в истории арабской культуры достаточно освещена, особенно работами I. Goldziher'a;[5] велико было их значение и в Средней Азии в эпоху арабского завоевания и несомнено, что от перехода их в тот или иной лагерь зависел успех или неуспех арабов. История взаимоотношения арабских племен в Хорасане, проанализированная Wellhausen'ом[6] свидетельствует об этом ярко, не менее ярко, чем те фактические данные, которые систематически подчеркнуты Gibb'ом.[7] О коли-

1 Чаще всего в обороте لاهل قرية. См. Becker, op. cit., V, 2–3; VI, 4.

2 Chavannes, op. cit.. 205, 292; ср. Бартольд, ЗВО, XVII, 0142.

3 Изд. H. Mžik, 64, 2 сн. — 65, 4: وكان اكثر كتاب خراسان اذ ذاك مجوس وكانت الحسبانات بالفارسية فكتب يوسف بن عمر وكان يتقلّد العراق فى سنة اربع وعشرين ومائة الى نصر بن سيار كتابا ... يأمره أن لا يستعين بأحد من أهل الشرك فى أعماله و كتابته وكان أول من نقل الكتابة من الفارسية الى العربية بخراسان اسحق بن طليق الكاتب

4 См. A. J. Wensinck в Enzyklopaedie des Islam, III, 486.

5 Muhammedanische Studien, I, Halle. 1889 (особенно 104 след.).

6 Das arabische Reich und sein Sturz, 247—305 (8. Kapitel: Die arabischen Stämme in Churâsan).

7 The arab Conquests, стр. 24—26, 40, 64, 65, 67, 69, 75, 90.

чественном значении их в арабских войсках здесь говорит между прочим такая деталь: под 96 (714—715) г. упоминается, что в хорасанском войске, состоявшем из 47 тысяч, было 7 тысяч мавāлӣ, т. е. почти столько же, сколько из каждого арабского племени.[1] Принимая во внимание их постоянную вражду между собой, можно легко допустить, что от присоединения мавāлӣ к той или иной племенной группировке зависело соотношение арабских сил в своем собственном лагере. Неудивительно поэтому, что наместник Ирака ʿОмар ибн Хубейра, сместивший Саʿӣда ал-Ḥарашӣ после разгрома им согдийских мавāлӣ и казни Дӣвāстӣ, убеждал нового правителя Муслима ибн Саʿӣда ал-Килāбӣ брать себе в помощники только тех, кто умеет жить в мире с «вашими мавāлӣ».[2] Титул сам по себе в этой обстановке не заключал ничего унизительного и, пользуясь им, Дӣвāстӣ только подчеркивал, что в данный момент он признавал себя в союзных отношениях с арабами. Надо вспомнить, что и Ḳутейба, провозглашая себя мстителем за кровь Ṭāрхӯна, называл его своим клиентом, находившимся под его защитой.[3]

Появление термина «почта» (ал-берӣд) в документе не представляет ничего необычного; как государственное учреждение, почта была известна с эпохи ранних омейядов[4] и ее организация в пограничных областях шла несомненно параллельно с продвижением арабов. В данном случае интересно только вспомнить те заботы о ее улучшении и укреплении, которые проявлял ʿОмар в письмах к упомянутому в документе Сулеймāну в Самарканд.[5] Это дает некоторые основания предполагать, что только около этого времени она окончательно была организована в Согдиане. Упоминание о почте в документе связано с отправкой сыновей Ṭархӯна и это еще раз ставит перед нами вопрос, какую роль они могли здесь играть. Судя по тону, отношение к ним скорее покровительственное и заботливое: в таком тоне речь не ведется о врагах адресата или корреспондента. Иначе и не могло быть, так как Ṭархӯн погиб союзником арабов.[6] С другой стороны, сообщение формулировано так, как будто бы дело касается малолетних, которых отправляют в сопровождении слуги; говорится об одной лошади, тогда как если бы требовалась отправка двух взрослых под стражей — вероятно было бы упомянуто несколько лошадей. Приблизительно около

[1] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1290, 20—1291, 5. Ср. Gibb, op. cit., 40.
[2] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1481, 7. Ср. Gibb, op. cit., 64.
[3] Idem II, 1249, 5 (под 93 г.): انا ناظر بدم طرخون كان مولاى وكان من اهل ذمتى
[4] См. R. Hartmann в Enzyklopaedie des Islām. I, 685—6.
[5] Аṭ-Табарӣ, II, 1364, 9—12.
[6] Ср. приведенные выше слова Ḳутейбы.

Государственная публичная историческая библиотека * Читальный зал

этого времени под 112 (730) г. у аṭ-Ṭабарӣ мы имеем очень характерное указание, дающее параллель к нашему документу и в лексическом отношении, из которого ясно, что одна почтовая лошадь служила для перевозки одного воина.[1] Так как Ṭархӯн кончил свои дни в 91 г. хиджры, то вполне возможно, что в 100 г. его сыновья могли быть в возрасте 10—11 лет.[2] В упоминании о них можно видеть естественное продолжение заботы о семье Ṭархӯна, мстителем за кровь которого Ḳутейба называл себя в 93 г.; возможно, конечно, что дело шло глубже и в арабских или арабофильских кругах было предположение выставить сыновей Ṭархӯна как продолжателей «законной» династии согдийских царей в противовес Гӯреку. Если арабам стало известно о сношениях Гӯрека с китайским императором, то это приобретает известную долю вероятия. Все это, конечно, не выходит за пределы гипотез, которые могут быть обоснованы или отвергнуты только после изучения всех документов, характеризующих роль Дӣвāштӣ.

Открытым остается и вопрос о том, было ли письмо отправлено по назначению и, если да, то почему оно осталось в архиве писавшего. Считать его копией или, говоря канцелярским языком, «отпуском» — затруднительно, так как детальный анализ его внешности (в главе VI) говорит о том, что оно к отправке было приготовлено. В виду кратковременности правления ал-Джаррāḥа можно было бы предполагать, что после написания письма до Дӣвāштӣ дошла весть о его смещении и письмо осталось в архиве. Может быть и на этот вопрос удастся ответить после дальнейшего изучения согдийских документов.

V. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Ряд деталей, связанных с открытым документом, в настоящий момент вряд ли может быть разрешен, однако общая историческая картина, в которую он входит, достаточно ясна.

Продвижение арабов в Среднюю Азию шло медленно и с большим напряжением. Здесь они встретились с едва ли не наиболее культурной из

[1] Аṭ-Ṭабарӣ, II, 1539, 7—8 (речь идет об отправке войск в Азербайджан): قال تبعثنى على اربعين دابّة من دوابّ البريد ثم تبعث الىّ كلّ يوم اربعين دابّة عليها اربعون رجلاً

[2] В некотором противоречии с этим стоят слова согдийцев, обращенные к нему при низложении (аṭ-Ṭабарӣ, II, 1229, 15): انت شيخ كبير. Однако, если даже допустить историчность его участия в событиях с Ḫатӯной, которые Gibb относит (Der Islām, XX, 197) ко времени Му'āвии (41—60/661—680), то и тогда предположение о малолетстве его детей не представляется невероятным.

всех завоеванных ими стран, подчинение которой требовало немало усилий и совершалось со значительными колебаниями.[1] Только в северной Африке, где арабы столкнулись с берберами, наблюдалась аналогичная картина. В эту эпоху в Средней Азии не было уже единого крупного согдийского государства; оно распалось на ряд более мелких владений с самостоятельными династиями, которые поддерживались родовой земельной и торговой аристократией.[2] Она играла большую роль, и пример Ṭарχӯна, смещенного своими приближенными, конечно, не был единственным.[3] Как и в прежнем согдийском государстве, основное значение имела торговля преимущественно с Китаем, и обеспечение торговых путей приобретало особенную важность. До сих пор это гарантировалось вассальной (часто номинальной) зависимостью от Китая. С продвижением арабов равновесие было нарушено, и стал ощущаться перелом, сознание которого с трудом проникало в местные господствующие классы, тем более, что и успехи не всегда шли ровной линией. В военном смысле Согдиана была подчинена после взятия Самарканда Кутейбой в 93 (711—712) г.[4] Считать это подчинение окончательным, конечно, никак нельзя:[5] к смерти Кутейбы в 96/715 г.[6] Согдиана оставалась еще в общем враждебной территорией, сдерживаемой крупными гарнизонами в Самарканде и Кеше, мелкими постами вплоть до Бухары.[7] Смерть Кутейбы через три года после взятия Самарканда приостановила завоевания почти на четверть века и даже вызвала обратное движение, в некоторых случаях вынуждавшее арабов к отступлению.[8] Вопрос о гегемонии над Средней Азией востока или запада — Китая или арабов опять казался нерешенным. Не могли его решить для себя и местные династии, продолжавшие свои колебания. По отношению к ним арабы в общем держались единой политики: в подчиненных областях они ставили своих правителей, которые распоряжались военной властью и финансами; национальные династии обыкновенно сохраняли свое существование и удерживали за собой гражданскую власть.[9] Арабо-

[1] W. Barthold. Zeitschrift für Assyriologie, XXVI, 1911, 262. Ср. Gibb. The Arab Conquests, 7.

[2] Ф. Розенберг. О согдийцах, ЗКВ, I, 1925, 84.

[3] Ср. Gibb, op. cit., 6.

[4] Caetani, op. cit., 1132, § 4.

[5] W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften (С.-Петербург, 1897), 3.

[6] Caetani, op. cit., 1174, § 4.

[7] Gibb, op. cit., 56.

Gibb, op. cit., 54.

Barthold, Turkestan, 186; Gibb, op. cit, 37, 56—57.

фильская партия согдийской аристократии чувствовала, что интересы страны в данный момент требуют не оппозиции арабам, результаты которой в связи с невозможностью получить реальную помощь от Китая едва ли были бы сомнительны, а попытки установить способ существования при арабах.[1] Местная арабская администрация не всегда выдерживала основную линию примирительной политики[2] и иногда толкала арабофильски настроенные в данный момент группы в сторону врагов. Если правление Тархӯна после признания им власти арабов было слишком кратковременным, то долголетнее царствование Гӯрека очень хорошо иллюстрирует эти колебания. Такой же неустойчивой оказалась и политика Дӣвāстӣ: признав в 100 г. власть арабов, он уже в 103 г. вынужден порвать с ними и гибнет. Наш документ живо и с бóльшим авторитетом, чем повествовательные источники, иллюстрирует всю обстановку сложной в истории Средней Азии эпохи через четыре года после смерти Ḳутейбы.

Однако, этим историческое значение найденного документа не исчерпывается. Он позволяет сделать еще один вывод, имеющий уже принципиально-методологическое значение.

Арабские источники для истории завоевания Средней Азии достаточно обильны;[3] для некоторых эпох ее их можно даже назвать богатыми.[4] Нельзя их считать и мало изученными. В этой области специально работали независимо друг от друга такие выдающиеся с совершенно различными подходами историки, как В. В. Бартольд и J. Wellhausen; эпохе завоевания посвящена специальная монография H. A. R. Gibb'a. Весь известный в настоящее время материал суммирован Caetani, как всегда в схематически удобной системе по годам. Всех этих исследователей (за исключением Caetani, дающего библиографический свод без комментария) объединяет одна черта: определенный скептицизм по отношению к историческим данным, сообщаемым арабскими источниками. В частности, как известно, сведения о завоевании Средней Азии в основном своде ат-Ṭабарӣ восходят почти исключительно к историку ал-Мадā'инӣ, который сохранил и все до сих пор обнаруженные упоминания о Дӣвāстӣ. Его рассказы, по оценке упомянутых исследователей, «более походят на произведения эпического народного творчества, чем на историческое повествование».[5] Для знакомых

[1] Gibb, ibid., 67.

[2] Gibb, ibid., 48.

[3] Gibb, op. cit., 11.

[4] После общего обзора их в капитальном труде В. Бартольда, они очень удачно классифицированы Gibb'ом, op. cit., 12—13.

[5] В. Бартольд, ЗВО, XVII, 0141.

с арабской письменностью вообще, конечно, совершенно ясно, что громадное большинство арабских исторических сочинений представляет результат известной литературной обработки, однако к фактам, сообщаемым в них, приходится подходить каждый раз с конкретным анализом. И в данном случае наш документ совершенно неожиданно заставляет подумать о некоторой реабилитации повествовательных источников, свидетельства которых он поддерживает и показывает в ином свете. В частности это касается сообщений ал-Мада'ини о Дивашти, которые даже в отдельных деталях блестяще оправдываются и говорят о большой точности арабских сведений. Достаточно отметить, что им приводится упоминание о согдийской форме имени Дивашти — Дивастич,[1] которую так ярко открывают теперь найденные согдийские документы. Достаточно отметить, что в названии деревни Кум, около которой произошло последнее сражение арабов с войсками Дивашти,[2] он сохранил нам современное название кишлака и речки Кум, при впадении которой в Зеравшан был найден архив Дивашти. Рассказы, связанные с последним, получают твердую опору, и таким образом документ заставляет отказаться от чрезмерно скептического отношения к повествовательным источникам, пересмотрев установившуюся, казалось, точку зрения.

В этом его методологическое значение для историка Средней Азии и для арабиста-историка. Однако он не менее важен и для арабиста-палеографа, для которого он тоже является памятником до сих пор единственным в своем реде. Анализом его с этой стороны заканчивается наша работа.

VI. МАТЕРИАЛ И ФОРМА ДОКУМЕНТА

Прежде чем говорить о материале нашего документа, необходимо заметить, что арабы писали на очень разнообразных материалах: папирусе, коже, пергаменте, тканях, кости, черепках, дереве и бумаге.[3] Каждый из них имел свои преимущества и недостатки; одни, как, например, папирус, легки, но хрупки, другие ломки (черепки), подвержены тлению (ткани), но главными врагами большинства из них были черви и огонь. Несмотря

[1] Ат-Табари, II, 1446, 12—13: و يقال ان ديواستى (ديواشنى изд.) دهقان اهل سمرقند واسمه ديواستج (ديواشنج изд.) فاعربوه ديواستى (ديواشنى изд.)

[2] Idem, II, 1447, 7.

[3] Общие сведения о материалах для письма у арабов можно найти в работах: M. Moritz. Arabische Schrift, Enzyklopaedie des Islām, I, 402—403; A. Grohmann. Allgemeine Einführung in die arabischen Papyri nebst Grundzügen der arabischen Diplomatik. Wien, 1924, 21—64 (цитируется в дальнейшем Allg. Einführung); id. Aperçu de papyrologie arabe. Le Caire, 1932 (Études de Papyrologie, I), с 9 таблицами (цитируется сокращенно Aperçu).

на такое разнообразие, до нас дошло чрезвычайно мало ранних памятников арабской письменности. Исключительную группу представляют папирусы из Египта, часто очень плохой сохранности, что искупается численностью и внутренними достоинствами. Этот материал служил египтянам со времени Среднего Царства. При завоевании Египта, арабы восприняли от греков обычай вести деловую и частную переписку на папирусе, и нередко встречаются тексты параллельные — на греческом и арабском языке, иногда с пометками на греческом и коптском языке. При сильно развитой арабской администрации и бюрократизме, канцелярский стиль был скоро выработан и регулярно соблюдался. Самый ранний папирус 22 (643) г. — квитанция за поставку натурой овец для войска арабского полководца ʿАбдаллāха ибн Джāбира.[1] Очень большая серия папирусов, чрезвычайно ценных для науки, вышла из канцелярии известного правителя Ḳурры ибн Шарīка, который вступил в должность в 90 (709) г.[2] Кроме содержания, эти документы важны тем, что имеют точные даты или датируются по историческим именам. В различных собраниях и библиотеках за границей (преимущественно Европы и Египта) арабские папирусы насчитываются тысячами и даже десятками тысяч; имеются они и у нас — в ИДКП, Эрмитаже и Москве.

Следующее место по численности, из ранее употреблявшихся материалов, занимают рукописи на пергаменте, к которым относятся и куфические кораны первых веков хиджры. Кроме материала, они сильно отличаются от скорописных почерков папирусов массивным куфическим шрифтом и отсутствием точной датировки. Документы на пергаменте известны, но в небольшом числе,[3] хотя целые канцелярии и области ими широко пользовались.[4] Ранние арабские письмена на тканях сохранились, но в сравнительно небольшом числе,[5] на кости и дереве — редки.[6]

Документы на коже еще более редки. Как материал для письма, кожа употреблялась в древнем Египте и Персии. Арабам она была известна уже

[1] Grohmann, Aperçu, 41 сл., т. IX.

[2] Его биографию см. у C. Becker. Papyri Schott-Reinhardt, I, Heidelberg, 1906, 17 сл.; A. Grohmann. Ḳurra b. Sharīk. Enzyklopaedie des Islām, II, 1240 с обстоятельной библиографией; кроме того см. H. Lammens. Un gouverneur omaiyade d'Égypte, BIE 1908 = Études sur le siècle des omayyades, 1930.

[3] Grohmann. Allg. Einführung, 57.

[4] Ibid., 56—57.

[5] Ibid., 59—60. Очень важна статья того же автора, Ṭirāz, Enzyklopaedie des Islām, IV, 850—858, с обширной библиографией. См. новые материалы в Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, II—IV, Le Caire, 1932—1933.

[6] Grohmann. Allg. Einführung, 60—63; id. Aperçu, 39, т. VIII.

в доисламскую эпоху, особенно со времени завоевания персами южной Аравии (570 г. н. э.), которые основали там ряд кожевенных заводов.[1] Делопроизводство сасанидской Персии велось на буйволовой, воловьей и бараньей коже.[2] Любопытно, что от недолгого пребывания персов при сасанидах в Египте остались пехлевийские документы на бараньей коже и монеты Хосроя II Парвеза,[3] того повелителя Персии, который из отвращения к запаху кожи приказал окрашивать шафраном и душить розовой водой документы, подававшиеся в налоговое управление.[4] Такой обычай существовал в Ираке некоторое время и при арабах.[5] О количестве документов на коже в первые века ислама мы можем судить по рассказу автора Китāб ал-Фихрист (кон. X в.), который видел у Муḥаммада ибн ал-Ḥусайна в Ḥадисе[6] ящик с рукописями и документами, около 300 фунтов весом, среди которых были «кожи и бумага из Хорасана».[7] Как видно из источников, писавшие не всегда были особенно разборчивы и брали куски от предметов обихода; например от кармана (халиф ʿАли), писали на туфлях (аз-Зухрī) и др.[8]

По подсчету A. Grohmann'a,[9] в настоящее время известны всего шесть арабских документов на коже; два из них 239 (854) г. находятся в Каире[10] и четыре в Берлине: один недатированный, один торговый договор из Нубии 285 (898) г., квитанция 302 (914—15 г.) и торговый договор 722 (1322) г. Найденный в Средней Азии, в долине Зеравшана, документ на коже заслуживает полного внимания, прежде всего, как образчик, редкий по материалу, а затем и по времени: он почти на 140 лет древнее самых ранних каирских документов.

Документ B — 12 написан на почти прямоугольном куске кожи (козы?) желтоватого цвета, 25×18.5 см.[11] Шестнадцать строк надписи располо-

[1] Grohmann. Allg. Einführung, 51, 4—5.

[2] Ibid., 53, 5.

[3] J. Karabacek. Führer durch die Ausstellung (Papyrus Erzherzog Rainer), Wien, 1894, 13—14, монеты № 66—68, документы № 69—60, т. III; цитируется дальше Führer.

[4] Grohmann. Allg. Einführung, 53, 6.

[5] Ibid., 53, 7.

[6] Ibid , 54, 3, 32, 11.

[7] Ibid., 54, 4.

[8] Ibid., 52—53; Moritz. Arabische Schrift, 402.

[9] Allg. Einführung, 54.

[10] Изображены у Moritz. Arabic Paleography. A Collection of Arabic Texts, publ. of the Khedivial Library. Cairo, 1905, т. 112—113 (цитируется сокращенно Moritz. Paleography.)

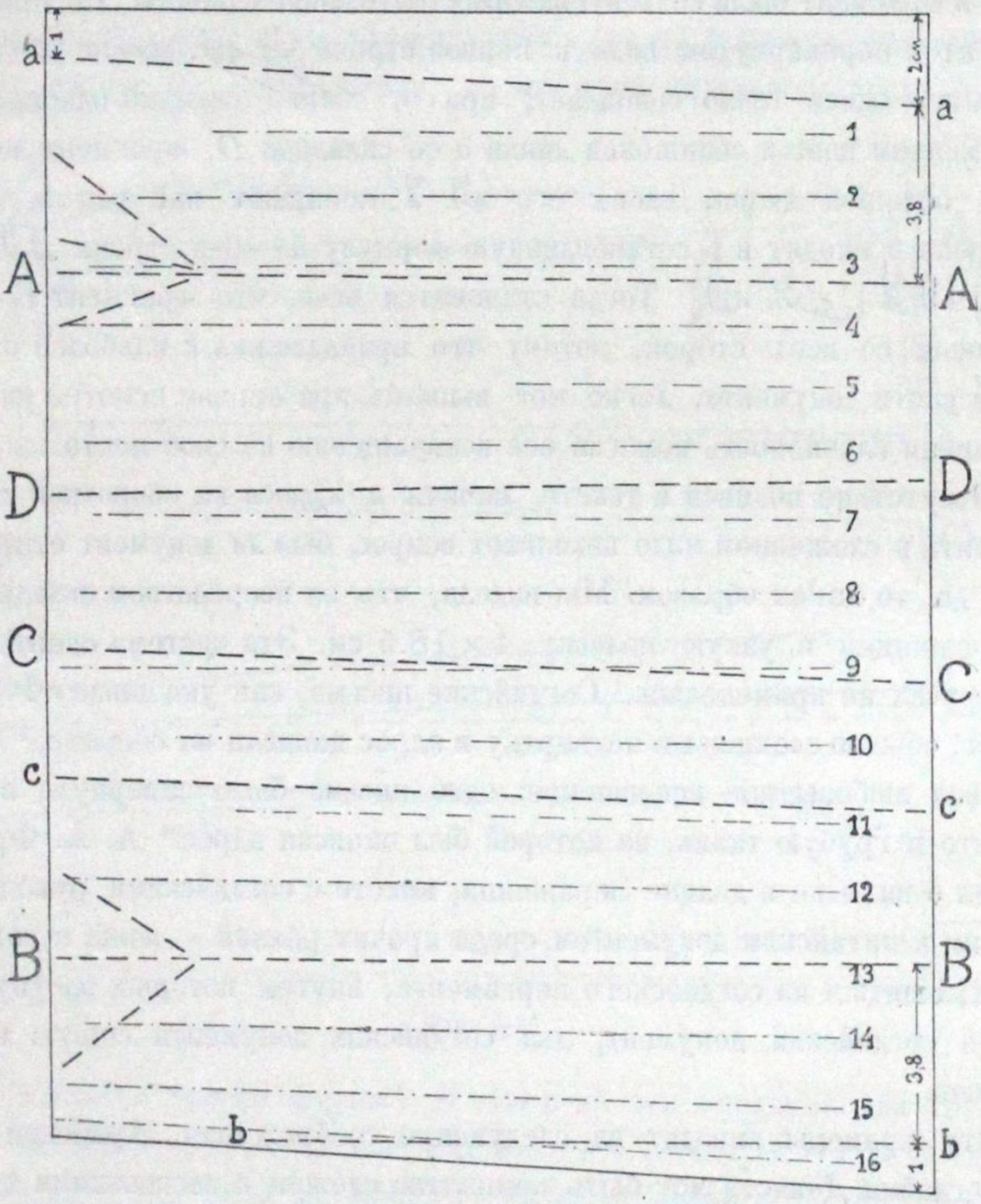
[11] Изучение внешнего вида документа произведено до его реставрации. Любопытно, что размер почти точно совпадает с одним из современных фотографических стандартов 18×24 см.

жены на волосистой (лицевой) поверхности, с которой шерсть тщательно удалена; кожа не лощеная, сухая, покоробленная, с мелкими бугорками и морщинками, сильно съедена червем; от растершейся краски или рук — черноватые пятна. Бархатисто-черная краска надписи похожа на китайскую тушь, кое-где отпечаталась (в складках) и немного стерлась. На мясистой (оборотной) стороне пепельно-сероватого цвета шероховатость не уничтожена, следов письма нет.

Документ был сложен. До присылки в Ленинград он был уже развернут, затем снова свернут; об его форме в свернутом виде можно судить по некоторым признакам. Основной признак — складки; они идут приблизительно параллельно строкам и узким краям куска, но не равны по ширине. Сверху, над верхней строкой пустой край был загнут неровно назад по линии $a — a$, у правого края — на 2, у левого — на 1 см (см. схематическое изображение, Фиг. 1). Следующий сгиб A вдоль 3-й строки на расстоянии 38 мм. от $a — a$, но в обратном направлении, приближает лицевую поверхность двух первых строк к 4—5-й строкам и сгиб $a — a$ к 6-й строке. Внизу документа край загнут по линии $b — b$ внутрь, к лицевой поверхности, у правого угла на 1 см и сходит на-нет левее середины, под словом السلم. Перегиб B у 13-й строки на расстоянии 38 мм от $b — b$; посредством него три нижних строки 14—16 ложились лицом к 12-й и 11-й. Сгиб $c — c$, выше 11-й строки, и C вдоль 9-й направляли последовательно кожу то в одну, то в другую сторону, причем строки 10 и 8 соприкасались, сгиб c 11-й лежал на 7-й строке, и туда же подходил перегиб b нижнего края. В этой стадии свертывания уже почти весь текст был прикрыт складками и перегибами (см. Фиг. 2). Последний перегиб D около 6-й строки превращал документ в узкую полоску шириной 4, длинной 18.5 см, причем последняя является максимальной шириной развернутой кожи. Строки 1—2 и 14—15 соприкасались, но мясистой поверхностью; перегиб около 6-й строки образовал с одной стороны глухой корешок D, а складки A, B, C лежали с противоположной, одна на другой. Впоследствии складка C сползла слева с края складок A и B, а левые уголки их загнулись (см. косые складки у левого края, Фиг. 1 и 3). Первоначально складки лежали ровнее и правильнее. Сейчас кожа скоробленa и омертвела, но в момент употребления она была свежее, мягче, эластичнее и походила на материал лайковых перчаток.

Правильность расположения складок можно проверить еще по второму признаку — дыркам кожи. На развернутом документе легко заметен симметричный контур дыры у левого края складки c, точно повторяю-

щийся слева на складке *a* и очень похожий на нижний край; в комплексе дыр в конце строк 6-й и 7-й можно уловить те же контуры. Еще нагляднее проверка той дырки, где приходился конец الر[حمن الر]حيم: она точно повторяется у верхнего края, между строками 4—7 и внизу около 14—

Фиг. 1.

16 строк. Оставшаяся здесь узенькая полосочка кожи по вертикальной оси документа при складывании четыре раза приходится на одном месте и не позволяет сомневаться в системе фальцовки; можно даже точно указать, с какой стороны подошел вредитель. Червь начинал разрушение с перегиба *D* и ел систематически все, что к нему прилегало изнутри, т. е. по складке *a*, *b* и *c*, оставив нетронутыми складки *A*, *B* и *C*.

При помощи системы складок и однообразия контуров дыр, мы можем установить, что фрагмент Б — 29, 2 × 3 см. со словами ⌜ـد⌝ ـلا ـلا принадлежит

тоже к исследуемому документу. Документ В — 12 был найден секретарем Крайкома т. Пулоти ранее, а фрагмент Б — 29 во время экспедиции Таджикистанской базы Академии Наук СССР, т. Воробьевым в развалинах того же замка Муг-Кал'а, в мусоре комнаты № 2; поэтому первоначально документ и фрагмент были сочтены за самостоятельные единицы. Но, приложив фрагмент в перевернутом виде к первой строке الر الله, можно убедиться, что контур здесь точно совпадает; при отгибании складки одновременно с фрагментом вниз и сближении линии *a* со складкой *D*, фрагмент ложится внутрь большой дыры, слова его لا اله попадают как раз в уровень 5-й строки и входят в восстановленную формулу 4—5-й строки احمد الیک [الا هو] لا اله [الله الذی]. Тогда становится ясно, что фрагмент Б — 29, выеденный со всех сторон, потому что принадлежал к наиболее пострадавшей части документа, легко мог выпасть при первом осмотре находки. Счастливая случайность помогла его возвращению на свое место.

Отсутствие подписи в тексте, печати и адреса на оборотной стороне документа в сложенном виде вызывает вопрос, был ли документ отправлен, и если да, то каким образом. Мы видели, что он посредством складывания был превращен в узкую полоску 4×18.5 см. Эта система свертывания в папирусах не применялась.[1] Согдийские письма, как указывает Ф. А. Розенберг, обычно сложены в четвертку и адрес написан на обороте;[2] однако он привел любопытное исключение: одно письмо было завернуто в шелк и зашито в грубую ткань, на которой был написан адрес.[3] А. А. Фрейман сообщил о находке в долине Зеравшана, вместе с согдийскими рукописями, арабским и китайским документом, среди прочих реалий — ножа в кожаных ножнах, сшитых из согдийского пергамента, внутри которых засунут сложенный согдийский документ; два согдийских документа сшиты в виде мешочков.

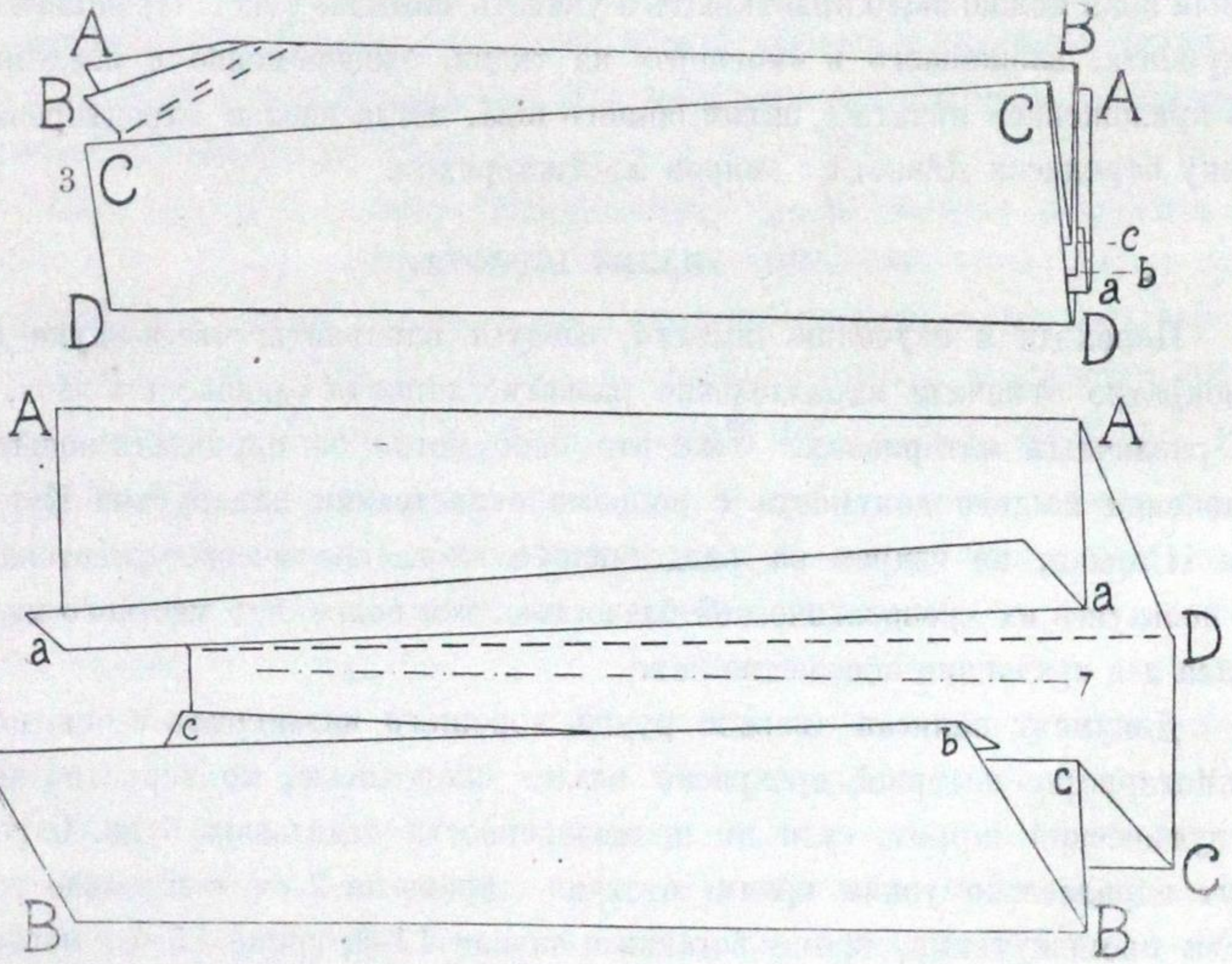
Эти примеры наводят на следующие соображения. Арабский документ согдийца Дīвāстī мог быть компактно сложен с несколькими целями: ради предохранения от порчи, портативности и конспирации. Простейшее средство было складывание текстом внутрь. Узкий формат позволял удобно спрятать документ при пересылке, например в поясе, а может быть, подобно согдийскому пергаменту — в ножнах. Но все же при этом способе документ остается легко доступным посредством развертывания, без адреса

1 См. схему складывания и свертывания папирусов у Karabacek, Führer. 145, a–g; перепечатана у Grohmann. Allg. Einführung, 76, фиг. 4.

2 Согдийские старые письма, Изв. Академии Наук СССР, 1932, № 5, 457.

3 Ibid., 447, письмо II.

и печати, в то время как мы знаем, что согдийские письма и арабские папирусы имели адрес. Тут напрашивается соблазнительный пример своеобразного согдийского «конверта» из ткани. Отсутствие его при нашем документе легко понятно: при получении (если документ был отправлен), адресат должен был вскрыть матерчатую оболочку и снять ее. Во всяком случае документ был прошит; вдоль правого края идут последовательные проколы, которые видны на изображении, но на трех остальных краях их нет.

Фиг. 2-3.

Почему проколы только справа? В ответ на это возможны два предположения. Во-первых, проколы могли не зависеть от документа, если в данном случае была взята кожа не новая, а бывшая ранее в употреблении.[1] Но могло быть и другое: документ был прошит умышленно, в сложенном виде, чтобы воспрепятствовать развертыванию, а для контроля на конце нити могла быть печать. Это предположение имеет тем более оснований, что некоторые дырочки на смежных складках несомненно совпадают, например, по обе стороны *c* две дырочки приходятся одна над другой и кроме того над третьей против 7-й строки, где лежала складка *c*; точно так же совпадают дырочки по обе стороны *C*; на равном расстоянии лежат по три дырочки

[1] См. ранние аналогии выше и Grohmann. Allg. Einführung, 52—53.

между a — A и b — B. Всех дырочек проконтролировать не удалось, так как кожа скороблена настолько, что края складок теперь точно не сходятся. На одном из согдийских писем отправителя Дīвāстī, писанном на китайской бумаге, уцелела привешенная миниатюрная печать из глины с изображением верблюда, на другом — с головой в профиль. Если при арабском документе находилась печать, то она была такого же вида. Но прошивка документа только с одной стороны, с нашей точки зрения, не достаточна: левый край можно было приоткрыть и увидеть частично текст. Прошивка же документа, вложенного в «конверт» из ткани, одновременно с последним и с приложением печати к нитям общего шва, могла вполне гарантировать тайну переписки Дīвāстī с эмиром ал-Джаррāḥом.

VII. АНАЛИЗ ШРИФТА

Переходя к изучению шрифта, следует напомнить, что в науке неоднократно отмечали параллельное развитие шрифта одинаковых эпох, но на различных материалах.[1] Уже это одно могло бы оправдать попытку сравнения нашего документа с ранними египетскими папирусами Ḳурры ибн Шарīка, не взирая на разделяющее их географическое расстояние, но пользуясь их хронологической близостью, тем более, что местного материала для сравнения абсолютно нет.

Документ написан твердой рукой хорошего каллиграфа и опытного канцеляриста, который прекрасно владел скорописью, но вероятно знал и куфический шрифт, судя по прямолинейности отдельных букв. Строки идут параллельно узким краям, отступя справа на 2 см, с довольно ровными промежутками, кроме вставки в начале 11-й; конце 15-й и последней строки, где по недостатку места интервал уже. Низкие буквы равны одной трети или половине высоких; последние занимают в среднем половину междустрочного пространства. Штрихи довольно жирные, сравнительно широким ḳаламом, легкое раздвоение которого заметно в начале некоторых из них. Толщина линий не изменяется сильно, но, начиная с 12-й строки, почерк небрежнее, теснее, а кроме того мельче и совсем мелкий внизу и в вставке над 11-й строкой. Писец плавно и мягко закругляет изгибы букв и лигатур, свободно ведет горизонтальные линии и окончания, придает изящную форму конечным буквам. Почерк предста-

[1] Grohmann. Allg. Einführung, 65 сл. Ср. Bergsträsser. Zur älteren Geschichte der arabischen Schrift. Zwei altarabische Grabsteine im Leipziger Kulturmuseum, Zeitschr. des Deutschen Vereines für Buchwesen und Schrifttum, № 5—6, Mai—Juni 1919, 49—50 (цитируется сокращенно Bergsträsser, op. cit.); Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР, Труды МУП, III, Лгр., 1929, 73—74 и др.

вляет собою скоропись, в которой доминирует дугообразное соединение букв. Несмотря на расстояние и разницу материала, в нем много сходства с папирусами конца I в. х., но вместе с тем много индивидуальных отличий.

Как известно, J. Karabacek и C. H. Becker указывали на сходство почерка египетских папирусов с «мекканским», северно-арабским шрифтом. Основным признаком его Karabacek считал изгиб ствола *алифа* направо, наклон *та* и *алифа* направо и начального *лама*, после *алифа* — налево.[1] По наблюдениям Grohmann'a, этот общий характер почерков остается в I в. х.,[2] но в первой половине II в. х. шрифт папирусов начинает приобретать бо́льшую округлость.[3]

Если исходить от этого определения, почерк нашего документа не может быть назван «мекканским». Низкие и высокие буквы имеют преимущественно легкий наклон налево, хотя несколько букв остались вертикальными. *Алиф* и *лам* не падают в разные стороны, а остаются почти взаимно параллельны (см. الجراح 2, السلم 3, 10, اليک 4, الله 9, 15, 16, البريد 13). *Алиф*, к которому мы вернемся при детальном анализе алфавита, — наиболее часто встречающаяся буква — имеет много вариантов, но для документа остается типичным слегка извилистый ствол, с изгибом конца налево, т. е. как раз обратно «мекканскому» типу и кӯфӣ коранов.[4] Стволы *та* ﻁ не имеют наклона, а совершенно прямые. Своеобразна также группировка букв в отдельные слова. Почерка ранних папирусов очень разгонисты; после каждой лигатуры оставляли очень большой пробел и особенно далеко — начальный *алиф*; читающий часто должен колебаться, куда отнести букву или буквы — направо к предыдущему или налево к последующему слову;[5] в словах без лигатур получалась своеобразная «разрядка»,[6] которой отличались также ранние куфические кораны.[7] В документе буквы почти везде объединены в отчетливые группы. Это отлично видно, например, на строках 3, 8—10. Отдельный *алиф* только изредка отходит заметно от последующего слова (احمد 4, الراى 10, الامير 14);

[1] J. Karabacek. Julius Euting's sinaïtischen Inschriften, WZKM, V, 1891, 322—325; id., Führer, 149, № 592; Becker, op. cit., 25; Grohmann. Allg. Einführung, 67, 6—8.

[2] Grohmann. Allg. Einführung, 68.

[3] Ibid., 69.

[4] Ср. Bergsträsser, op. cit., 54—55; В. А. Крачковская, op. cit., 14, 2, 21—22, 1, 40.

[5] Ср. Becker, op. cit., 27: «Die Schrift ist fast bis zur Karrikatur auseinandergezogen». См. т. № I A, 6 من الزمن, 13 فالاول № IV, 15—20 и др.

[6] Ibid., № III B, 27—28 أرا | دت.

[7] См. Шебунин, Куфический Коран СПб. Публичной библиотеки, ЗВО, VI, 1892, т. VII; Крачковская, op. cit., 80.

наоборот, в ряде слов расстояние до следующей буквы не превышает ширины нормальной лигатуры (اليد 4, الله 9, البريد 13 и др.). Таким образом, для почерка документа характерна 1) четкая группировка букв, без преувеличенной разрядки, 2) общий легкий наклон налево и 3) загиб налево конца извилистого *алифа*.

Как и на других ранних памятниках арабской письменности, переносы слов свободные: переносили любое число букв, вплоть до одной в начале и на конце слова, избегая лишь нарушения лигатуры.[1] Здесь имеется перенос со 2-й на 3-ю строку в имени ديوا | ستى и с 8-й на 9-ю مير | الا. Экономия места не входила в соображения писца. Начальная формула при сильно растянутых лигатурах в بسم и الرحمن оставляет в конце 1-й строки незаполненное пространство. На 3-й строке в عليل и 4-й رحمت очень растянутые настрочные окончания; левая половина 5-й пустая; начиная с 6-й до конца в тексте нет больших пробелов, но растянутые буквы есть (*бā* 12, *тā* 11, 13, 15) и несколько лигатур.[2] Излишний расход места сказался внизу документа, но распределение вверху не случайно. Начальной формуле очень часто отводили отдельную строку, как можно убедиться на папирусах[3] и ранних лапидарных текстах.[4] Наименование получателя и отправителя (2—3) сопровождалось приветствием, которое часто заметно отделялось от деловой части письма или документа.[5] Если принять во внимание, что начальные и заключительные формулы и приветствия находят себе тоже аналогии в ряде папирусов,[6] то надо признать, что форма документа соответствует известным западным образцам и была общепринятой в данную эпоху.

Как все ранние тексты, документ написан без огласовки, но с частичной пунктуацией. Из приблизительно 95 слов установленного текста она применена только в 10 словах, где надо было гарантировать правильное чтение ответственных мест или где писец особенно старался блеснуть каллиграфией (بسم 1), избежать искажения формулы с именем Аллаха (رحمت 16). Благодаря этому удачному обстоятельству читаются с полной уверенностью три из четырех исторических имен документа (ديواستى 2—3,

1 См. Becker, op. cit., 27, № I B, 20—21, امرا | ك; № IV, 3—4 ا | هذ; № I B 30—31 لاول | ا и др.; Крачковская, op. cit., 119.

2 Растягивание широко было в ходу в лапидарном и коранической кӯфӣ. См. Шебунин, op. cit. т. IX; Крачковская, op. cit., 73, 78—79.

3 См. Becker, op. cit., № I A, 1; № II A, 1; № V, 1; № VI, 2; № VIII, 1; № X, 1; Loth, op. cit., I—II; Grohmann. Aperçu, рис. к стр. 32, 3; 50, 4 и др.

4 Крачковская, op. cit. 114, 1.

5 Becker, op. cit., № III A, 5; № X, 3—4; Loth, op. cit., II, 3—4.

6 См. выше, гл. II.

سليمن 11) и некоторые существенные для дела выражения ابنى طرخون 8, الراى 10, فليفعل 12, حاجتى 10). Из букв пунктированы: ف, ت, ة, ب, ن, ة, ي.[1] Точки крупные, с большим нажимом вкось, слева направо; из двойных расположены наискось точки под средним *йā*, верхняя левее, нижняя правее; над *тā* левая ниже правой; под конечным *йā* — почти на одном уровне.[2] Любопытно, что *фā* пунктировано сверху, а не снизу, по магрибинской системе, которой в большинстве случаев держались и папирусы, хотя есть и исключения.[3]

Переходя к детальному анализу алфавита в порядке, который был принят нами при издании арабских надгробий,[4] мы должны вернуться к *алифу*, о котором была речь выше. Начальный, несоединенный *алиф* встречается 32 раза. За одним исключением, все окончания у строки загнуты налево. Варианты стволов сводятся к двум типам: 1) слегка выгнутый с отклонением вершины направо (например ايها 3, احمد 4) и 2) без отклонения (например الامير 3, 12, امتع 9, الا 8, ان 8). Хотя для папирусов изгиб внизу направо особенно характерен, исключения тоже не редки. Можно найти не только поворот кончика внизу налево,[5] но и отклонение вершины направо.[6] Эта тенденция появляется уже на самом раннем надгробии 31 (652) г.[7] и отмечена Moritz'ом в набатейском шрифте, лапидарном и на папирусах.[8] Для второго типа есть тоже аналогии.[9] Основная разница начальных *алифов* документа от западных параллелей в том, что принятая форма устойчивее и проводится систематически. Особняком стоит *алиф* в конце 2-й строки ديوا, с окончанием направо, по типу кораничеcкого начального *алифа*.[10]

1 Ср. Becker, op. cit. 27: «Die diakritischen Punkte sind sämtlich ausgebildet, kommen aber nur beschränkt und zwar regellos in Anwendung».

2 Пунктуацию папирусов подробно рассматривает Grohmann. Allg. Einführung, 70, 10. Moritz'y, Arabische Schrift, 401, была еще неизвестна пунктуация ن и ى.

3 Кроме отмеченных у Becker, op. cit., 21, 25 и у Grohmann, Allg. Einführung, 71, 1, 4, можно указать в цитированном этими авторами № V гейдельбергского собрания конечное *фā* ذصف 5 с точкой над концом буквы.

4 Крачковская, op. cit., 9—10.

5 Ср. для примера اليك 4 с Moritz, Paleography, т. 101, 5, القعدة 2; Loth, op. cit., II — многократно; Becker, op. cit, № I A, 2 الى, 3 احمد, 4 الذى и др.; № I B, 19 امير и др.; № IX, 2 فارسلوا, 3 الطعام.

6 Особенно четко Becker, op. cit., № X, 8 اقام, № I B, 25 الله.

7 См. Hassan Mohammed el-Hawary. The Most Ancient Islamic Monument Known dated A. H. 31... JRAS, April 1930, т. III; H. Hawary et H. Rached. Stèles funéraires. Catalogue général du Musée Arabe du Caire, I, Le Caire, 1932, т. I, 1.

8 Arabische Schrift, т. I.

9 Moritz, op. cit., т. II—многократно; Becker, op. cit., № VI, 2 الله, 4 اشفوه.

10 Ср. Шебунин, op. cit., т. VIII; Moritz, Paleography, т. 105, 2; Becker, op. cit., № VI, 6 احدى и др. С наклоном направо Moritz. Arabische Schrift, т. I, набат., лапид. 3, нумизм.

Конечный *алиф* трех типов. 1) Прямой с острым подстрочным концом, отдельным штрихом сверху вниз[1] (ايها 3, عليها 13, بهما 13) и значительным наклоном налево.[2] Вариант этого типа — соединение лигатуры от предшествующей буквы с вершиной, причем линии вверх и вниз иногда совпадают, иногда образовалась «петля».[3] 2) Прямой с тупым концом внизу (حاجة 8, يامر 12, يات 13);[4] вариант — без подстрочного конца (فان 14), но самостоятельным штрихом,[5] отличается от конечного *алифа* штрихом снизу вверх, типа насхи.[6] 3) Типа начальных *алифов*, с подстрочным кончиком налево (فانى 4, 7, حاجتى 8, فان 10, فابعث 13, غياث 15).

ل Начальный *лям* и средний, кроме нормальной лигатуры с последующей и предшествующей буквой, ничем существенным от *алифа* не отличается, сохраняя параллельную ему форму извилистого корпуса (للامير 2, السلم 3, اليك 3, الله 9 и др.). В лигатуре с *джимом* (الجراح 2) он настолько низкий, что может быть смешан с *ба* (بخير 6).[7] В لى 12, السرى 11 и части средних (السلم 3, 16)[8] скоропись чувствуется особенно сильно. Конечный *лам* с длинным окончанием под строкой, тоже с наклоном налево (فليفعل 12, لاهل 14, اسل 16).[9]

لا *Лям-алиф* встречается трех типов: 1) непрерывно одним штрихом слева направо вниз и после петли — направо вверх (مولاه 2, الا 8), 2) — двумя отдельными штрихами. Первый известен в протоарабской надписи в Немаре IV в., надписях и папирусах I в. х.[10] Второй тип на папирусах тоже известен,[11] но индивидуальность писца среднеазиатского документа выражается в *алифе*, который, перечеркивая *лям* вкось, не загибается внизу навстречу его характерному крючку, а остается прямым (الامير 12)[12]

4—5, папир. 1; Крачковская, op. cit., 21, 22, 1. В документе 143 г. х. этот тип доминирует; см. Ҳифни Наҫыф, تاريخ الادب لحفنى بك ناصف фиг. стр. 112; ср. Grohmann. Allg. Einführung, 69 «Schrägschrift».

1 Ср. Bergsträsser, op. cit., 54—55.

2 См. Becker, op. cit., № III D, 68 بقاء, 34 القبّالين, لتكتال; № II B, 27 با; Moritz. Arabische Schrift, т. II, 5 كتابه, т. III, 9 بالذى и др.

3 Bergsträsser, op. cit., 55: «Schleife». Ср. Moritz. Arabische Schrift, т. II, 5 عماله; Loth, op. cit., II, 10. В документе не встречается.

4 Ср. Moritz, Paleography, т. 102 داسا; Becker, op. cit. № V, 6 إردبّا, 4 ثمان.

5 Ср. Becker, op. cit., № I A, 14 ما, 11 فيما.

6 Becker, op. cit., № VIII, 5 ما; № I A, 13 مما; № XVII, 4 العمال.

7 Ср. Крачковская, op. cit., 12, 23, 3.

8 Ср. Becker, op. cit., № II B, 40, № III E, 87, № IV, 17.

9 Ср. с лигатурой لى в папирусах; см. Becker, op. cit., № VIII b, 5.

10 См. Moritz. Arabische Schrift, т. I; ср. Bergsträsser, op. cit., 64—65; Hawary, JRAS, 1930, т. III, 31 (652) г., т. IV c, 81 (700) г.; Hawary—Rached, Stèles, т. I, 1.

11 См. Moritz, l. c. Papyri, 4—5; Becker, op. cit., № III B, 35; № I A, 13.

12 Ср. Becker, ib., № III A, 18.

или загибается немного налево (للامير 2, الامير 3, 10).[1] 3) В غلامى 13 *лām* написан косо, снизу вверх, непосредственно из лигатуры с ـغ.

ب Буквы группы *бā*, начальные и средние типа насхӣ, то выше, то ниже, с уклоном налево, частью с короткими дугообразными лигатурами (например للامير 2, ايها 3, اليک 3, امتع 9), частью с длинными (الا | مير 8—9, 10, عبد 2; ср. особенно разницу в начале 8-й и 9-й строки). Как исключение, начальное *бā* بسم по высоте мало отличается от начального *лāма* (ср. с للامير 2, 8), что зависит от особенно выделявшейся начальной формулы «*Басмала*»;[2] на египетских папирусах оно не выделено или незначительно выше прочих.[3] Для конечных соединенных, там, где шрифт тщателен, типичен намеренно очень растянутый на строке горизонтальный конец, как в папирусах[4] (رحمت 4, فيبعث 11, فابعث 13), но в скорописи он приобретает более нормальную форму насхӣ, короче, в виде растянутой дуги (رحمت 16). Несоединенные конечные тоже растянуты, но меньше, вернее всего случайно, так как приходятся у левого края и в более тесных строках (دواب 12,[5] غيات 15, يات 13);[6] переход короткого ствола в горизонталь округлен больше, чем на папирусах.[7]

ح По угловатости, группа *хā* в документе больше всех остальных приближается к кӯфӣ; в трех случаях геометрически правильный угол лежит на горизонтали (узкий и длинный احمد 4, короче и больше حاجة حا[8] и جنى 8). Чуть заметен подстрочный кончик косого штриха в طرخون 9 — рудимент протоарабской формы.[9] В остальных курсивность выражается легким выгибом, преимущественно в соединении с последующей буквой, но بخير 9 — и в наклонной части.[10] Конечная форма с опущенным вниз концом (الجراح 2) аналогична папирусам.[11]

د Тщательно написанные, закругленные *дāль-зāль*, с загибом вершины направо, не отличаются от обычных для папирусов форм[12] (см. ديوا 2,

[1] Ср. Ҳифнӣ Нāṣыф, op. cit., рис. 21, 1, 4, 5; положение и форма *лāма* сходны (при более вытянутом шрифте), *алиф* идет вниз и направо.

[2] См. Bergsträsser, op. cit., 55, 6.

[3] Becker, op. cit., № II A, 1; № VI A, 2; № X, 1.

[4] Becker, op. cit., № I A, 5—7, 13; № I B, 24, 27; № III A, 7, 40; № III E, 83, 88; № V, 2 и др.

[5] Ср. Becker, op. cit., № XIII, 4 دواب.

[6] Ср. Becker, op. cit., № III C, 46.

[7] Ср. Becker, op. cit., № I A, 7; № II B, 24, 38; Шебунин, op. cit., VIII, 1.

[8] Ср. Moritz, Paleography, т. 105, 1 احدى.

[9] Moritz. Arabische Schrift, т. I. Zebed. Ясно виден в цитированном надгробии 31 г. х., Hawary—Rached, т. I 1, 7 احدى.

[10] Ср. Moritz, Paleography, т. 104, 11.

[11] Ср. Moritz, Arabische Schrift, т. I, Papyri, 1.

[12] См. Moritz, Arabische Schrift. Papyri, 6; Becker, op. cit., № I, № II, № V и др.

ذكر 9,[1] بدابة 12),[2] но горизонтальный штрих на строке почти не чувствуется (наиболее البريد 13). Рядом встречаются мало или совсем не загругленные, почти как конечное *pā*, но начинаются выше (عبد 2, احمد 4).

ر *Pā* дугообразны, причем отдельные (را, 10, رحمة 15, رحمت 16) лежат выше, конечные по большинству круглее и ниже, варируют от малой дуги (الجراح 2) до двух третей окружности (الامير 10, 14).[3]

س По разнообразию начертания, *сӣн* в нашем документе принадлежит к интереснейшим буквам. От строго-куфической формы с треугольными зубцами на горизонтали (بسم 1,[4] мельче и небрежнее سليمن 11) он проходит через нормальный тип насх̣ӣ, но при большей компактности шрифта — сжатее, чем в папирусах (السلم 3)[5] и до превращения в сплошную черту: в ديوا | ستى 3 толстая буква еще отделена от следующего *тā* лигатурой, но в اسل 16[6] и السلم 16 уже сплошная лигатура с *лāмами*.[7]

ط *Тā*, четкий и прямой, как вертикальный конечный *алиф* حاجة 8 и فان 14, написан одним штрихом сверху вниз, от строки направо, образуя петлю и обратно. Этот способ, отличающийся от позднейшего — двумя штрихами,— установил C. Becker в папирусах, но необходимо внести две оговорки. 1) В папирусах высокий ствол обычно наклонен направо,[8] хотя на таблице Moritz'a из шести образцов последний вертикальный.[9] 2) Loth отметил подстрочное продолжение отдельных *т̣ā*,[10] что достигалось, повидимому, двумя штрихами.

ع Начальные *'айны* дают ряд вариантов, разница которых в высоте, радиусе дуги и длине горизонтальной части: выше, шире, короче (عبد 2), ближе к кораническому *кӯфӣ* (عليك 3, عليها 13),[11] с короткой горизонталью (غياث 15) и сведением ее до минимума, вероятно по недостатку места (غلامى 13).[12] Средние *'айны*, подобно папирусам, закрытые; асимметрия

[1] Ср. Moritz, Paleography, т. 102 بعد.

[2] Ср. قدم с Becker, op. cit., № VIII, 2.

[3] Ср. Becker, op. cit., № VI, 8, 10.

[4] См. Шебунин, op. cit., т. VIII, 2, 4 и др.; он же, ЗВО, XIV, т. II, 7, 1. Ср. Bergsträsser, op. cit. 58, 3; Becker, op. cit., № V, 7; № 3 E, 90; № X, 1.

[5] Ср. Becker, № I B, 22; № II A, 1, 3, 8; № II B, 33 и др.

[6] Ср. переходную форму Becker, op. cit., № I B, 31 تسعين, 30 شهر; № VIII, 9 تسعين и др.

[7] Ibid., № II B, 40; № VI, 5—6 سنة; Moritz. Paleography, т. 104, 2.

[8] См. Karabacek, Julius Euting's sinaïtischen Inschriften, 324; Becker, op., cit. 25 сл. Grohmann. Allg. Einführung, 67.

[9] Arabische Schrift, т. I; ср. Moritz, Paleography, т. 106, 4—5 (112 г. х.).

[10] Op. cit., 689, т. II. Ср. Moritz, Arabische Schrift, 5—4.

[11] Ср. Шебунин, ЗВО, VI, т. VIII.

[12] См. Крачковская, op. cit., 30, 1.

углов заметна, но не резко (فليفعل 12),[1] зато в конечном *'айне* левая сторона короче правой (امتع 9). Наибольшее отступление от шрифта папирусов в подстрочном окончании направо,[2] подобно конечным *йā*[3] (امتع 9, 6), тогда как в папирусах вниз прямо или растянутой дугой.

ف Начальный и средний *фā* — *кāф* (فانى 4, 7, فان 10, 14, فيبعث 11, فليفعل 12, فابعث 13) характерны закругленностью,[4] но с заплывшей точкой внутри (видна только в قدم 14). Главнейший интерес представляет употребление пунктуации одной точкой над буквой ف,[5] благодаря чему шрифт документа резко обособляется от магрибинской системы (*фā* — точкой под, *кāф* — над петлей).

ك Разница между *кāф* и *дāль* настолько большая, что смешивать их в документе, как иногда в кӯфи,[6] нельзя. Корпус гибок, растянут, повороты скруглены (ذكر 9,[7] عليك 3, اليك 4)[8] и у конечных очень растянуто настрочное окончание, кроме عليك 16, где ствол вертикален и был, вероятно, очень короткий конец.[9]

م Овальные начальный и средний *мīм* загруглены снизу, заострены вверху, варьируют по ширине, поставлены вкось (наклон налево), часто сжаты; внутренняя точка видна редко (см. للامير 2). Любопытны конечные: тупой верх петли بسم 1, крупные каплевидные петли الرحيم 1 и السلم 3 (ср. также السلم 16), которые непринужденно выливаются от предшествующих *йā* и *лāма*. Красивые и смелые подстрочные окончания вниз и с уклоном направо — гораздо изящнее, чем на папирусах, где длинный конец прямо вниз изредка встречается, но без загиба направо.[10] Особняком стоит *мīм*(?) قدم 14, с очень коротким кончиком вниз налево;[11] хотя он и отступает от предыдущих, но возможен, точка же над ним слева загадочна.

[1] Крачковская, ibid., 25, 30, 5.

[2] См. Becker, op. cit., № I B, 23, 30; № II B, 20, 43; № X, 9 и др.; Moritz. Paleography, т. 101—105. Ср. Шебунин, op. cit., т. VIII, 10.

[3] Крачковская, op. cit., 18 في и др., 47, 3, 53, т. VIII, 16, т. III, 2; Moritz. Arabische Schrift, 1—2; Moritz, Paleography, т. 114 (264 г. х.).

[4] Ср. Becker, op. cit., № IV, 10, 16.

[5] См. выше.

[6] См. Крачковская, op. cit., 15, 2, 23 и др. Шебунин, op. cit., т. VIII, 4, 12.

[7] Ср. Moritz, Paleography, т. 105, 5, 11.

[8] Moritz, ibid., т. 105, 4.

[9] См. выше, гл. II, комментарий к 16-й строке.

[10] См. Becker, op. cit. № I A, 17, 18; № IV, 8 — уклон налево; № II A, 1, 22; № II B, 32; № III A, 8, 16; № III B, 45 и др.—короткий, обрубленный; № IX, 3-4 — прямо вниз.

[11] Ср. Moritz, Arabische Schrift, т. I, 1, 4.

ن *Нӯн* богат вариантами. Начальный, в лигатуре с последующим конечным *йā* изображен небольшим штрихом вверху, справа налево (فانى 4, 7); также мало заметен и в среднем положении (ابنى 9), где его можно легко пропустить, но он установлен точно, благодаря пунктуации и четкости предшествующей аналогичной группы (ابنى 8). Из конечных необычна форма 2-й строки بن, чтение которой было бы безнадежно, не прийдись она в кунье, притом точно подтверждаемой источниками.[1] Начальное *бā* выедено,[2] конец *нӯна* имеет вид косого штриха слева направо. Becker нашел в папирусах лигатуры بن, похожие на арабскую цифру ٢, читавшиеся как بر в надписи Зебеда.[3] Мы имеем аналогичную форму, но поставленную совсем вкось. Отметим далее миниатюрный *нӯн*, толстый и открытый налево (بن над 11), опущенный вниз, как в кораническом кӯфӣ (سليمن над 11)[4] и маленький, с плоской дугой, похожий на *рā* (من 10). Прочие с *рā* смешаны быть не могут, отличаются величиной, длиной правильной дуги, приближающейся к полукругу (средней величины ان 8, من 2, 12; большие طرخون 8—9),[5] некоторые очень похожи на конечное *йā* (ср. من 12 с غلامى 13); сильная округлость дуги отличает их от папирусов.[6]

ه Никаких специфических признаков эта буква здесь не имеет, но следует общей тенденции склоняться налево (مولاه 2, بدايهٔ 12, رحمهٔ 15), так что в начальном (لاهل 14) и средних) بهما 11, 13, ايها 3, عليها 13) первая, нижняя петля лежит правее второй, верхней.[7] По толщине и аккуратности конечные больше походят на коранический кӯфӣ (به 7, 9, حاجهٔ 8), чем на папирусы.[8]

و К сожалению, в документе не встречаются ни конечный *фā*, который в папирусах растянут на строке, ни конечный *кāф*, поэтому нельзя определить их отношение к *вāву*. Как многие другие, в документе *вāв* отличается от папирусов только бо́льшим изяществом и закругленностью петли и дуги (مولاه ديوا 2, طرخون 8—9, دواب 12, و 8, 15),[9] но при небрежности

1 См. выше, гл. III.

2 Круглое белое пятно—от съеденного здесь верхнего слоя волосистой поверхности.

3 Op. cit., 26. См. № I A, 1; № II B, 42.

4 Ср. Шебунин, op. cit., т. IX, 3.

5 Ср. конечные *йā*, прямые вверху у Becker, op. cit., № II B, 39 فاكفينى; № III A, 20.

6 Кроме форм у Moritz, Arabische Schrift, т. I, см. растянутые вниз, сильно открытые у Becker, op. cit.

7 Аналогии в лапидарном шрифте с 31 г. х. См. Hawary-Rached, l. c. 1 هذا; Крачковская, op. cit., 61, 5—8, т. IX, 3—4.

8 Ср. Moritz, Arabische Schrift, т. I и Шебунин, op. cit., т. IX, 4.

9 Ср. Moritz, l. c.

может быть смешан с *рā* или *нӯном* (ср. او 12 с را и من 10, و 16 дважды). Резкой разницы между отдельными и конечными нет, но последние лежат все же ниже первых.[1]

ى Из одиннадцати конечных *йā* только у двух конец загнут горизонтально направо (الى 11, фрагмент الذى 5). Этот тип был уже в набатейском шрифте[2] и часто встречается в папирусах.[3] Сюда же примыкает отдельный *йā* الراي 10, загнутый направо, но не совсем горизонтально. Восемь остальных очень походят на конечный *нӯн* и довольно трудно отличимы от него (ср. فان 10 с فانى 4, 7; غلامى 13 с من 12). В папирусах для лигатуры *нӯн-йā* فانى употребляли преимущественно горизонтальный тип,[4] реже — закругленный налево. Отличие шрифта документа от папирусов ясно обнаруживается, если сличить فانى (4, 7) с папирусом № II B, 37 у Becker'a: у нас начальный *нӯн* обозначен небольшим выступом справа налево, от которого идет подстрочная дуга *йā* типа конечного *нӯна*, а на папирусе вертикаль *нӯна* ясна, лигатура с *йā* обозначена небольшой дугой слева. Наша лигатура ابنى вполне могла бы читаться ابى или ابن, настолько *нӯн* курсивен и может сойти за изгиб самого *йā*; основанием таких сомнений могут служить формы, аналогичные конечному *нӯну* одного из египетских папирусов.[5] Закругленный *йā* папирусов отличается преимущественно пропорциями: дуга, в виде тонкого крючка, растянута вниз[6] и даже иногда лежит на вертикали *нӯна*.[7] В нашем шрифте можно все-таки подметить кое-где легкое выпрямление конца, в отличие от закругления *нӯна* (см. سنى 3, حاجتى 8, لى 12). О пунктуации *йā* речь была выше.

В результате анализа шрифта документа мы должны признать не только его большие каллиграфические достоинства, но и ряд индивидуальных особенностей, а также его прогрессивность сравнительно с папирусами конца I века хиджры. Упорядоченность, большая четкость, связная группировка, закругленность вместо резкой угловатости, изящество — составляют его преимущества. Некоторые новшества и наклон налево появляются в нем гораздо ранее, чем в опубликованных до сих пор документах.[8]

[1] Ср. Bergsträsser, op. cit., 63.

[2] См. Moritz, l. c.

[3] Becker, op. cit., № II A, 4; № II B, 41 несоединенное; № I A, 2 الى

[4] Ср. Becker, op. cit., № I A, 3; № II A, 3; № III E, 85; Loth, op. cit., II, 3. Как контраст укажем الى Becker, № VIII, 5, где *йā* совершенно слито с *ла̄мом* и похоже на ل.

[5] Ср. Becker. op. cit., № IX, 7 رمضن.

[6] Ibid., № III D, 67, 70.

[7] Ibid., № II B, 39 فاكفينى.

[8] Ср. Grohmann. Allg. Einführung, 69, паспорт 133 г. х., 69, 2 — P. Berol. 7509 143 г. х.; см. также Ḫифнӣ Нāṣыф, l. c.

Нельзя сомневаться в национальности писца; конечно, он был араб, вероятно не старый, судя по твердости руки, прошедший хорошую школу, о чем говорит и каллиграфия, и форма документа, и язык. Вопрос о том, из какой школы или провинции вышел писец, остается открытым, за неимением данных. Ясно одно, что к египетской школе он не мог принадлежать, а скорее был выразителем иракской или хорасанской традиции, на что указывает и материал документа — кожа. Можно отметить отрадный факт, что, несмотря на плохую сохранность и изолированность, найденный в долине Зеравшана документ не менее важен для арабской палеографии, чем его содержание — для истории Средней Азии и халифата.

Интересен также факт употребления кожи в арабской дипломатике Средней Азии в то время, когда согдийская дипломатика пользовалась пергаментом и китайской бумагой. Очень мало времени спустя, в половине VIII в., как известно из источников, в Самарканде началось изготовление бумаги сперва военнопленными китайцами, потом усовершенствованное арабом Зийādом ибн Ṣālиḥом.[1] Одновременная находка документов согдийских на пергаменте и китайской бумаге, китайского — на бумаге и арабского — на коже, притом одной эпохи, открывает чрезвычайно важный ранний момент культурных сношений Запада с Востоком, когда арабы вошли в осязательное соприкосновение с китайской бумагой.

Ленинград.
Март, 1934 г.

---

1 G. Jakob. Der Einfluss des Morgenlandes auf das Abendland. Hannover, 1924, 32—33. Старейший образчик бумаги Венской коллекции датируется 180—200/796—816 г.; см. Grohmann, Allg. Einführung, 58. Ср. Mez, Die Renaissance des Islāms, Heidelberg, 1922, 440 (датированные бумаги с 300/912 г.), 441—лучшая бумага «самаркандская и китайская».

А. С. ПОЛЯКОВ

КИТАЙСКИЕ РУКОПИСИ, НАЙДЕННЫЕ В 1933 г. В ТАДЖИКИСТАНЕ

Изучение самых общих проблем гражданской истории Китая оказывается весьма прочными нитями связанным с такими предельно узкими вопросами, как выяснение смысла нескольких строк текста незначительных рукописных фрагментов. Тексты трех рукописей, найденных осенью 1933 г. экспедицией Таджикистанской базы Академии Наук СССР в развалинах древнего здания на горе Муг на Зеравшане, могут быть точно прочитаны лишь при проведении ряда экскурсов в такие широкие области истории Китая, как: совокупность дошедших до нас письменных первоисточников периода царствования Танской династии, структура государственного аппарата Танской империи и общий ход развития экономики и политики китайского государства на протяжении двух-трех десятилетий в конце VII и начале VIII вв. С другой стороны, рукописи, найденные в Таджикистане, представляют собой, до некоторой степени, исключительное явление среди всех до сих пор известных китайских письменных первоисточников периода царствования династии Тан, и это заставляет поставить, по возможности широко, вопрос о самой истории изучения исторических источников для этого периода. Таким образом, круг вопросов, теснейшим образом связанный с анализируемыми рукописями, оказывается настолько обширным, что эти вопросы могут быть разрешены в пределах статьи, в значительной степени, в предварительной форме. В особенности это касается вопроса о путях занесения китайских рукописей с территории Собственно-Китая на территорию Средней Азии.

I. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ КИТАЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Китайские документы из области юридических отношений и из области деятельности правительственных учреждений периода царствования

династии Тан (618—907), написанные на бумаге,[1] были опубликованы и описаны в европейской литературе еще в 1897 и 1902 гг. В 1897 г. Хёрнле (Hoernle) опубликовал и описал в числе других документов и их фрагментов, полученных в 1895 г. английским чиновником в северной Индии Годфреем от синьцзянских купцов, 2 фрагмента китайских документов.[2] Один из этих фрагментов был разобран по фотографии Шаванном, который определил значение ряда китайских иероглифов, имевшихся на нем (записка Шаванна приведена у Хёрнле). По содержанию фрагмент, разбиравшийся Шаванном, относится к документу, посвященному вопросу уплаты налогов. В 1902 г. Хёрнле были изданы 2 китайских документа, сохранившихся почти полностью и представляющих собою один — официальное отношение (де-牒) от китайского чиновника в Восточном Туркестане к царьку Хотана, а другой — договор о ростовщическом займе. Датированы документы 768 и 786 гг. Кроме издания двух текстов, Хёрнле дает описание всех документов и фрагментов на китайском языке, написанных на бумаге входивших в то время в «Британскую коллекцию древностей из Центральной Азии» (3 документа и 9 фрагментов). В число описанных в 1902 г. фрагментов и документов вошли фрагменты, описанные и опубликованные в 1897 г.[3] Несмотря на наличие у Хёрнле целого ряда вариантов переводов документов, исходивших от английских (Макартней и Хопкинс), немецких (Хирт) и японских (Вогихара и Ватанабе) исследователей,[4] ни один из этих вариантов не оказался удовлетворительным, и переводов описанных им документов и фрагментов Хёрнле не дает.

Лишь в 1907 г., в связи с работой над рядом вновь найденных в Хотане (в 1900—1901 гг.) археологической экспедицией сэра Ауреля Стейна

1 Совершенно бесспорно, что выделение из числа письменных источников в о т д е л ь н у ю г р у п п у источников, написанных не на бумаге и дошедших до нас в виде надписей на камне или металле, не выдерживает критики с методологической точки зрения. Мы принуждены все же ограничиться в нашем обзоре истории изучения официальных и юридических документов только документами, написанными н а б у м а г е, так как вопрос о надписях на камне (даже для одного периода царствования династии Тан) имеет огромную китайскую литературу и, наоборот, в европейской литературе почти совершенно не освещен исследовательски (есть лишь ряд воспроизведений и переводов отдельных надписей, разбросанных в различных зданиях). Разбору истории издания китайских документов, н е з а в и с и м о о т м а т е р и а л а, н а к о т о р о м о н и д о ш л и д о н а с, должна быть посвящена особая работа.

2 R. Hoernle. Central Asian manuscripts. Journal of the Asiatic society of Bengal. Calcutta, 1897, vol. LXVI, pp. 230—231; plate XIV, №№ 16, 17.

3 R. Hoernle. A report on the british collection of antiquities from Central Asia, в том же журнале, что и первая статья, 1901 [1902] г., т. LXX, ч. 1, первый специальный номер, стр. 21—26, табл. II и III (далее при сносках: «X»).

4 Там же, стр. 21.

китайских документов, Шаванн публикует в приложении к книге А. Стейна «Древний Хотан» перевод двух документов, описанных в 1902 г. Хёрнле, и анализ третьего из них. Кроме того, Шаванн дает в этом же приложении перевод 18 китайских документов и фрагментов, написанных на бумаге и представляющих собой в своей основной части частные юридические документы из области экономических отношений.[1] Одиннадцать из этих документов и фрагментов воспроизведены фототипически во 2-м томе работы Стейна.[2] Из общего числа 21 документа и фрагмента, разобранных Шаванном в его работе, вышедшей в 1907 г., два документа (№ 1 и 4) представляют собой по форме официальные отношения (де), а один из фрагментов (E I 144) заключительную часть такого официального отношения.[3] Датируются документы, опубликованные в 1907 г. Шаванном, второй половиной VIII в. В 1913 г. Шаванн публикует в виде отдельной работы издание текстов и перевод всей основной массы китайских документов, найденных экспедицией А. Стейна в Восточном Туркестане.[4] Третья часть этой работы посвящена «Документам эпохи Тан», и из 20 фрагментов и документов, написанных на бумаге, которые разбираются здесь Шаванном, девять (№ 951, 953, 962, 965, 967—972, 974)[5] представляют собою документы или их фрагменты, связанные с деятельностью буддийских монастырей и правительственных учреждений. Фототипии всех этих 9 документов и фрагментов даны, среди других, в таблицах в конце книги. Из 9 упомянутых документов и фрагментов, разобранных и опубликованных Шаванном в 1913 г., документ № 974 по форме является официальным отношением и, как на это указывает Шаванн, повидимому, представляет собою черновик такого отношения. Шаванн дает для этого документа лишь перевод его трех заключительных строк, отказываясь от перевода основного текста (6 строк) и заявляя, что «сделанные мною попытки перевода этого текста меня не удовлетворяют».[6]

В конце 1915 г. в Японии опубликовываются в двух томах воспроизведения находок японской археологической экспедиции, производившей

[1] A. Stein. Ancient Hotan. Detailed report of archaeological explorations in Chinese Turkestan carried out and described under the orders of H. M. Indian government. Vol. I, text. Oxford, Clarendon Press., 1907, pp. 521—536 & 546—547 (далее: «Ст»).

[2] То же, т. II, табл. CXV, CXVI.

[3] То же, т. I, стр. 523, 526, 547.

[4] Ed. Chavannes. Les documents chinois decouverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental. Oxford, Imprimerie de l'université. 1913, 23, 232 p., 37 planches (далее: «Ш»).

[5] №№ 969—972 составляют части одного документа.

[6] Ш, 217.

раскопки в Восточном Туркестане в 1908—1909 гг.[1] Экспедиция была послана японской буддийской сектой «Nishi Hongwanji», возглавлявшейся графом Отани, с целью собирания материалов по развитию в Восточном Туркестане буддизма в IV—IX вв. О посылке этой экспедиции и ходе ее работ в европейской журнальной литературе появились сведения еще в 1909 г.,[2] а в 1910 г. появилось сообщение, довольно подробно характеризующее содержание ее находок. В этом сообщении, напечатанном, как и первое, в «Бюллетене Французской школы на Дальнем Востоке» (BEFEO), было дано описание части найденных китайских документов с приведением ряда текстов и было указано, что среди многочисленных документов периода царствования династии Тан имеются частные юридические документы из области экономических отношений и фрагменты переписей.[3] Во втором томе издания находок Японской экспедиции опубликованы фототипические воспроизведения найденных текстов, и в отделе исторических источников (史料-ши-ляо) 12 страниц заполнены воспроизведениями официальных и частных юридических документов периода царствования династии Тан. Общее число различных воспроизведенных документов и фрагментов такого типа в японском издании равно 33.[4] К сожалению, не только перевода, но даже какого бы то ни было анализа или хотя бы печатной иероглифической транскрипции опубликованных документов в японском издании не дано; для каждого документа и фрагмента лишь указан его характер (причем и тут дело ограничивается часто такой общей характеристикой, как указание на то, что это «фрагмент танского документа» (唐文書斷片 — Тан вэньшу дуань-пянь). Документы и фрагменты японского издания, характер которых может быть более или менее точно определен по их содержанию, распадаются на следующие две группы: 1) документы, связанные с деятельностью правительственных учреждений (16 единиц);[5] из них 4 фрагмента официальных отношений (де) и одно официальное отношение, сохранившееся, повидимому, целиком; 3 фрагмента переписей населения и не-

[1] 西域考古圖譜。香川默編。東京。國華社。大正四年十月刊。 (далее «ЯЭ»). На это издание мне любезно указал Н. А. Невский, и существенная помощь в его разыскании мне было оказана Ю. К. Щуцким.

[2] BEFEO, 1909, 626—627.

[3] То же, 1910, 651—654.

[4] Общее число опубликованных до того времени (1915 г.) документов и фрагментов документов периода царствования династии Тан в упоминавшихся нами изданиях составляло 24 единицы. Таким образом, число документов, изданных в Японии в 1915 г., превосходило число документов во всех этих изданиях, вместе взятых.

[5] №№ 9—2, 10, 14, 15, 16, 17, 17, 18, 18, 20.

сколько фрагментов, искусственно соединенных вместе, повидимому относящихся к земельной переписи; 2) частные юридические документы из области экономических отношений (6 единиц),[1] из них 4 фрагмента обязательств по ростовщическим займам и 2 фрагмента земельных купчих.

В 1921 г. три китайских документа интересующего нас характера опубликовываются в большой работе А. Стейна «Сериндия», представляющей издание находок его второй экспедиции 1907—1908 гг. в Восточный Туркестан (и на этот раз также и в западную Ганьсу).[2] Среди других пятнадцати китайских рукописей эти документы были выставлены в Лондоне еще в 1914 г., и тогда же (в каталоге выставки) было опубликовано их краткое описание, составленное английским китаеведом Джайльсом.[3] Один из этих документов представляет собою обширное донесение пограничного чиновника (воспроизведена лишь незначительная часть его), другой — завещание монахини и третий — часть перечня даров, поступающих в монастырь. Второй документ датирован 865 г. и третий—991 г. (первый не датируется).

С 1930 г. начала выходить работа китайского исследователя Лю Фу (劉 復) «Фрагменты из Дунь-Хуана» (燉煌掇瑣 Дунь хуан до-со), которая предсталвяет собой издание иероглифических транскрипций текстов значительного числа китайских рукописей из «Фондов Пельо» Парижской Национальной библиотеки (общее число инвентарных номеров изданных текстов равно 104).[4] Третий бэнь этой работы почти целиком посвящен официальным текстам и юридическим документам из области экономических отношений периода царствования династии Тан, причем значительное число текстов официальных документов представляют собой по форме официальные отношения. Существенным недостатком этого издания является отсутствие фототипических воспроизведений текстов, так что в отношении транскрипции приходится следовать за автором, кроме того, и представление о форме документов получается недостаточно полное.

Значительное собрание документов, относящихся к периоду царствования династии Тан и еще не опубликованных, имеется в Британском

[1] №№ 11, 12, 13, 23, 24.

[2] A. Stein. Serindia. Detailed report of exploration in Central Asia and westernmost China, I—V vms. Oxford, Clarendon Press., 1921, pp. 916—918, plates. CLXVII, CLXVIII.

[3] Там же, 918.

[4] 燉煌掇瑣。劉復纂。蔡元繆序。上中輯(四本)。北平。國立研究院。S. d. (歷史語言研究所專刊之二) (далее: «ЛФ») Эта работа мне была любезна указана и предоставлена акад. В. М. Алексеевым

музее — это документы, составляющие часть китайских рукописей, найденных второй археологической экспедицией Ауреля Стейна в 1907—1908 гг. в «Пещере тысячи будд» (千 佛 洞 — Цянь-фо-дун) в Дунь-хуане (燉 煌) и частью описанных и изданных в 1921 г. в «Сериндии».[1] Собрание подобных документов имеется и в Парижской национальной библиотеке среди так наз. «Фондов Пельо» (Fonds Pelliot). Эти документы были найдены археологической экспедицией Пельо в том же Дунь-хуане и именно они были частично опубликованы в упоминавшейся работе Лю Фу.

Наконец, значительное количество документов периода царствования династии Тан, написанных на бумаге, относящихся к деятельности правительственных учреждений и монастырей и представляющих собою частные юридические документы из области экономических отношений, имеется среди китайских рукописей, привезенных из Восточного Туркестана и Дунь-Хуана двумя экспедициями акад. С. Ф. Ольденбурга. В настоящее время эти документы включены в отдельный фонд (Фонд «КД» в Рукописном отделении Инстнтута востоковедения Академии Наук СССР), состоящий из 91 названия. Этот фонд «Китайских юридических и официальных документов», еще не подвергшийся систематическому исследованию, имеет предварительную опись и, повидимому, в основной своей части состоит из документов периода царствования династии Тан и шестисеми десятилетий, непосредственно следующих за этим периодом (наиболее ранняя дата на датированных документах: 619 г.[2] и наиболее поздняя — 996 г.[3] По своей форме, почерку и лексическому запасу, документы фонда «КД» в своем большинстве близки к опубликованным документам периода царствования династии Тан. Документы, относящиеся к деятельности монастырей, составляют около половины всего фонда китайских документов Института востоковедения (44 номера), документы, относящиеся к деятельности правительственных и административных учреждений составляют 35 номеров и, наконец, частные документы составляют 12 номеров этого фонда. Из официальных документов 15 представляют собою официальные отношения (де) или их фрагменты.

В китайских работах, написанных в период со второй половины царствования Танской династии до начала XX в., насколько нам известно, полные тексты документов, написанных на бумаге, интересующего нас пе-

[1] A. Stein. Serindia, стр. 916—918.

[2] Фонд рукописного отделения Института востоковедения «КД» (далее: «КД»); №№ 11 и 12.

[3] Там же, № 79; исключение составляет лишь один фрагмент из находок Козлова в Харохото, датированный 1223 г. (там же, № 9).

риода и типа не приводились; не издавались в этот период и фрагменты таких документов (археология, эпиграфика и нумизматика в эпоху безраздельного господства феодального общества в Китае значительно развились, палеография же и в особенности дипломатика таким развитием не характеризуются). Китайская феодальная литература сохранила сравнительно полные тексты лишь таких документов периода царствования династии Тан, написанных на бумаге, как императорские эдикты, доклады чиновников трону, обращения к трону не китайских царств и т. п.

Наиболее крупными работами, в которых сохранились подобные тексты от периода царствования династии Тан, являются следующие сочинения (перечисляем в хронологическом порядке): «Исследование государственных установлений» (Тун дянь — 通 典),[1] «Старая история Танской династии» (Цзю Тан-шу — 舊 唐 書),[2] «Государственные установления Танской династии» (Тан Хуй-яо — 唐 會 要),[3] «Драгоценности из книг и архивов» (Це фу юань-гуй — 册 府 元 龜),[4] «Новая история Танской династии» (Синь Тан-шу — 新 唐 書),[5] «Зерцало государственного управления» (Цзы-чжи тун-цзянь — 資 治 通 鑑),[6] «Исследование государственных документов» (Вэнь-сянь тун-као — 文 獻 通 考),[7] «Полное собрание танских текстов» (Цюань тан вэнь — 全 唐 文).[8]

[1] Составлена Ду Ю (杜 佑) в период с 766 по 801 г., на основе более ранней работы «Административные установления» (Чжэн-дянь — 政 典) автора, жившего в середине VIII в. (Лю Чжи — 劉 秩) в 200 частях, в каждом из отделов и подотделов этой работы последние части посвящены периоду первой половины царствования Танской династии до середины VIII в. (при сносках «ТД»).

[2] Составлена комиссией под председательством Лю Сюя, закончена в 945 г., в 200 частях (при сносках «ЦТШ»).

[3] Составлена Ван Пу (王 浦), закончена в 961 г., в 100 частях; в основу положены две более ранние работы: «Государственные установления девяти царствований» (Цзю-чао Хуй-яо — 九 朝 會 要) и «Продолжение государственных установлений» (Сюй хуй яо — 續 會 要).

[4] Составлена в период с 1005 по 1013 г. комиссией под председательством Ван Цинь-жо и Ян И (王 欽 若 и 楊 億), 1000 частей, в каждом разделе значительная часть материала относится к периоду царствования Танской династии.

[5] Составлена комиссией под председательством Оу-ян Сю и Сун Ци, закончена в 1060 г., в 225 частях, в основу положена «Старая история Танской династии» (при сносках: «СТШ»).

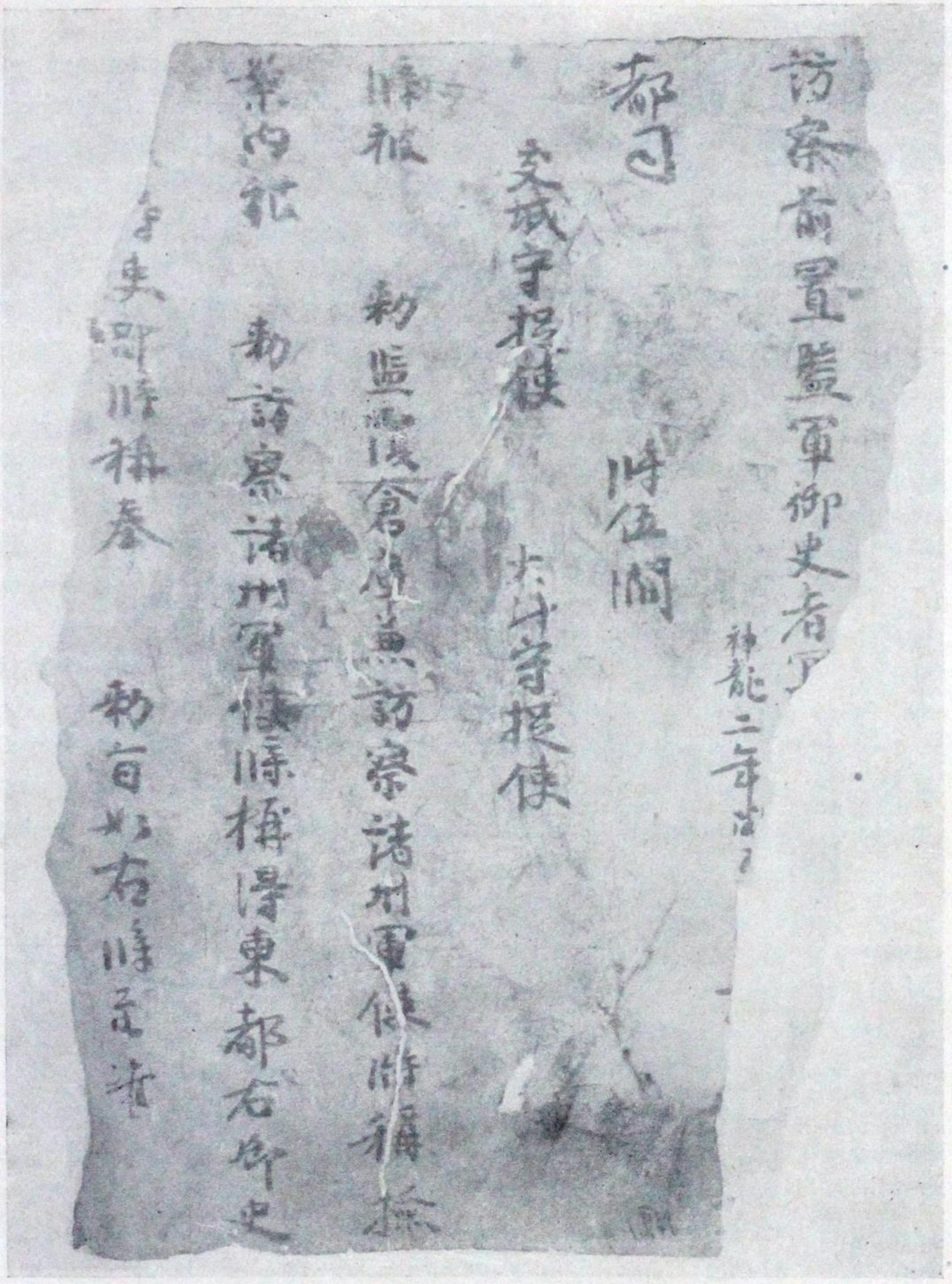
[6] Составлена Сы-ма Гуаном, закончена в 1067 г., в 294 частях; части 185—265 посвящены периоду царствования Танской династии, и в этих частях работа в значительной мере построена на основе материалов «Старой истории Танской династии» (при сносках: «ТЦ»).

[7] Составлена Ма Дуань-линем во второй половине XIII в. в 348 частях. Царствованию Танской династии в каждом отделе посвящены значительные части, причем этот материал в значительной мере почерпнут из предыдущих работ (главным образом из «Исследования государственных установлений») (при сносках «ТК»).

[8] Эдикт о составлении этой работы был издан в 1814 г.

Во всех перечисленных работах, кроме последней, громадное большинство текстов юридических и официальных документов используются авторами как материал, поэтому, даже в тех случаях, когда соответствующий документ передается, повидимому, полностью, нельзя быть уверенным в его автентичности. В «Полном собрании танских текстов» документы интересующего нас типа, хотя и собраны не как материал для исторического исследования, а как самостоятельные тексты, разбитые на группы по своему характеру, все же они приводятся в явно неполной форме — в официальных отношениях не сохранены вводные формулы и заключительные даты и подписи. Кроме того, в этой работе, как и в громадном большинстве работ китайских авторов эпохи безраздельного господства в Китае феодального общества (XI в. до н. э. — XIX в. н. э.), совершенно отсутствуют ссылки на то, откуда составителями брались приводимые ими документы — вероятнее всего тексты официальных документов черпались почти исключительно из более ранних работ, перечисленных нами, и других работ такого же типа. Более или менее полные тексты официальных документов, судя по имеющимся на них вводным формулам и заключительным датам и подписям (главным образом тексты официальных отношений), приводятся и разбираются в китайской литературе эпохи до XIX в., насколько нам известно, только в отношении таких документов, которые высекались (с оригиналов, написанных на бумаге) на камне или на металле. Таким образом, оказывается, что сравнительно полноценный материал для китайской дипломатики, кроме научных изданий китайских документов в XX в. в Европе и Японии, можно искать лишь в китайских эпиграфических работах. Но, как указывалось выше, при современном состоянии китайской эпиграфики, обзор развития собирания и разбора этой дисциплиной хотя бы одних интересующих нас юридических и официальных документов периода царствования династии Тан, сначала написанных на бумаге и затем высекавшихся на камне и металле, сделать в пределах статьи невозможно. Поэтому мы ограничиваемся выборкой и анализом текстов документов интересующего нас типа лишь из наиболее полной для периода царствования династии Тан сводной работы: «Собрания (надписей) на камне и металле» (Цзинь-ши цуй-пянь — 金石萃編)[1]

[1] Составлена Ван Чаном, закончена в 1805 г., в 160 частях, части 41—118-я посвящены надписям периода царствования династии Тан. На наличие в этой работе текстов официальных отношений мне любезно указал П. И. Осипов.

Фиг. 1.

II. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА РУКОПИСЕЙ, НАЙДЕННЫХ В ТАДЖИКИСТАНЕ И ИХ ПЕРЕВОД

Вся масса письменных первоисточников периода царствования династии Тан, дошедшая до нас, либо в качестве документов и текстов в их первоначальном виде, либо сохраненная в позднейших источниках, может быть классифицирована по следующим группам:

1. Частные юридические документы.

2. Документы, связанные с деятельностью правительственных учреждений и монастырей.

3. Письменные источники из области идеологической надстройки.

Китайские рукописи, найденные в Таджикистане, по дате, имеющейся на основной из них — 2-й год летоисчисления шэнь-лун (соотв. 706 г. н. э.) и по общей датировке времени образования того рукописного фонда, среди которого они находились,[1] относятся к периоду царствования Танской династии. Какого же типа источниками в рамках указанных нами групп эти рукописи являются?

Начнем с разбора характера основной по величине и количеству сохранившихся на ней знаков рукописи (шифр 21 А, размер рукописи: 28 × 17 (19) см., см. фиг. 1). Строки 3-я и 4-я этой рукописи явно представляют собой формулу адресования, применяемую в официальных отношениях. Встречающееся в тексте 3 раза выражение «де-чэн» (牒 稱— «отношение гласит», «отношение гласящее») и сохранившееся начало заключительной формулы: «Отношение полностью соответствует эдикту. Сим официально сообщаем (牒 至 准 [勅 故 牒] «де чжи чжунь [чи гу де]»), также характерной для официальных отношений, не оставляет сомнения в том, что наша основная рукопись и является фрагментом (начальные строки являются продолжением предшествовавшего текста, заключительная часть также отсутствует) такого официального отношения. Значительное число официальных отношений, исходящих от одного звена государственного аппарата Танской империи и адресованных другому такому звену или исходящих от частных лиц и адресованных тем или иным правительственным учреждениям, встречаются среди тех публикаций и фондов, на которые мы указывали в первом разделе статьи.[2] Но при сравнении формы и содержания нашей рукописи с формами и содержанием рукопис-

[1] См. статью акад. И. Ю. Крачковского и В. А. Крачковской «Древнейшая арабская рукопись из Средней Азии», раздел I.

[2] X, табл. III; ст. 526, 547; Ш, 217; ЯЭ, 9_1, 9_2, 10_1; КД, 11, 12, 13, 33; целый ряд подобных отношений имеется и в упоминавшейся работе Лю Фу.

ных документов и их фрагментов подобного же типа из числа опубликованных в европейской, японской и новой китайской литературе, мы сразу же обнаруживаем, что хотя эта рукопись и является фрагментом официального отношения, но отношения не совсем такого, как те, которые подвергались научной публикации до настоящего времени. Точного аналога по форме и характеру содержания мы не находим для нашего фрагмента и среди фонда «КД» Института востоковедения. Все официальные отношения периода царствования династии Тан, имеющиеся в доступных нам научных публикациях и фондах, либо представляют собой обращения от населения к низшим правительственным учреждениям, либо переписку между сравнительно не очень крупными правительственными учреждениями, либо, наконец, монастырскую переписку. Ни в одном из этих отношений не передается содержание императорских эдиктов (что мы имеем в нашем фрагменте). Тексты документов, наиболее близкие по форме и содержанию к анализируемому фрагменту, мы находим лишь среди тех официальных отношений, которые сохранились, будучи высеченными на камне. В работе «Собрание [надписей] на камне и металле» (Цзинь-ши цуй-пянь) мы насчитали 9 текстов официальных отношений периода царствования династии Тан, чрезвычайно близких по форме и характеру содержания к тому отношению, фрагмент которого представляет собой наша рукопись.[1] Характерно, что вводные формулы, заключительные формулы и формулы расположения дат и подписей были чрезвычайно устойчивы в канцелярской практике правительственных учреждений Китая — эти формулы сохранились на длительный период и после царствования Танской династии, и мы их находим и в официальных отношениях так наз. периода «Пяти династий»[2] и в официальных отношениях правительственных учреждений Сунской династии,[3] и, наконец, в официальных отношениях не китайской Цзиньской династии, царствовавшей на территории северного Китая.[4] Самая ранняя дата на отношениях, имеющих сходные формулы с интересующими нас: 625 г.,[5] самая поздняя: 1235 г.[6] Почти все отношения сохранились в виде высеченных на камне надписей (причем, повидимому, на камень переносились тексты, написанные

1 ЦП, 74, Iа (2 текста); 73, 7б; 74, 1а; 74, 2а; 74, 3а; 75, 1а; 114, 1а, 117, 6а—б (перечисляем в хронологическом порядке дат отношений).

2 ЦП, 121, 4а—б; 119, 11б; 121, 2б.

3 Там же, 123, 1а; 137, 1а—б, 138, 1б—2а; 143, 6а; 147, 5а; 147, 5а—б; 148, 1а; 152, 2а—б.

4 Там же, 155, 1б—2а:, 157, 1б; 158, 3а—б.

5 Там же, 74, 1а.

6 Там же, 152, 2а—б.

первоначально на бумаге), лишь один текст высечен на металле (колокол).[1]

Таким образом, для сравнительного анализа содержания нашего фрагмента и для более точного определения его характера имеется налицо сравнительно обширный материал. В связи с тем, что в формулах содержания официальных отношений намечается (с конца IX в.?!) их изменение, приведшее к утверждению нескольких иных стереотипных формул содержания (середина XI в.?), мы решили ограничить детальный формальный анализ официальных отношений лишь той их частью, имеющейся в работе «Надписи на камне и металле», которая относится к периоду до середины XI в. (16 текстов из общего числа 26). При сравнительном анализе формул выделенных 16 документов выясняется, что в переписке, исходящей от центральных учреждений Танской империи, вводные формулы и заключительные формулы, как правило, аналогичны с формулами 3-7 строк нашего фрагмента (11 вполне аналогичных вводных формул и две весьма близких из 16; 8 заключительных формул, повидимому, точно идентичных и 4 аналогичных из 16). Формулы содержания и сам характер содержания в выделенных документах также чрезвычайно близки к содержанию и его формулам в 5—7 строках нашего фрагмента (в 7 документах их основной текст начинается с выражения «де»—«официально оповещается», так же, как в 5-й строке нашего фрагмента), в 14 (!) документах либо сообщается о получении императорского эдикта, либо, кроме того, передается и содержание эдикта, наконец, сама формула «официально сообщается, что получен соответствующий императорский эдикт» (牒奉勅旨如右 — де фын чи-чжи жу ю) и аналогичная ей формула «официально сообщается о получении императорского эдикта»—(牒奉勅— де фын-чи, далее содержание или характеристика этого эдикта) встречается в 11 документах. Кроме того, эта же формула с заменой термина «императорский эдикт» термином «эдикт принца» (教 — цзяо) встречается еще в двух документах. Учреждение, от которого исходит наше отношение, является крупным центральным учреждением («Главные управления совета министерств» — «Ду-сы» — 都司, первые два знака третьей строки фрагмента),[2] таким образом, 3—7 строки нашего фрагмента бесспорно

[1] Там же, 157, 1б.

[2] Этот термин нами первоначально рассматривался как наименование чина в системе пограничной охраны (доклад на Апрельской сессии Академии Наук СССР 26 IV 1934 г.). Из сравнительного анализа текстов официальных отношений, высеченных на камне (к моменту доклада не использованных), выяснилось, что этот термин должен обозначать центральное

представляют собой официальное отношение, исходящее от одного из центральных учреждений империи и направленное двум эмиссарам пограничных гарнизонов (守捉使 — «Шоу-чжо ши», 4-я строка фрагмента).[1] Что же представляют собой первые две строки нашего фрагмента, первая из которых является последней строкой какого-то другого текста, чем текст строк 3-й—7-й?

Ответ на это мы получаем опять-таки от некоторых из официальных отношений, сохранившихся в виде надписей на камне. Отношения №№ 1, 2 и 9[2] из числа 16, подвергаемых нами детальному сравнительному анализу, являются препроводительными с приведенным перед ними текстом эдиктов. В двух случаях из трех (№ 1 и 3)[3] эти эдикты имеют самостоятельные даты, приводимые после их текста. Выясняется, что первые две строки нашего фрагмента представляют собой последнюю строку текста, препровождаемого и резюмируемого отношеннем эдикта и дату этого эдикта. Поскольку даты препроводительных отношений отстоят от дат препровождаемых ими текстов на незначительный срок (в обоих случаях всего на семь дней), может быть сделан вывод, что и отношение, фрагмент которого представляет собою рукопись, найденную в Таджикистане, также было датировано лишь несколькими днями позже, чем препровождаемый им эдикт. Сравнительное однообразие форм детально анализируемых нами 16 отношений позволяет не только дать иероглифическую транскрипцию нашего фрагмента, но и сделать попытку реконструкции формы (и некоторых формул) всего документа, которого наш фрагмент является частью. Весь документ в целом был официальным отношением, препровождающим и резюмирующим текст императорского эдикта.

Иероглифическая транскрипция рукописи А 21 и реконструкция формы и некоторых частей текста всего документа, фрагментом которого она является, могут быть даны в следующем виде (см. фиг. 2).

Перевод текста фрагмента может быть дан следующий:

учреждение, и, в связи с этим, мы остановились на понимании термина «Ду-сы» в его основном значении. Мысль о необходимости рассматривания термина «Ду-сы» в его основном значении была впервые высказана П. И. Осиповым.

[1] Для знака, следующего после отступа за термином «Ду-сы», мы принимаем транскрипцию, предложенную в выступлении на Апрельской сессии Академии Наук 1934 г. акад. В. М. Алексеевым, и соответственно переводим этот знак как «официально сообщается», за этим знаком следует название местности — «У-Цзянь» (伍澗), куда отношение было адресовано и где были расположены гарнизоны, упоминаемые в отношении.

[2] ЦП, 74, 1а и 117, 6а—б.

[3] ЦП, 14, 1а и 13, 7б.

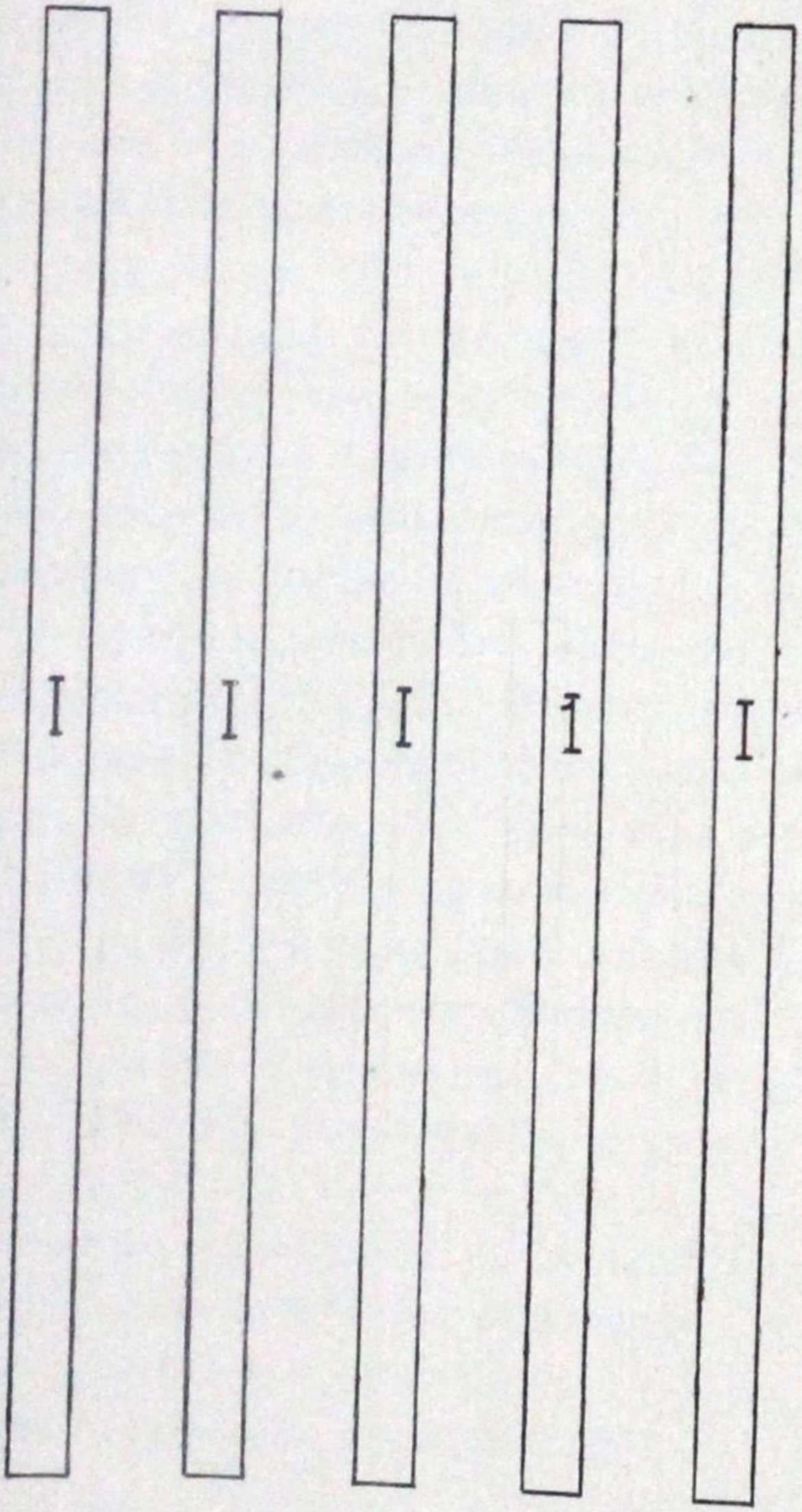
訪察前置監軍御史者宜
都司 4
牒伍澗
神龍二年閏 2 正[月] 十 3 四[日]

牒被 5 交城守捉使 大斗守捉使
勅監覆倉庫兼訪察諸州軍使牒 6 稱檢
案内被
勅訪察諸州軍使牒稱得東都右御史
臺牒 7 得吏部牒稱奉
勅旨 8 如右牒至 9 准
勅故牒

神龍二年閏正月 日
牒

Согдийский сборник.

Фиг. 2.

[1 стр.]«. . . . инспекция [?]. Ранее утвержденных в должностях[1] цензоров-инспекторов армии[2] целесообразно. . . . .

[2 стр.] 2-й год [летоисчисления] Шэнь-лун первый вставной [месяц] четырнадцатый [?] [день] [3 III 706 г.].

[3 стр.] Главные управления Совета министерств официально сообщают в У-цзянь,[3]

[4 стр.] эмиссару пограничного гарнизона Цзяо-чен, эмиссару пограничного гарнизона Да-доу.

[5 стр.] Официально сообщаем, [что] Императорским эдиктом приказано тщательно обследовать правительственные хлебные амбары и казнохранилища и проинспектировать эмиссаров округов и армий. Официальным отношением сообщаем, [что нами] приводится в исполнение,[4]

[6 стр.] приказанное в Императорском эдикте[5] инспектирование эмиссаров округов и армий. Официальным отношением сообщаем, [что] получено официальное отношение Нижней [палаты] цензоров Восточной столицы,

Примечания к фиг. 2

1 Черной линией обведены очертания самой рукописи А 21. «I» — строки текста эдикта «II» — строки подписей чиновников «Главных управлений Совета министерств», которые должны были заключать документ в полном тексте препроводительного отношения.

2 Транскрипция этого знака и восстановление следующего предложены Н. А. Невским.

3 Восстановление даты числа предложено Ю. К. Шуцким.

4 Транскрипция предложена акад. В. М. Алексеевым.

5 Транскрипция указана Л. И. Осиповым.

6 Транскрипция указана акад. В. М. Алексеевым.

7 Коньектура предложена П. И. Осиповым.

8 Транскрипция указана Ю. К. Шуцким.

9 Транскрипция предложена акад. В. М. Алексеевым и П. И. Осиповым.

---

1 Выражение 置 — чжи собственно означает «учреждать», но оно одинаково может относиться и к отдельным лицам и присвоенным им чинам, так что здесь оно может быть переведено «утверждать в должности», включая в это понятие и само создание данной должности.

2 Все чины и учреждения, упоминаемые во фрагменте, будут разобраны в разделе III.

3 О местоположении местности У-Цзянь и пограничных гарнизонов Цзяо-чэн и Да-доу см. раздел III статьи.

4 После сравнительного анализа текстов официальных отношений, высеченных на камне, мы решили остановиться на таком переводе термина 檢 — цзянь, рассматривая его в его значении «поднимать» — «предпринимать» (Канси цзы-дянь в одном из значений этого знака приравнивает его к 舉 — цзюй).

5 Выражение 案內 — ань-нэй, собственно — «в деле», «в официальном документе» безусловно относится к императорскому эдикту. Так, например, в тексте одного официального отношения монастыря текст эдикта принца именуется, 教勅案 — цзяо-чи-ань (ЦП, 74, 1б), в другом официальном документе мы встречаем и само выражение «ань-нэй», повидимому, также относящееся к императорскому эдикту (ЦП, 114, 1а).

[7 стр.] получено официальное отношение Министерства чинов, сообщающие о получении Императорского эдикта соответствующего вышеприведенному. Официально сообщаем в полном соответствии с

[8 стр.] [Императорским эдиктом. Сим официально сообщаем].

Перейдем к определению характера и переводу второй по величине рукописи (30 (29) × 8 (7) см), найденной в Таджикистане. Она составилась в процессе реставрации из пяти фрагментов (шестой фрагмент, первоначально казавшийся частью этой рукописи, повидимому, к ней не относится). Эта рукопись в противоположность первой сильно повреждена и в своей сохранившейся части (см. фиг. 3). Почти полностью сохранилась одна строка, бо́льшая половина другой строки и незначительная часть (можно разобрать лишь два знака) третьей. Обе основные строки начинаются с формул: «Один участок [в] 5 му», «Один участок [в] 2 му». Затем, после отступа идут знаки, после которых новый отступ. Из этих знаков, которых должно было быть по 4—5, судя по занимаемому ими пространству, сохранились в первой строке верхний и во второй нижний. Далее, разделенные отступами, идут формулы: «Восток. . . . [фамилия и имя]», «Запад. . . . [фамилия и имя] [?]», «Юг. . . . [фамилия и имя]», «Север. . . . [фамилия и имя]», (знак, обозначающий юг и имя при второй фамилии в первой строке не сохранились). В третьей строке сохранилась часть формулы «Восток. . . . [фамилия и имя]». По этим данным видно, что перед нами фрагмент документа такого типа, который совершенно не представлен среди документов, опубликованных и переведенных в европейской литературе.[1] Это — часть описи земельных владений. Две строки нашей второй рукописи — это фиксация размера, географического положения (эта часть не сохранилась) и основных границ двух земельных участков, входивших в надел какого-то лица. Публикацию текстов фрагментов, сходных по форме и содержанию с нашей второй рукописью, мы находим лишь в японской и китайской литературе.[2] И в том и в другом случае фрагменты не переведены и не подвергнуты анализу. Рукопись, фототипически воспроизведенная в упоминавшемся издании находок японской экспедиции, состоит из нескольких фрагментов, из которых два фрагмента земельных описей соединены чисто механически. Рукопись в своей значительной части, повидимому, сильно выцвела, и воспроизведение очень плохо передает текст. Верхние части воспроизводимых фрагментов (величина и географическое положение участков) не сохранились. Число строк

[1] Х, Ст, Ш.
[2] ЯЭ, 16; ЛФ, 49.

Фиг. 3.

текста в воспроизводимой рукописи равно пяти. Текст более значительного и, повидимому, хорошо сохранившегося фрагмента земельной описи дает в своей книге Лю Фу. В этом тексте 10 основных строк почти полностью идентичны по расположению частей и по содержанию этих частей с нашей второй рукописью (единственная разница в указаниях, приводимых после данных о величине участков, о том, является ли данный участок «вечной собственностью» 永 業 — «Юн-е» или «душевым наделом»[1] 口 分 — «Коу-фын»). Китайский автор называет публикуемый им фрагмент: «Описью земельных владений по четырем границам» (田 畝 四 界 册 — Тянь-му сы-цзе цэ). Наконец, наиболее полный образец текста, полностью идентичного по форме своих записей об отдельных участках с разбираемой нами рукописью, — это документ № 1 фонда «Китайских документов» Института востоковедения (общая длина сохранившихся фрагментов этого документа равна 11 м 29 см!). Текст нашей второй рукописи может быть транскрибирован следующим образом:

(3 стр.) (2 строка) (1 строка)

東 北 南 西 東 口 — 北 南 西 東 村 —
張 宋 馬 口 宋 口 段 李 口 李 吳 西 段
口 恭 達 通 緒 口 貳 平 口 口 敏 口 伍
步 畝 口 畝

Перевод этого текста следующий:

[1 стр.] «Один участок [в] 5 му [расположен] на запад от деревни.....[2] На востоке [владения] У Миня. На западе [владения] Ли..... На юге [владения]..... На севере [владения] Ли Пина.

[2 стр.] Один участок [в] 2 му [расположен].... [в].... бу.[3] На востоке [владения] Сун Сюя. На западе [владения]..... Туна. На юге [владения] Ма Да. На севере [владения] Сун Гуна.

[3 стр.].... На востоке [владения] Чжан....

Что же представляет собой третья рукопись, найденная в Таджикистане и самая незначительная как по своим размерам (10 (8) × 11 см.), так и по числу имеющихся на ней знаков? Эта рукопись составилась из двух фрагментов с китайскими знаками из находок в Таджикистане, и на

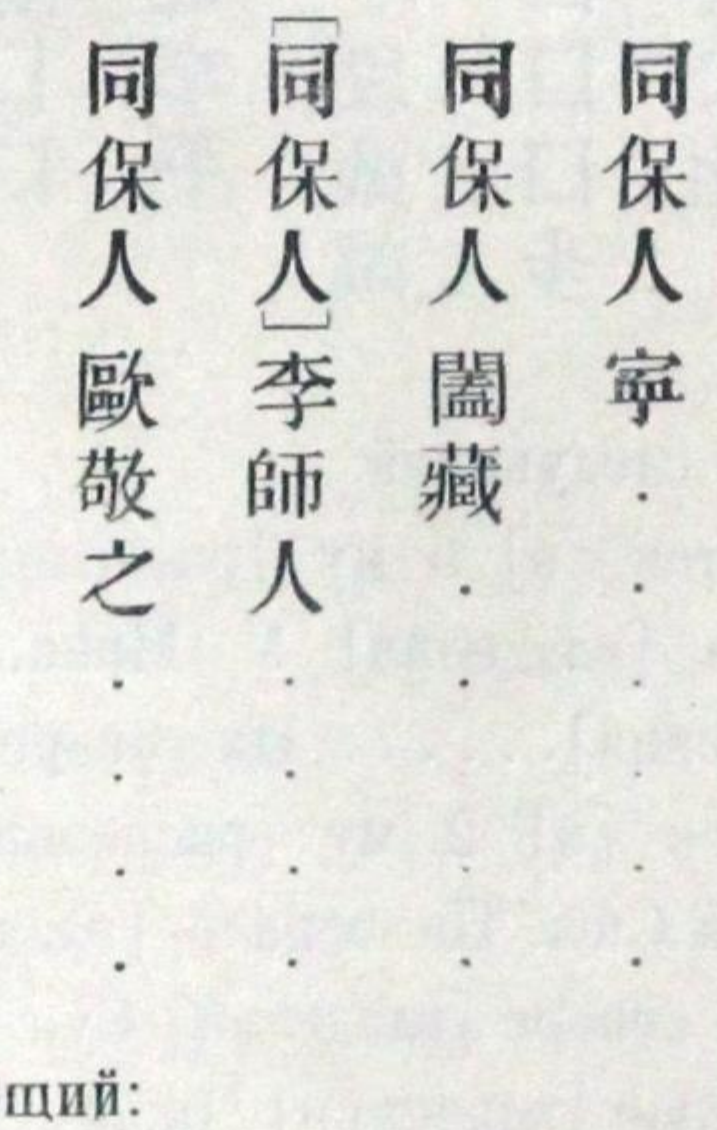
[1] Знак □ коу Лю Фу не расшифрован и приводится графически.

[2] Указание на расстояние утрачено.

[3] Указание на направление и расстояние от определенного пункта (вероятнее всего также от деревни) утрачены.

ней мы видим (см. фиг. 4), повторяющееся три раза (и вероятно повторенное еще один раз на месте лакуны) выражение «Тун-бао-жень» (同保人), которое по своему построению должно означать «сопоручитель». Далее идут (под выражениями «тун-бао-жень») 4 фамилии и 2 имени и начало третьего (четвертое имя не сохранилось). Выражение «бао-жень» — «поручитель» встречается неоднократно в доступных нам документах в конце денежных договоров (обязательств по ростовщическим займам) и договоров о натуральных займах[1] и ставится перед фамилией поручителя (сопровождающейся иногда указанием на его возраст). Подписание какого-либо обязательства целыми четырьмя поручителями (отчего они и называются «сопоручителями» — «совместно ручающимися») не имеет аналога в доступных нам документах, и наличие такого большого числа поручителей (а может и еще большего) в документе, фрагмент которого дошел до нас в разбираемой рукописи, заставляет думать, что мы имеем дело с фрагментом заключительной части весьма важного для своей эпохи частного делового документа.

Транскрипция текста третьей рукописи такова:

同保人寧 . . .
同保人闔藏 . . .
同保人」李師人 . . .
同保人歐敬之 . . .
. . .
. . .
. . .

Перевод ее следующий:

«Сопоручитель Нин . . . .
Сопоручитель Хэ Цзан . . . .
[Сопоручитель] Ли Ши-жэнь
Сопоручитель Оу Цзин-чжи».

Перейдем к анализу содержания основной из китайских рукописей, найденных в Таджикистане.

[1] Х, табл. III и Ст, 525; ЯЭ, 11 и 12 (?); ЛФ, 52.

Фиг. 4.

Согдийский сборник.

III. НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ И О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ПУНКТОВ, УПОМЯНУТЫХ В ОСНОВНОЙ ИЗ РУКОПИСЕЙ, НАЙДЕННЫХ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Фрагмент официального отношения 706 г. упоминает о целом ряде правительственных учреждений и должностей (цензора-инспектора армии — «цзянь-цзюнь юй-ши» (監軍御史), «Главные управления Совета министерств» — «Ду-сы» (都司), «Правительственные хлебные амбары» — «Цан» (倉), «Правительственные казнохранилища» — «Ку» (庫), «Округа» — «чжоу» (州), армии — «цзюнь» (軍), эмиссары этих округов и армий — «ши» (使), «Нижняя [палата] цензоров Восточной столицы» — «Дун-ду ю юй-ши-[тай]» (東都右御史[臺]), «Министерство чинов» — «Ли-бу» (吏部), наконец «пограничные гарнизоны» — «шоу-чжо» (守捉) и их эмиссары — «ши» (使). Говорится в этом фрагменте и об «императорском эдикте» — «чи-чжи» (勅旨), причем первые две строки отношения явно представляют собой заключительную строку и дату такого эдикта. Таким образом, несмотря на незначительную величину нашего фрагмента, в нем затрагиваются многие звенья феодального государственного аппарата Танской империи от верхнего звена феодальной иерархии — императора «Хуан-ди» (皇帝) до низших звеньев — округов, армий и даже пограничных гарнизонов.

Остановимся более подробно на тех данных, которые имеются относительно упоминающихся в нашем фрагменте правительственных учреждений и чинов.

Первыми после императора крупнейшими учреждениями империи были так наз. «Три государственных совета» (Сань-шэн — 三省).[1] Самым крупным и важным из государственных советов являлся «Совет министерств» (Шан-шу шэн — 尚書省). Этот совет объединял «шесть министерств» (Лю-бу — 六部),[2] из которых важнейшим считалось «Министерство чинов»; глава этого министерства — «Ли-бу шаншу», хотя и числился так же, как остальные «министры», в «третьем высшем классе», но в перечне чинов он стоит отдельно, значительно впереди остальных министров, непосредственно за начальниками двух других государственных советов.[3] «Совет министерств» имел два «Главных управле-

[1] Все данные в разделе III статьи взяты, в основном, для периода, к которому относится наш документ (начало 706 г.).

[2] ТД, 40, 1б.

[3] Там же.

ния» или «Первое и второе» (собственно: «левое» и «правое») «управления главной палаты» (都堂左右司 — «Ду-тан цзо ю-сы»,[1] сокращенно — «Ду-сы»). Первое из этих управлений ведало делами министерств: чинов, населения и церемониала, второе делами министерств: военного, наказаний и общественных работ. Оба эти управления вместе и составляли своеобразное «Управление делами» Совета министерств и, повидимому, объединенно назывались: «Главные управления совета министерств».

Вот что говорится в «Тун-дянь» о месте «Главных управлений» в «Совете министерств». Этот источник указывает, что «Совет министерств» несколько раз переименовывался во время царствования императрицы У; наконец, «в начале [летоисчисления] Шэнь-лун он был снова назван Шан-шу шен (называли этот совет и «Южным Советом»). В центре его находилась главная палата [都堂 — ду-тан], разделенная посредине на два управления: первое и второе [собственно «левое» и «правое»] (в прежние времена начальник Совета министерств имел большую палату [大廳 — да-тин], которая являлась центром Совета, и было приказано называть ее «главной палатой»). В восточной части главной палаты имелось 3 отдела [三行 — сань-син] — министерств: чинов, населения и церемониала, и в каждом отделе было по 4 управления и все они подчинялись первому [главному] управлению. В западной части главной палаты [также] имелись три отдела министерств: военного, наказаний и общественных работ, в каждом из них [тоже] было по 4 управления и все они подчинялись Второму [главному] управлению».[2]

Крупнейшим правительственным учреждением после «Трех Советов» была «Палата цензоров» (Юй-ши-тай — 御史臺), глава той палаты — Юй-ши да-фу (御史大夫) считался в «третьем низшем классе». К интересующему нас периоду эта палата еще была разделена на две: «Верхнюю палату» и «Нижнюю палату» (собств. «левую» и «правую» — Цзо юй-ши-тай — 左御史臺, Ю юй-ши-тай — 右御史臺). Функции обеих палат заключались в инспектировании работы всех других правительственных учреждений. Основными кадрами обеих палат являлись несколько разрядов «цензоров» (Юй-ши — 御史). Цензора низшего разряда (они считались всего в «восьмом высшем классе первой категории» — Чжэн ба пинь шан цзе» — 正八品上階)[3] назывались «цензорами инспекто-

[1] ТД, 22, 3б.
[2] Там же.
[3] ТД, 24, 16б.

рами» (Цзянь-ча юй-ши — 監察御史) и из их числа назначались «цензора-инспектора армии».

«Старая история Танской династии» следующим образом характеризует верхнюю и нижнюю палаты цензоров:

«....в 1-м году [летоисчисления] Гуан-чже [683 г.] разделили Палату [цензоров] на верхнюю и нижнюю [собственно «левую» и «правую»] и назвали [эти палаты] верхней и нижней палатами Непреклонного управления [肅政—Су-чжен]. Верхняя палата специально ведала столичными учреждениями, нижняя палата ведала инспекцией округов [按察諸州—ань-ча чжу-чжоу]. В [летоисчисление] Шэнь-лун [палаты] снова стали именоваться верхней и нижней палатами цензоров».[1] Окончательно ликвидирована была нижняя палата цензоров по этому же источнику в 712 г.[2] Интересные дополнительные данные о разделении палат сообщает другой источник «Инь-хуа лу» (因話錄), составленный, примерно, на полвека позднее «Тун-Дянь». Этот источник указывает, что хотя «Управления законоположений [憲府—сянь-фу, иносказательное название цензоров] еще не имели названий Восточной и Западной, но в обиходе [俗間—Су-цзянь] находившуюся в столице называли Западной палатой, а [находившуюся] в Восточной столице называли Восточной палатой [呼在京爲西臺東都爲東臺—ху цзай Цзин вэй си-тай Дун-ду вэй дун-тай]».[3] Цитированные выше дополнительные данные о нижней палате цензоров дают нам ценные сведения о том, что: а) эта палата находилась в Восточной столице (совр. Ло-ян) и, следовательно, должна была называться именно так, как она называется (принимая добавление по коньектуре знака 臺—тай) в нашем фрагменте; б) эта палата в отличие от верхней ведала инспекцией округов, так что поступление именно в нее эдикта о такой инспекции было более чем естественно.

Отдельными звеньями к интересующему нас периоду, постоянно не подчиненными никаким более крупным учреждениям, были в Танской империи округа (州 — чжоу)[4] и армии (軍 — цзюнь)[5]. Первые возглавлялись Цзун-гуанями (總管) или Ду-ду (都督), вторые Цзян-цзюнями (將軍 с подчиненными им Фу-цзянами (副將). Наконец, одним из крупных само-

1 ЦТШ, 44, 1а; Ср. также СТШ, 48, 2б и ТЦ (по изданию Сы бу Цун-кань) 203, 10б; 210, 11б; 210, 20а; 211, 2б.

2 ЦТШ, 44, 1а.

3 Цитирую по 歷代職官表 Ли-дай Чжи-гуань бяо, 18, 38б.

4 ТД, 32, 12б—13а.

ТД, 28, 3а—4б.

стоятельных звеньев в государственном аппарате Танов была система пограничной охраны. Пограничные районы империи были разделены на округа (道 — дао, тот же термин, что с апреля 706 г. стал применяться для наименования административных округов), в числе 12, в которые входили более мелкие единицы пограничной охраны: воеводства (軍 — цзюнь, слово здесь то же, которое применяется для обозначения деления воинских сил — «армий», но значение его иное, поэтому мы и переводим его иначе), пограничные гарнизоны (守捉 — шоу-чжо), пограничные города 城 — чэн), пограничные пункты (鎮 — чжэнь)[1]. В «Отделе о войсках» (兵志 — бин-чжи) «Новой истории Танской династии» мы читаем: «В начале [царствования] Танской династии [из пунктов] пограничной охраны крупные назывались Цзюнь, мелкие же назывались Шоу-чжо или Чжэнь или Чэн, а те округа, в которые они объединялись, назывались Дао... Такова была организация пограничной охраны с летоисчисления У-дэ [武德 — 618—628 гг.] до начала летоисчисления Тянь-бао [天寶 — 742—755 гг., т. е. на протяжении периода, который включает время составления интересующего нас документа]. [Пункты] Цзюнь, Чэн, Чжэнь и Шоу-чжо все имели эмиссаров [командовавших ими], а [округа] Дао имели одного верховного военноначальника».[2]

Во всей империи было 12 пограничных округов, и в этих округах насчитывалось 80 цзюнь, 66 шоу-чжо, 39 чэн и 38 чжень.[3] Что касается правительственных хлебных амбаров и казнохранилищ, то последние имелись как центральные, так и в каждом округе и уезде и, повидимому, в армиях и в пунктах системы пограничной охраны. Центральные хлебные амбары носили различные названия и главнейшие из них перечисляет «Тун-дянь» (давая цифры наличности зерна в этих амбарах на 749 г.) под названием «различные амбары» (諸色倉 — чжу-сэ-цан).[4] Амбары, имевшиеся в округах, уездах и т. д., носили названия: «Нормальные амбары» (正倉 — чжэн-цан), «Общественные амбары» (義倉 — и-цан) и «Амбары нормирования» (常平倉 — чан-пин-цан).[5]

Таковы данные о тех звеньях государственного аппарата Танской империи к началу 706 г. н. э., которые упоминаются в нашем фрагменте по летописным источникам. Они показывают нам, что этот фраг-

1 СТШ, 60, 6а—7а.
2 СТШ, 50, 6а—7б.
3 СТШ, 50, 6а—7а.
ТД, 12, 17а-19а.
5 Там же.

мент действительно относится к тому периоду, на который указывает стоящая на нем дата. С другой стороны, наш фрагмент, как первоисточник в собственном смысле слова, показывает сравнительную точность данных китайских позднейших источников, сохранивших нам сведения о правительственных учреждениях периода царствования династии Тан.

«Новая Танская история» перечисляет полностью по названиям только крупные пограничные пункты — «воеводства» («Цзюнь»), так что по этому источнику определить, в каком округе находятся те или иные «пограничные гарнизоны», как правило, нельзя. Но в округе Хэ-си (河 西) (территория современной Гань-су) в перечне «воеводств» указывается «воеводство Да-доу» (大 斗 軍). Сведения, дающие возможность разрешить вопрос о положении упоминаемых в нашем фрагменте пограничных гарнизонов, нам дает другой источник: «Описание провинции Гань-су» (甘 蕭 通 志 — Гань-су тун-чжи). В отделе «Древности» (古 蹟 — гу-цзи), в разделе, посвященном уезду Юн-чан (永 昌), мы находим указание на существование на территории уезда в период царствования династии Тан на недалеком расстоянии друг от друга двух пограничных пунктов: Да-доу и Цзяочэна. «Воеводство [цзюнь] Да-доу [находилось] на юго-западе уезда — указывает «Гань-су Тун-чжи» — «Тун-цзянь Цзи-лань» [сводная история Китая с древнейших времен до конца царствования Минской династии] указывает: «В округе Лян было воеводство Да-доу... оно находилось на запад от Лян-чжоу в 200 ли. В летоисчисление Кай-Юань [713—733] Танской династии пограничный гарнизон [шоу-чжо] воеводства Чи-шуй [赤 水 軍 守 捉] переименовали в воеводство Да-доу». В следующих строках, посвященных Цзяо-чжоу, наш источник указывает: «Пограничный гарнизон [Шоу-Чжо] Цзяо-чэн находился на западе уезда. Учрежден Танской династией. По «Юань-хэ чжи» [географическая работа, составленная при Танской династии в первых десятилетиях IX в.] находился на запад от Лян-чжоу в 200 ли»[1]. Таким образом, местоположение «пограничного гарнизона» Цзяо-чэна устанавливается с бесспорностью, пункт же Да-доу рассматривается как «воеводство» (цзюнь). Но в последнем тексте указывается, что «воеводством» и этот пункт стал лишь в летоисчисление Кай-юань (713—733), т. е. после того времени, к которому относится наш документ, до этого времени этот пункт также, как Цзяо-чэн, именовался «пограничным гарнизоном» (шоу-чжо).

[1] ГСТЧ, 23, 5а.

Центральный государственный архив кинофотодокументов СССР
Научно-редакционный отдел
Фонд Рао

Более точно локализировать местоположение «пограничных гарнизонов» Цзяо-чжоу и Да-доу позволяет то обстоятельство, что по нашему фрагменту очевидно, что они были расположены в местности У-цзянь (伍 澗, обычное написание 五 澗). Мы не входим в детальное рассмотрение вопроса о самом термине У-цзянь (буквально: «пять ключей», «пятиречье»),[1] который в наиболее распространенных китайских источниках рассматривается как название одной реки в округе Лян-Чжоу.[2] Нам представляется, что это название, в основном, относилось (а может быть еще и теперь относится) к определенной местности. Именно так надо понимать совершенно недвусмысленное высказывание наиболее близкого к интересующему нас периоду источника, где мы нашли название У-Цзянь. Речь идет о 太平寰宇記 — Тай-пин хуань-юй цзи, в котором указано, что «реки долины У-Цзянь от границ уезда Фань-хэ текут на север [и затем] втекают в Белое озеро [五澗谷水自番和縣北流入白海 — У-Цзянь-гу шуй цзы Фань-хэ-сянь бэй лю жу Бо-хай]».[3] Правда, это, повидимому, не может относиться ко всем пяти (!), сравнительно, крупным рекам, сливающимся попарно и затем объединяющимся в одной реке, впадающей в Бо-хай (см. карту), но к трем из них относиться может и, во всяком случае, это высказывание нашего географического источника с бесспорностью говорит, что У-Цзянь—название местности (долины).[4] Заметим, что, повидимому, наиболее раннее упоминание названия У-Цзянь, приурочиваемое к определенным историческим событиям (начала V в.), также рассматривает его как название местности.[5] Если мы обратим теперь внимание на то, что с запада эта местность ограничена горными отрогами как раз на границе с современным уездом Юн-чан (при Танской династии на его территории был уезд Фань-хэ), на территории которого Гань-су Тун-чжи и помещает наши гарнизоны, отрогами, отстоящими к тому же на 150—200 ли от Лян-чжоу, то место нахождения наших гарнизонов в период их существования определяется сравнительно точно (в районе между 37°40′ — 38°20′ сев. шир. и 101°30′ — 102°00′ вост. долг., см. карту).

[1] Такое название является, повидимому, довольно обычным для рек или их систем, а по ним и местностей — ср. Пенджаб и Пяндж.

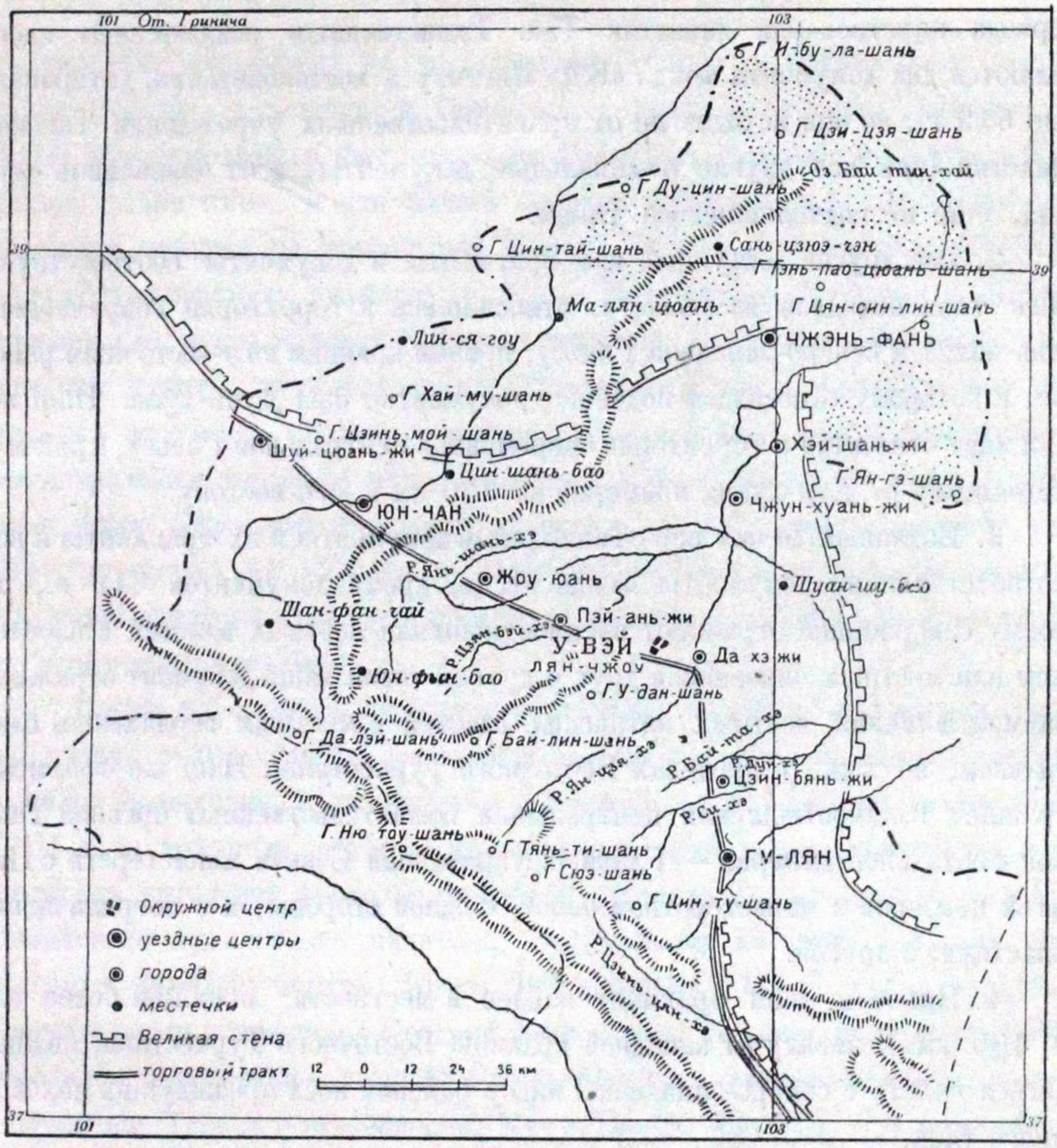
[2] См. 水經注 — Шуй-цзин-чжу, 40, 26-б—27а; ГСТЧ, 6, 9а; Да-цин и тун-чжи 164, 7б

[3] ТПХЮЦ, 152, 4б.

Позднейший источник ГСТЧ также говорит о «долине У-цзянь», правда, указывая, что «также говорят: река У-цзянь», 6, 9а.

[5] 十六國春秋, цитата из этой работы приведена в Да-цин тун-чжи, 164, 7б.

[6] Вычерчено по атласу: 大清國全圖。上海。商務印書館。光緒三十一年六月初版

Карта округа Лян-чжоу пров. Ганьсу (территория, на которой были расположены гарнизоны Цзяо-Чэн и Да-доу)[6] (см. стр. 112).

IV. ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНОЙ ИЗ РУКОПИСЕЙ, НАЙДЕННЫХ В ТАДЖИКИСТАНЕ, И ВОПРОС О ПУТЯХ ЗАНЕСЕНИЯ КИТАЙСКИХ РУКОПИСЕЙ В СОГДИАНУ

Какие же характерные черты выделяют основной из анализируемых нами фрагментов, среди других сходных с ним по типу, относящихся к царствованию династии Тан и доступных нам (опубликованных и находящихся в фонде «КД» Института востоковедения) документов и фрагментов? Таких характерных черт можно наметить четыре:

1. Среди всех датированных документов и фрагментов из области юридических отношений и относящихся к деятельности правительственных учреждений, доступных нам, наш фрагмент имеет самую раннюю дату для

периода царствования династии Тан. Единственным исключением здесь являются два документа фонда «КД» Института востоковедения, датированные 619 г., но они исходят не от правительственных учреждений Танской династии (как все другие официальные документы), а от чиновников феодала, еще не подчинившегося Танам.

2. Все другие доступные нам фрагменты и документы соответствующего типа исходили из области, относящейся к территории современного Синь-цзяна и северо-западной Ганьсу, причем крайним юго-восточным районом, к которому относились подобные документы, был Дунь-хуан. Наш же фрагмент относится к территории современной центральной Ганьсу, к району, отстоящему от Дун-хуана примерно на 350 км к юго-востоку.

3. Изданные до сих пор официальные документы и их фрагменты и все соответствующие документы фонда «КД», кроме документов 619 г., по своему содержанию отражают взаимоотношения местных властей с населением или местных чиновников друг с другом (один лишь документ отражает взаимоотношения местных китайских властей с местным феодальным властителем, но тоже в пределах Восточного Туркестана). Наш же фрагмент отражает взаимоотношения центральных правительственных органов Танской феодальной империи — Главных управлений Совета министерств с Палатой цензоров и министерством чинов, с одной стороны, и с пограничными областями, с другой.

4. Наконец, наш фрагмент найден в местности, лежащей более чем на 400 км к западу от западной границы Восточного Туркестана, являющегося вместе с северо-западной Ганьсу районом всех предыдущих находок такого типа.[1]

Нам остается разобрать вопрос о том, каким образом фрагменты китайских документов, о которых мы говорили выше, попали из Китая на

[1] Эти выводы были сформулированы еще до разработки текстов официальных отношений, сохранившихся в виде надписей, высеченных на камне. Включение в круг исследования этих текстов не может ничего изменить в выводах, по их существу, так как эти тексты отнюдь не являются первоисточниками (поскольку они переписаны на другом материале, а некоторые из них высечены через несколько десятилетий после того, как они были написаны), и они, по самому своему характеру, несравнимы с подлинными первоисточниками, каким являются непосредственно дошедшие до нас тексты. Но если даже сравнивать наш фрагмент с этими текстами по его значимости и датировке, то и тут мы увидим, что среди отношений, сохранившихся от периода царствования династии Тан, в виде надписей на камнях, только два древнее по дате (высечены же они были на несколько лет позже написания отношения 706 г.), и нет ни одного, которое бы отобразило столь широкий круг взаимоотношений друг с другом правительственных учреждений, как наше отношение (почти все отношения, высеченные на камне, посвящены вопросам узкого круга взаимоотношений государственной власти и буддийских монастырей)

территорию, повидимому, входившую в одно из царств, подчиненных Согдийскому царству, с центром в Самарканде. Наиболее полные данные о том пути, который должен был проделать китайский документ из Китая в Согдиану, у нас имеются для нашей основной рукописи, так как на ней есть указания пунктов на территории Китая, куда был направлен документ, фрагментом которого является рукопись. Эти пункты (Цзяо-чэн и Да-доу) отделены от места находки рукописи примерно на 3000 км. Но характерно, что как пункты, куда был направлен документ, так и пункт, где был найден его фрагмент, отстоят сравнительно недалеко от крупных центров на магистральном торговом пути, шедшем в VII—VIII вв. из Китая в Среднюю Азию (Цзяо-чэн и Да-доу, примерно, на 100 км от Лян-чжоу, гора Муг, примерно, на 120 км от Самарканда). Представляется бесспорным, что наша основная рукопись была занесена на территорию Согдианы именно по этому торговому пути.

Каким же способом это могло произойти? В задачу настоящей статьи не входит сколько-нибудь детальный анализ весьма запутанного политического положения, сложившегося в Средней Азии к первым десятилетиям VIII в. и той роли, которую играла в это время в среднеазиатских делах политика китайских феодалов правящей династии Тан и торговые операции китайского купеческого капитала. Остановимся на этих вопросах лишь в самых кратких чертах. Конец VII и начало VIII вв. характеризуются значительным усилением в Средней Азии, с одной стороны, позиции китайских феодалов, а с другой—позиции арабов. В 692 г. китайские войска наносят поражение Тибету и отвоевывают Кучу (Цю-цы 龜茲),[1] где восстанавливается административный центр Китайской империи в подчиненных и зависимых областях Восточного Туркестана и Средней Азии. С этого момента китайские феодалы восстанавливают свое командующее положение над значительной частью торгового пути из Собственно Китая в Среднюю Азию. С 705 по 715 гг. арабы проводят ряд завоевательных экспедиций, поставивших в зависимость от них значительную часть Мавераннахра. С середины второго десятилетия VIII в. дальнейшее расширение территории арабских завоеваний прекращается, и последующее десятилетие проходит под знаком острой борьбы между арабскими завоевателями и среднеазиатскими царствами, поддерживаемыми тюрками. В этот же период китайские феодалы начинают непосредственно вмешиваться в борьбу, происходящую в Средней Азии; так, например, в 715 г. Китай добивается возведения на престол в Фер-

[1] ТЦ, 205, 1а (изд. Сы-бу Цун-кань).

ганском царстве ранее низложенного царька.[1] К периоду, непосредственно последовавшему за 715 г., относится и наибольшее число миссий, посылаемых среднеазиатскими царствами в Китай. Так, с 717 г. по 731 г. (по подсчету автора работы об арабских завоеваниях в Средней Азии, Гибба) в Китай было послано миссий: из Согдианы 11, из Тохаристана 5, из Бухары 2.[2] Из дошедших до нас обращений к китайскому двору со стороны среднеазиатских царств целых четыре относятся к периоду всего двух лет с 718 по 719 гг. (от Тохаристана, Кумеда, Бухары и Согдийского царства). Наконец, для 720 г. мы имеем сведения о посылке из Китая в Среднюю Азию специальных послов для передачи императорских грамот трем среднеазиатским царькам. Таким образом, мы видим, что годы вероятного занесения нашего фрагмента (или всего документа, к которому он принадлежал) на территорию Согдианы были годами весьма интенсивных политических взаимоотношений между Китаем и царствами Средней Азии.

Наличие таких активных политических взаимоотношений и развивающейся торговли китайских купцов по торговым путям той эпохи и позволяет высказать следующие предположения о путях занесения китайского документа в Согдиану:

а) документ был завезен в Среднюю Азию одним из чиновников, которым он был адресован, при допущении, что один из этих чиновников вошел в ту или иную миссию, направленную в Среднюю Азию из Китая и захватил с собою свой архив;

б) документ попал в Среднюю Азию как бумажный материал, купленный в тех районах, откуда он исходил, китайскими купцами и затем перепроданный ими. В пользу последнего соображения говорит и то обстоятельство, что в Согдиане пользовались оборотной стороной китайских документов и религиозных буддийских текстов для письма. В частности, разбиравшаяся нами в нашем сообщении вторая рукопись на обороте имеет согдийский текст, а среди согдийских документов, переводившихся Рейхельтом, имеется один, написанный на обороте китайского буддийского текста.[3]

Таковы те данные, которые могли быть нами получены на настоящем этапе исследования. Дальнейшая разработка вопросов, связанных

[1] ТЦ, 211, 11а—б.

[2] H. A. R. Gibb. The arab conquests in Central Asia. London, 1923, p. 60. Все данные о продвижении арабов в Среднюю Азию и о позиции тюрок в разделе IV статьи мы черпали из этой работы.

[3] H. Reichelt. Die sogdishen Handschriftenreste des Britischen Museums. II Teil, SS. 57—59. Эта работа была нам любезно предоставлена А. А. Фрейманом.

с китайскими рукописями, найденными в Таджикистане, безусловно может и должна расширить круг сведений по этим вопросам. В частности, мы считаем недостаточным анализ исторического периода, на протяжении которого возникло и было перенесено в Согдиану отношение от марта 706 г. Палеографический анализ текста всех трех рукописей также стоит на очереди. На этих двух вопросах необходимо остановиться в отдельных работах.

В заключение статьи пользуемся случаем принести благодарность за ту помощь, которая была нам оказана в нашей работе, акад. В. М. Алексееву, акад. И. Ю. Крачковскому, А. А. Фрейману, П. И. Осипову, Ю. К. Шуцкому, Н. А. Невскому, В. А. Казакевичу, А. С. Стрелкову, Н. В. Кюнеру, Б. А. Васильеву и П. Е. Скачкову.

Ленинград,
март—июнь 1934 г

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

ГСТЧ	甘蕭通志
КД	Фонд «Китайские официальные и юридические документы» Института востоковедения Ак. Наук СССР
ЛФ	劉復。燉煌掇瑣
Ст	A. Stein. Ancient Hotan
СТШ	新唐書
ТД	通典
ТПХЮЦ	太平寰宇記
ТЦ	資治通鑑
Х	R. Hoernle. A report on the British collection of antiquities from Central Asia
ЦП	金石萃編
ЦТШ	舊唐書
Ш	E. Chavannes. Les documents chinois trouvés par Aurel Stein.
ЯЭ	西域考古圖譜

RÉSUMÉ

A une distance de 120 kilomètres de l'est de Samarkand (environ près de 60 kilomètres à l'est de Pendjikent), en remontant le cours de la rivière Zéravshan, près de l'embouchure de la rivière Kum, s'élève au midi une montagne sombre, dépourvue de végétation, Mugh.

Entourée de trois côtés de rivières (Kum — à l'est, Zéravshan au nord et à l'ouest), cette montagne, de par sa situation topographique, est un point bien approprié à la défense et à la surveillance des environs. Des ruines d'un édifice, à peine visibles de loin, se trouvent dans le coin sud-ouest du sommet de la montagne. Seulement du côté sud, du côté d'une petite terrasse, adjoignant la montagne, peut-on distinguer les restes des murs et des voûtes, ensevelis sous le loess pour la plupart. Au sud de la montagne Mugh, en remontant le cours du Kum à 4—5 kilométres de la montagne se trouve le village Kum et les ruines d'un autre édifice, bien supérieures par leur étendue aux précedentes.

Au printemps de 1932 un habitant du village Khaïrabad, situé au pied de la montagne Mugh, Djur-Ali-Mahmad-Ali a découvert dans la partie sud des ruines, sous un talus exposé à l'érosion, une petite corbeille ovale, tressée en osier et sous cette corbeille se trouva un manuscrit de 28.9×28.2 cm sur papier fin. Ce manuscrit fut envoyé à l'automne de la même année dans la capitale de la République soviétique socialiste de Tadjikistan — Stalinabad. La photographie de ce manuscrit, envoyée à l' Académie des Sciences à Leningrad au printemps de 1933 a permis de constater que ce manuscrit est sogdien. Cette trouvaille, étant la première découverte d'un manuscrit sogdien dans l' U. R. S. S. sur le territoire même de l'ancienne Sogdiane a attirée l'attention des savants. Au mois de Novembre 1933 conformément à l'arrêt des autorités centrales de la R. S. S. de Tadjikistan une expédition fut organisée pour les fouilles des ruines de la montagne Mugh, expédition composée de A. A. Freiman, A. I. Vasiljev et V. A. Vorobjev.

Avant même le commencement des travaux de l'expédition la montagne Mugh fut visitée et explorée par le secrétaire du Comité régional communiste du district de Zakhmatabad (ci-devant Falghar) le camarade Puloti (Juillet-Août) et par le secrétaire de la Filiale de l'Académie des Sciences à Tadjikistan A. I. Vasiljev (Septembre); chacun d'eux collectionna une certaine quantité de manuscrits et d'objets de culture matérielle.

L'expédition fit son voyage de Stalinabad à Samarkand par le chemin de fer, se transporta de là par un chemin vicipal en remontant le cours de Zéravshan et prit ensuite un sentier à travers les montagnes jusqu'à destination. Le trajet se fit en 8 jours, les travaux sur place eurent lieu durant 15 jours à l'aide de 10 manoeuvres et le 23 Novembre, déjà sous la neige et la pluie, l'expédition reprit le même chemin pour son retour. L'expédition a exploré le mont Mugh et les environs adjacents, a exécuté les fouilles des ruines de l'édifice pour élucider son caractère et sa destination probable. On a collectionné plus de 80 manuscrits sur papier, cuir et bois (bâtons), ainsi que des monnaies et des objets de la culture matérielle, de l'équipement militaire et de la vie usuelle, en tout près de 400 dénominations.

L'édifice exploré était entouré autrefois par un mur en pierres, dont on aperçoit des traces à peine visibles, disparaissant par places complètement. Un autre mur, en pierres aussi, qui barrait l'accès de cet édifice au sud, seul côté accessible, était situé au midi de la terrasse dans sa partie la plus étroite.

Il y avait quatre chambres dans cet édifice avec des plafonds voûtés en briques ($52 \times 26 \times 9$ cm). Une petite terrasse s'accotait à l'édifice à l'ouest. A ce qu'il paraît, l'entrée se trouvait au nord où le montant du sommet est insignifiant; on découvrit là un seuil en bois avec un orifice pour le gond de la porte. La longueur de toutes les chambres est 17.2—17.5 m, la largeur 1.8 m, seulement celle de la seconde chambre (en comptant de l'ouest à l'est) est de 2.2 m. Les manuscrits sur papier et sur cuir furent trouvés dans la II et III chambres, dans leur partie sud sur une superficie de 7 m en comptant de leur bout sud, à une hauteur de 50—70 cm entre deux couches de briques. Cette circonstance nous permet de supposer que l'édifice avait encore un étage supérieur où se conservaient les manuscrits. Les voûtes écroulées des deux étages ensevelirent entre elles les manuscrits et les autres objets. Les documents sur les bâtons furent trouvés dans la IV chambre dans sa partie nord et aussi, partiellement, plus au sud près des restes d'un bûcher où l'on les brûlait, à ce qu'il paraît.

Des plus de 80 manuscrits — 20 sont écrits sur du papier, 23 sur des bâtons et les autres sur du cuir. Un document (sur cuir) est écrit en

langue arabe, trois (sur papier) en chinôis, dont un avec un texte sogdien à l'envers; un document (sur cuir, mal conservé) est écrit en caractères runiques, mais le langage n'en est pas défini jusqu'à présent; tous les autres documents en y comptant ceux sur bâtons, sont écrits en cursive sogdienne, dans la langue sogdienne. Quatre d'entre eux ont conservé les sceaux, dont trois portent l'image d'un chameau et le quatrième — une face de profil et des caractères sur le recto du sceau (du côté droit). Les documents sur bâtons sont de différente grandeur: de 1.32 m de longueur et 6 cm de diamètre jusqu'à des tout-petits de 10 cm de longueur. Les dimensions des documents sur papier et sur cuir ne sont pas grandes, ne surpassant pas ceux du premier manuscrit trouvé (28.9 × 28.2 cm), qui avait 23 lignes de texte.

Tous les documents, en excluant ceux écrits en chinois, sont des lettres et des documents d'affaires des féodaux sogdiens.

La majorité des documents sogdiens sont des lettres issues de la part de Dγvāstγč ou bien des lettres qui lui furent adressées. Le Dγvāstγč est désigné sous le titre pompeux de «sγwδyk MLK' sm'rknδč MR'Y δyw'styč» 'roi sogdien MR'Y de Samarkand Dγvāstγč'. Le titre de Dγvāstγč coïncide d'une manière étonnante au titre, attribué par un historien arabe à l'ikhṣhide sogdien Gurek: 'ikhshide sogdien afshin de Samarkand.' Cette coïncidence permet de considérer le «MR'Y» sogdien comme un idéogramme du mot afshin — «maître».

Le seul document arabe de cette collection bien rongé par les vers provient aussi de la même personne, qui y est nommée «Dīvāstī». Ce document est une lettre, adressée au régent de Khorassan Al-Djarraḥ. Comme Al-Djarraḥ fut régent de Khorassan seulement 17 mois, il fut possible d'établir la date de l'écriture du document arabe: pas plus tard qu'avril 719 et pas plus tôt que le commencement de l'an 718. L'auteur de cette lettre se présente comme client de Al-Djarraḥ. On y parle des fils du Tarkhun (l'ikhshide sogdien, prédécesseur de Gurek), du sort desquels ce client se préoccupe. Le témoignage des sources arabes que la personne nommée par eux «Dīvāstī» (ce nom est légèrement déformé dans les recueils arabes) est nommée Dγvāstγč en sogdien, — fait confirmé par les manuscrits sogdiens du mont Mugh — vient fortifier notre foi dans l'authenticité de ces documents. On trouve parmi les documents sogdiens quelques uns où le nom de Tarkhun «trγwn» est mentionné par les années du règne duquel se datent les documents. Les sources arabes nous racontent la marche du Dγvāstγč de Pendjikent (dont le nom se trouve dans un des documents

sogdiens «pnčyknδč») à l'est, la bataille entre ses troupes et les troupes arabes près du village Kum, elles nous disent qu'il fut fait prisonnier dans un château, situé à un farsakh du village. Toutes ces données, ainsi que le nom du village, conservé intact jusqu'à nos jours et les ruines d'un édifice à la place où la rivière Kum se jette dans la riv. Zéravchan où furent trouvés les documents sogdiens, tout cela nous permet de supposer que les ruines explorées par l'expédition de la Filiale de l'Académie des Sciences à Tadjikstan sont le château où le «Dγvāstγč» fut fait prisonnier et que les documents, qui y furent trouvés, sont ses archives, laissées là après son emprisonnement. Ainsi, pouvons nous fixer le temps auquel se rapportent ces documents — c'est le premier quart du VIII s.

Les trois documents chinois — contrairement aux autres, — n'ont aucune relation directe à la Sogdiane et à la place mentionnée. Le papier, à cette époque, était un objet importé de Chine, ainsi que les autres objets de culture et ces trois documents probablement furent importés ici comme matériel pour les écrits. Cette supposition est confirmée par le fait que sur le verso de l'un de ces documents se trouve un texte sogdien. Un de ces documents est daté de l'an 706 c'est-à-dire qu'il se rapporte à peu près à la même époque, que les documents sogdien et arabes. Les documents chinois se rapportent au temps de la dynastie de Tan et ont une grande importance pour la caractéristique des relations de l'État et féodaux et du style des documents officiels et particuliers de droit de cette époque. Le document A 21 est le fragment d'une relation officielle. Le second (avec le texte sogdien au verso) fut formé, durant la restauration, de cinq morceaux et présente un bout d'un inventaire de propriétés terriennes. Le troisième document, composé de deux morceaux, est le fragment de la partie finale d'un document d'affaires important.

Les objets de culture matérielle, trouvés dans les ruines du château sont fort variés. Il s'y trouve des objets de poterie (pots, bassins, un grand pot et beaucoup de débris de cruches), des objets en bois (grands plats faits sur le tour et montés sur pieds, une tasse, des couvercles pour les pots, tressés en osier, des boutons en bois, des dés à jouer, des corbeilles, des plateaux, des peignes à deux bouts, une cuillère de bois, une pelle de bois, un bouclier de bois, couvert de cuir avec une image d'un cavalier, des flèches, des objets en cuir (outres, chaussures), des étoffes (brocard, soie, coton de différentes couleurs, des filets pour les cheveux, des ouvrages en laine), des objets en métal (un couteau, des pointes de flèches) etc.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Предисловие.	5
А. А. Фрейман. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. (Предварительное сообщение .)	7
А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг.	18
А. А. Фрейман. Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР.	33
В. А. и И. Ю. Крачковские. Древнейший арабский документ из Средней Азии.	52
А. С. Поляков. Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане.	91
Резюме	118

TABLE DES MATIÈRES

	pag.
Prefacé	5
A. A. Freiman. La découverte des manuscrits sogdiens et d'objets de culture matérielle à Tadjikistan. (Rapport préliminaire).	7
A. I. Vasiljev. Le château sogdien du mont Mugh.	18
A. A. Freiman. Inventaire des documents manuscrits, trouvés dans les ruines de l'édifice du mont Mugh dans la région de Zakhmatabad de la SSR de Tadjikistan, près du village Khairabad, collectionés par la Filiale de l'Académie des Sciences de l'URSS de Tadjikistan.	33
V. A. Kračkovskaja et I. J. Kračkovskij. Le plus ancien document arabe de l'Asie Centrale, ...	52
A. S. Poljakov. Manuscrits chinois, trouvés en 1933 à Tadjikistan.	91
Résumé.	118